

Л. А. ДМИТРИЕВА

ТВОРЧЕСТВО

КЕДРА МИТРЕЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МОДЕЛИ
И ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
Удмуртский институт истории, языка и литературы

Л. А. ДМИТРИЕВА

ТВОРЧЕСТВО

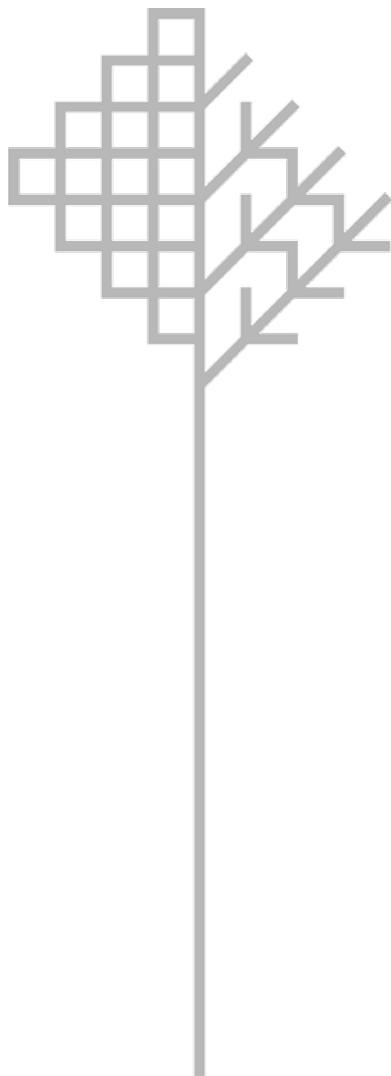
КЕДРА

МИТРЕЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МОДЕЛИ
И ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ

Монография

Ижевск 2019

УДК 821.511.131.09 «19»

ББК 83.3 (2Рос=Удм)

Д 53

Рецензенты:

кандидат педагогических наук С. Т. Ареева,
доктор философии (PhD) Р. С. Войтехович

Дмитриева Л. А.

Д53 Творчество Кедр Митрея: литературные модели и жизненные стратегии : монография / УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск, 2019. – 168 с.

ISBN 978-5-6042700-1-1

В монографии рассмотрен процесс формирования творческой индивидуальности одного из классиков удмуртской литературы Кедр Митрея (Дмитрия Ивановича Корепанова). Путь становления Кедр Митрея-писателя осмыслен в общественно-культурном и литературном контексте конца XIX – начала XX века. В основе исследования – материалы из личного архива писателя, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот.

Монография адресована литературоведам, учителям-словесникам, аспирантам, студентам и всем интересующимся историей удмуртской литературы.

ISBN 978-5-6042700-1-1

УДК 821.511.131.09 «19»
ББК 83.3 (2Рос=Удм)

© Л. А. Дмитриева, 2019

© УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Теоретический аспект понятия «жизнетворчество» в контексте региональной литературы	11
Глава 2. Формирование мировоззрения Кедре Митрея	25
§ 1. Эволюция духовно-нравственных взглядов Кедре Митрея-семинариста	25
§ 2. Эго-документы и процесс становления личности интеллекта	50
§ 3. Философские идеи брака и семьи в понимании Кедре Митрея	61
Глава 3. «Жизнетворчество» как стратегия писателя-просветителя	66
§ 1. Взгляды Кедре Митрея на проблему приобщения удмуртского народа к новому культурному укладу	66
§ 2. Начало журналистской деятельности в газете «Камско-Чепецкий край»	71
§ 3. Формирование образа писателя в автобиографии Кедре Митрея	76
Глава 4. Эстетические взгляды Кедре Митрея в контексте «жизнетворческих моделей»	86
§ 1. Дидактико-морализаторские интенции в жанре автобиографии	87
1. Синтез жанровых традиций в реализации просветительских идей автора	87
2. Комическое начало в художественной структуре автобиографии	101
3. Явление диглоссии	105
§ 2. Жанр трагедии «Эш-Тэрек» в дореволюционном творчестве писателя	110
1. Фольклорные и литературные традиции	110

2. Нравственно-философская концепция произведения	115
§ 3. Просветительское начало в прозаических набросках	
Кедра Митрея	119
Заключение	125
Приложения	130
<i>Приложение 1.</i> Кедра Митрей. Краткая биография	130
<i>Приложение 2.</i> Переплет рукописи автобиографии	
Кедра Митрея	132
<i>Приложение 3.</i> Предисловие к автобиографии	133
<i>Приложение 4.</i> Пролог неоконченного романа	
«Дитя больного века»	137
<i>Приложение 5.</i> Статья «Дети больного века»	142
<i>Приложение 6.</i> Фрагмент черновой рукописи автобиографии . .	145
<i>Приложение 7.</i> Текст предания «Эш-Тэрек», опубликованного	
в газете «Столичные отзвуки».	147
Источники и литература	150
Список сокращений	167

ВВЕДЕНИЕ

Монография посвящена изучению дореволюционного рукописного наследия Кедр Митрея (псевдоним Дмитрия Ивановича Корепанова) в аспекте становления его творческой индивидуальности.

Д. И. Корепанов (1892–1949) – прозаик, драматург, ученый-лингвист, журналист, педагог, выдающийся общественный деятель Удмуртии 1920–1930-х гг.¹ Он принадлежал к первому поколению национальной творческой интеллигенции, начавшей формироваться до 1917 г., и стоял у истоков удмуртской художественной литературы. Многообразная деятельность писателя во многом определила путь развития удмуртского литературного языка и удмуртской литературы в целом. В период становления советской удмуртской литературы Кедр Митрея принято было относить к так называемым «старым» удмуртским писателям, у которых «молодым» рекомендовалось перенимать опыт².

К сожалению, степень изученности творчества Кедр Митрея не соответствует реальному его значению для истории удмуртской литературы. Наиболее слабо разработанной сферой является дореволюционное творчество писателя. К примеру, до сегодняшнего дня не была полностью опубликована и не рассматривалась как материал для серьезного исследования автобиография Кедр Митрея 1911 г.

Как верно отметил Петер Домокош, «его [Кедр Митрея. – Л. Д.] писательская, творческая индивидуальность сформировалась до 1917 г., планы произведений, созданных позже, появились еще в молодости»³. Анализ дореволюционных текстов писателя позволит лучше осмыслить советский период его деятельности, понять противоречивые стороны его личности, проследить эволюцию взглядов на религию и собственное литературное творчество.

¹ См. краткую биографию Кедр Митрея в Приложении 1.

² См.: Шкляев А. Г. Времена литературы – времена жизни: статьи об удмуртской литературе. Ижевск, 1992. С. 12.

³ Домокош П. История удмуртской литературы. Ижевск, 1993. С. 194.

Удмуртскими литературоведами проделана большая предварительная работа по сбору фактических материалов биографии и творчества Кедр Митрея, что подготовило почву для дальнейших научных изысканий. Сегодня ученые ставят вопрос о необходимости подробного описания философских основ творчества Кедр Митрея⁴.

Представляется плодотворной попытка подойти к деятельности Кедр Митрея как процессу жизнетворчества⁵. Изучение жизнетворчества – одна из перспективных тенденций в современной гуманитарной науке. Это междисциплинарная область изучения культуры, которая может быть объектом как литературоведения⁶, так и культурологии⁷, психологии⁸, искусствоведения⁹ и других наук.

Предмет монографии – жизнетворческие стратегии Кедр Митрея – приблизит нас к пониманию того, какой путь проделал семинарист Дмитрий Корепанов, чтобы под псевдонимом Кедр Митрей стать классиком удмуртской литературы.

⁴ См.: *Ванюшев В. М.* Кедр Митрей: жизнь как творчество. К постановке вопроса // Пермистика 10: вопросы пермской и финно-угорской филологии. Ижевск, 2009. С. 101–107; *Литовская М. А.* Кедр Митрей: образ классика-основоположника в современной словесности // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2012. Т. 3. С. 132–141 и др.

⁵ В монографии жизнетворчество рассматривается как явление универсальное, характерное для любых эпох.

⁶ *Паперно И. А.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996; *Печерская Т. И.* Разночинцы шестидесятых годов XIX века. Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики. Новосибирск, 1999; *Худенко Е. А.* Жизнетворчество Мандельштама, Зощенко, Пришвина 1930–1940-х гг. как метатекст: дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2012.

⁷ *Бычкова Е. А.* Жизнетворчество как феномен культуры декадана на рубеже XIX–XX веков: дис. ... канд. культурол. наук. М., 2001; *Ерохина Т. И.* Личность и текст в культуре русского символизма: автореф. дис. ... д-ра культурологии. Ярославль, 2009.

⁸ *Леонтьев Д. А.* Жизнетворчество как практика расширения жизненного мира // 1-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений. М., 2001. С. 100–109.

⁹ *Розозина Е. И.* Игровая традиция в итальянском искусстве XX века: театр и кино: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Ярославль, 2003.

Важнейшим источником наблюдений за становлением и развитием нравственно-философских взглядов молодого писателя явилась рукопись его автобиографии, хранящаяся в фонде Национального музея УР им. Кузубая Герда¹⁰. Автобиография Кедр Митрея ранее была опубликована лишь в отрывках¹¹ и вошла в историю удмуртской литературы как автобиографическая повесть. Впервые фрагменты автобиографии были включены в сборник «Избранное» (1965), составленный редактором А. А. Ермолаевым из произведений Кедр Митрея, переведенных им самим на русский язык в 1920–1930-е гг. В этом издании фрагменты автобиографии озаглавлены как отрывки автобиографической повести «Дитя больного века».

В недавно опубликованном черновом варианте предисловия А. А. Ермолаева к сборнику «Избранное» говорится, что первоначальное название повести «...было “Исповедь семинариста”, еще одно – тоже зачеркнуто, и сверху новое, окончательное “Дитя больного века”, под которым я [А. А. Ермолаев. – Л. Д.] публикую отрывки этой <...> повести»¹².

Ответственность за выбор варианта заголовка – «Дитя больного века» взяла на себя исследователь творчества Кедр Митрея З. А. Богомолова, в одном из своих интервью утверждавшая: «Я занялась творчеством Кедр Митрея. Мне повезло: его дочь разрешила поработать с его архивом. Там я обнаружила рукопись “Дитя больного века” (это мое название), которую я и открыла для удмуртской литературы»¹³.

В 1990-е гг. автобиография Кедр Митрея вновь была опубликована в сокращении¹⁴.

Важно отметить, что в рукописи автобиографии заглавие отсутствует¹⁵. В одном случае Кедр Митрей обозначил ее жанр как автобиогра-

¹⁰ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ.

¹¹ *Кедр Митрей*. Дитя больного века: отрывки из повести // Кедр Митрей. Избранное. Ижевск, 1965. С. 140–200.

¹² *Ермолаев А. А.* О Кедр Митрее и его произведениях // Ермолаев А. А. Об удмуртской литературе. Ижевск, 2013. С. 46.

¹³ *Богомолова З. А.* Ей обеспечено место в книге памяти народа // Удмуртская правда. 2008. 1 февр. С. 12.

¹⁴ *Кедр Митрей*. Дитя больного века: повесть // Инвожо. 1993. № 10. С. 8–18; № 11. С. 15–22; № 12. С. 13–22; 1994. № 1. С. 9–15; № 2. С. 10–19; № 3. С. 11–23, 33–35; *Его же*. Дитя больного века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 127–160, 168–192.

¹⁵ См. Приложения 2, 3. При личных консультациях проф. Т. Г. Владыкина высказала нам свое мнение о том, что почерк, которым сделана надпись

фию, в другом – как мемуары¹⁶. Найденные нами архивные материалы позволяют уточнить, что заголовок «Дитя больного века» Кедр Митрей придумал сам, но предназначал его не для автобиографии, а для незаконченного романа. Сходное название – «Дети больного века» – имеет его публицистическая статья 1913 г.¹⁷ Ни статья, ни набросок романа до настоящего времени не опубликованы и не введены в научный оборот.

В настоящей монографии при цитировании Кедр Митрея мы будем ссылаться не только на рукопись, но и на ее сокращенные публикации, вышедшие под заглавием «Дитя больного века»¹⁸, – как более доступные для читателя. В случаях, если соответствующий отрывок не вошел в опубликованные версии, ссылки даются на рукопись из архива ИМ УР им. К. Герда.

В исследование включены также рукописные школьные тетради писателя, переплетенные им в два толстых тома и озаглавленные «Книга 1-я. Тетради по чистописанию, русскому языку, истории, Закону Божию и др<угое> м<ногое> пр<очее>»¹⁹ и «Книга 2-я. Сборник тетрадей по арифметике, географии, естествоведению и алгебре, выписки из книг и стихотворения»²⁰. Здесь нами обнаружены первые стихотворения и прозаические тексты Д. И. Корепанова, его статьи и письма. Более половины объема «Книги 2-й...» занимают отрывки из произведений русской и мировой художественной литературы («выписки из книг и стихотворения»), которые далее будут обозначены как «читательский дневник» писателя.

Малоизвестные свидетельства о Кедре Митрее и некоторых его современниках обнаружены нами в фондах Государственного архива Республики Татарстан, Центрального государственного архива Удмурт-

«автобиографическая повесть» на переплете рукописи, не принадлежит Кедр Митрею.

¹⁶ См. подробнее о записях Кедр Митрея, комментирующих заголовки автобиографии, в главе 4 настоящей монографии.

¹⁷ См. Приложения 4, 5.

¹⁸ *Кедр Митрей. Дитя больного века: отрывки из повести* // Кедр Митрей. Избранное. Ижевск, 1965. С. 140–200; *Кедр Митрей. Дитя больного века: повесть* // Инвожо. 1993. № 10-12, 1994. № 1-2; *Кедр Митрей. Дитя больного века: автобиографическая повесть* // Инвожо. 2005. № 9.

¹⁹ Кабинет удмуртской литературы и фольклора при кафедре удмуртской литературы и литературы народов России ИУФФУиЖ УдГУ.

²⁰ ИМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ.

ской Республики, Центра документации новейшей истории Удмуртской Республики²¹. Большинство сохранившихся ранних набросков писателя содержится в его записной книжке²², а также в материалах архивного фонда Кедр Митрея, который находится в Удмуртском институте истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН²³.

Мы рассматриваем творчество Кедр Митрея дореволюционного периода²⁴, так как именно в эти годы закладывается основа духовной и творческой индивидуальности одного из первых представителей удмуртской интеллигенции, происходит становление его как журналиста и литератора. Процесс становления личности писателя начинается с момента его поступления в Казанскую учительскую семинарию (1907 г.) вплоть до переломного 1917 года. События Октября и Гражданской войны также оказали сильное влияние на дальнейшую творческую биографию Д. Корепанова.

Основным в монографии стало исследование рассказов Кедр Митрея предреволюционных лет, его незаконченного романа «Дитя большого века» и публицистических статей. Впервые этот корпус текстов писателя интерпретируется в жизнетворческом аспекте: его рукописи и жизненные практики осмысляются как единый текст с определенным замыслом, вписанный в общественно-культурный и литературный контекст. В книге сделаны наблюдения и выводы о взаимосвязи жизненного поведения и художественного мира Кедр Митрея, что проявилось в устойчивом наборе тем и мотивов его творчества.

Формирование мировоззрения Кедр Митрея определяется общими эпохальными событиями, обусловившими единство направления творческих поисков многих представителей российской национальной интеллигенции. Процесс самосозидания интеллигента отражается в текстах Кедр Митрея через взаимодействие крестьянских и интеллигентских жизненных стратегий, через усвоение научной гуманистической традиции и художественных достижений русской и зарубежной культуры.

²¹ *ГА РТ*. Ф. 93. Оп. 1. Д. 949, 949а; Д. 1114; *ЦГА УР*. Ф. 122. Оп. 1. Д. 149, 605; *ЦДНИ УР*. Ф. 16. Оп. 3. Д. 7815.

²² *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/164-УРМ.

²³ *НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН*. РФ. Оп. 2-Н. Д. 196. Л. 182–193, 199–206.

²⁴ Советский период творчества Кедр Митрея (с 1920-х гг.) в монографии не рассматривается, поскольку представляет собой качественно новый этап художественной эволюции писателя.

Автобиография Кедр Митрея явилась первой и еще не вполне удачной попыткой войти в большую литературу. Жанр автобиографии обосновывал право автора на писательство: начинающий писатель ориентировался на уже известные образцы – биографии писателей «из народа». Писательская деятельность в жанре автобиографии представлялась вершиной нравственно-духовного самосовершенствования, знаменовала собой становление *интеллекта* в подлинном – для начинающего писателя – смысле слова.

Автор монографии выражает искреннюю признательность научному руководителю, доктору филологических наук В. М. Ванюшеву, коллективу отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, преподавателям Удмуртского госуниверситета и лично доктору филологических наук, заведующей кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России Т. И. Зайцевой. Особая благодарность – коллективу Тартуского университета, сотрудникам Национальной библиотеки УР, редакции газеты «Удмурт дунне», а также друзьям и семье за поддержку на всех этапах создания книги.

[глава]

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОНЯТИЯ «ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВО» В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературоведение накопило богатый опыт в изучении соотношения искусства и жизни. Влияние биографии на творчество того или иного автора сначала отрицали как научную проблему, а затем пристально исследовали русские формалисты²⁵. Понятия «текстов жизни» и «текстов искусства» разрабатывались в трудах московско-гартуской школы, представители которой обращались к истории литературы как начала XIX в., так и русского модернизма.

В целом это универсальная проблематика, которую не может обойти ни один исследователь. Для нас наиболее значимыми стали работы таких авторов, как Н. А. Богомолов, С. С. Гречишкин, Дж. Д. Гроссман, А. В. Лавров, Д. Г. Иоффе, Д. М. Магомедова, Д. Е. Максимов, З. Г. Минц, П. Песонен, В. А. Сарычев, О. Хансен-Лёве, Ш. Шахадат и др.

На материале русской культуры XIX в. Ю. М. Лотман сформулировал понятия «поэтики бытового поведения» и поведенческого текста как «законченной цепи осмысленных поступков, заключенной

²⁵ Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 255–270; Эйхенбаум Б. Молодой Толстой. Петербург; Берлин, 1922.

между намерением и результатом»²⁶. Идеи Лотмана получили развитие в работах Л. И. Вольперт, М. М. Голубкова, А. Л. Зорина, Е. И. Колесниковой, М. А. Кучерской, В. Н. Топорова и др. исследователей, занимающихся изучением структуры творческой биографии.

В удмуртском литературоведении опыт изучения поведенческих стратегий был впервые предпринят М. В. Серовой в работе о культурно-историческом феномене Ашалчи Оки²⁷, а также в статье С. Т. Аркеевой и М. А. Литовской о творческом поведении Кедр Митрея²⁸. Жизнетворчество в этих работах понимается как осознанное участие художника в построении собственной биографии, подчиненной его творчеству.

Такое отношение Кедр Митрея к своей биографии впервые отметил Петер Домокош в монографии «История удмуртской литературы» (1993): «Первым самобытным писателем в удмуртской литературе, который начал свой творческий путь с подлинными литературными целями и честолюбивыми устремлениями, был Кедр Митрей»²⁹. Но его потенциал реализовался не полностью: творчество писателя было оборвано извне. В 1930-е гг., когда ранняя политика советского государства, направленная на коренизацию национальных культур, резко изменилась, многие произведения Кедр Митрея подверглись разгромной критике «за национализм»³⁰. В 1937 г. писатель был репрессирован, в 1948 г. репрессирован повторно и в 1949 г. умер в ссылке. Десять лет (1937–1956) его имя было под запретом – вплоть до посмертной реабилитации в 1956 г., после чего произведения

²⁶ Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 38.

²⁷ Серова М. В. Поэтика «отказа» в творческом поведении Ашалчи Оки // Проблема культурно-исторической идентичности в литературе Удмуртии. Ижевск, 2014. С. 12–25.

²⁸ Аркеева С. Т., Литовская М. А. Кедр Митрей: тип творческого поведения // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллективная монография. Ижевск; Сыктывкар, 2014. С. 457–486.

²⁹ Домокош П. История удмуртской литературы. Ижевск, 1993. С. 8.

³⁰ См.: Емельянов Л. П. Как чернили честное имя писателя (по документам архивов Удмуртии) // Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея: воспоминания, статьи, письма, посвящения и произведения Кедр Митрея / сост. З. А. Богомолова. Ижевск, 2003. С. 237–241.

Кедра Митрея были возвращены в историю литературы и в удмуртскую культуру. Этому способствовали историко-литературоведческие труды и критические статьи Ф. К. Ермакова, А. А. Ермолаева и З. А. Богомоловой.

В 1967 г. публикуется первая (и на сегодняшний день единственная) научная книга о писателе – монография З. А. Богомоловой «Творчество Кедр Митрея». Главной ее задачей было познакомить читателя с «основными проблемами творчества зачинателя удмуртской прозы»³¹. З. А. Богомолова вписывает начальный этап творчества Кедр Митрея в историко-литературный контекст начала XX в., отмеченный модернистскими течениями в русской литературе. Особое внимание обращается на распространенность темы смерти не только в произведениях писателей-декадентов, но и в жизни; на то, что тема смерти «стала “модной”»³².

Несмотря на советские идеологические акценты работа З. А. Богомоловой и поныне сохраняет большую ценность – в частности, благодаря тому, что творчество Кедр Митрея включено в ней в актуальный для него литературный контекст. При всех оговорках можно сказать, что Кедр Митрей был не только удмуртским, но и русским писателем. Вообще, его дореволюционное творчество представлено исключительно русскоязычными текстами – удмуртскими по тематике, но русскими по языку и адресации, потому что только так писатель мог обращаться к самой обширной аудитории. Удмуртские рассказы для рукописного журнала «Сандал», о которых не раз упоминалось в печати, нами пока не обнаружены. После революции начинается собственно удмуртскоязычное творчество писателя, но, переводя свои произведения на русский язык, Кедр Митрей сохранял и свою вторую писательскую ипостась (ср. случаи автопереводов В. Набокова, Г. Айги, Г. Красильникова).

Дореволюционные прозаические произведения и журналистские заметки Кедр Митрея рассматриваются в монографии Ф. К. Ермакова «Путь удмуртской прозы» (1975), где отмечается их реалистическая направленность («Во всех дореволюционных произведениях <...> преобладает резко критическое отношение к действительности»)»³³.

В 1968 г. вышел иллюстрированный альбом «Кедра Митрей-лэн улэмез но творчествоез» (*Жизнь и творчество Кедр Митрея*),

³¹ Богомолова З. А. Творчество Кедр Митрея. Ижевск, 1967. С. 2.

³² Там же. С. 15.

³³ Ермаков Ф. К. Путь удмуртской прозы: очерки. Ижевск, 1975. С. 8.

подготовленный П. К. Поздеевым. Отдельного упоминания заслуживает документальная повесть З. А. Веселой «С надеждой и верой» (1983), посвященная юности писателя и соединившая в едином тексте разрозненные свидетельства Кедр Митрея о себе – из архивных документов и рукописей. В названных работах был заложен фундамент для изучения биографии Кедр Митрея. Позднее в печати появятся и другие важные источники – к памяти Кедр Митрея обратились представители творческой интеллигенции: были опубликованы воспоминания М. П. Прокопьева, И. Г. Гаврилова, С. А. Самсонова, Е. Е. Загребина.

В 1990-е гг., после рассекречивания архивов, новые факты биографии Кедр Митрея, связанные с его следственным делом, были опубликованы в документальной книге историка Н. С. Кузнецова «Шимес пеймытысь» (1992) – о незаконно репрессированных выдающихся удмуртских общественных деятелях и писателях; а также в публицистических статьях А. Г. Шкляева и А. М. Лаптева.

В 2003 г. была издана составленная З. А. Богомоловой книга «Опаленный подвиг батыра», объединившая статьи и материалы литературоведов и лингвистов, писателей и мемуаристов (преимущественно воспоминания родственников). Это ценный источник для изучения и осмысления образа писателя в общественном сознании.

Однако высокий образ Кедр Митрея как одного из основоположников удмуртской литературы обостряет ощущение недостатка как хорошо подготовленного полного собрания произведений писателя, так и научной литературы о нем. Как правило, критики и литературоведы обращались к его рассказам и роману «Секыт зйбет» (*Тяжкое иго*, 1929). Первые характеристики его произведений появились уже при жизни писателя, в 1920-е гг. К ним относится очерк Кузубая Герда «Вотяцкая литература», где Кедр Митрею посвящен абзац в разделе о старшем поколении удмуртских писателей³⁴. В критике 1930-х гг. также активно обсуждались роман «Секыт зйбет» и рассказы³⁵, в школьные учебники удмуртской литературы вводились отдельные главы, посвященные его творчеству³⁶.

³⁴ Герд К. Вотяцкая литература // Герд К. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. Ижевск, 2004. С. 328.

³⁵ Аркеева С. Т. Роман Кедр Митрея «Секыт зйбет» в зеркале критики 1930-х гг. // Пермистика 10: вопросы пермской и финно-угорской филологии. Ижевск, 2009. С. 75–86.

³⁶ Бутолин А. С. Кедр Митрей // Удмурт литература: средней школары учебник: 6 но 7 классъёслы. Ижевск, 1935. С. 47–76; Корепанов Д. И. Кедр

В следующий исторический период, после реабилитации писателя, в «Очерках истории удмуртской советской литературы» (1957) были представлены основные этапы биографии Кедр Митрея и рассмотрены его художественные произведения. В характеристике творчества писателя упоминается и о рукописи его автобиографии (сам автор печатал только выдержки из нее). Акцентируется внимание на произведениях о революционерах, среди них – рассказы «Не дожил» (1920), «Обидно» (1923), пьеса «Калгись» (*Странствующий*, 1924), для которых, по мнению авторов «Очерков...» Н. П. Кралиной, А. Н. Клабукова, А. И. Писарева и Ф. К. Ермакова, «характерны рыхлость сюжета, расплывчатость и языковые небрежности»³⁷.

Научная рецепция романа «Тяжкое иго» была продолжена в учебном пособии Н. М. Михайловской «Романы “Тяжкое иго” Кедр Митрея и “Старый Мултан” М. Петрова» (1959) и монографии А. А. Ермолаева «Удмуртская историческая проза» (1960).

В 1975 г. вышла монументальная «История удмуртской литературы» венгерского исследователя Петера Домокоша (переведена на русский язык и издана в 1993 г.), в которой творчеству и жизни писателя посвящена отдельная глава. Домокош дает концептуальную картину развития творчества Кедр Митрея, демонстрируя одновременно и художественное развитие писателя, и постепенное проявление национального самосознания в его творчестве. Исследователь не ограничивается сугубо академическим подходом, позволяя себе и эмоционально-ценностные высказывания, говоря о позднем периоде творчества писателя: «Он не был стойким по характеру, и это можно считать его человеческой виной, но, зная атмосферу 30-х гг. и выступления Кедр Митрея, мы не можем его слишком строго судить»³⁸.

В 1990-е – начале 2000-х гг. большинство литературоведческих работ о творчестве Кедр Митрея было посвящено роману «Тяжкое иго». В них используются разные методы исследования художественного текста. Так, анализируя образ главного героя романа, В. Л. Шибанов использует психоаналитический метод. В аспекте теории автора

Митрей // Корепанов Д. И. Удмурт литература: средней школары учебник: 5-тй классэзлы. Ижевск, 1935. С. 29–47; *Лямин М. А.* Кедр Митрей. Биографияез // Лямин М. А. Литературалы дышетскон книга: шор ёзо школары 7-тй арзэ дышетонлы. Ижевск, 1933. С. 17–19.

³⁷ Очерки истории удмуртской советской литературы. Ижевск, 1957. С. 59.

³⁸ *Домокош П.* История удмуртской литературы. Ижевск, 1993. С. 196.

рассматривает роман А. С. Зуева-Измайлова. Исследовались также рассказы Кедр Митрея³⁹.

Ряд проблем творчества Кедр Митрея разработал в своих исследованиях А. Г. Шкляев, внесший серьезный вклад в реабилитацию многих удмуртских писателей в современном общественном сознании, в освобождение образов писателей 30-х гг. от идеологических штампов.

В 2000-е гг. исследователи обратились к изучению автобиографической повести «Дитя больного века». А. Г. Шкляев раздвинул рамки ее литературного контекста, сопоставив творчество Кедр Митрея с творчеством коми писателя Каллистрата Жакова, а в жанровом отношении – с русской сентиментальной и романтической повестями⁴⁰. В 2006 г. первое из названных наблюдений было развито в диссертации С. С. Мараткановой «Автобиографический жанр в пермских литературах начала XX века»⁴¹, первая глава которой посвящена повести «Дитя больного века». Исследователь утверждает, что жанровой доминантой автобиографического произведения Кедр Митрея является *дневник*. Л. А. Богданова в кандидатском исследовании «Жанровое своеобразие поэмы в литературе Удмуртии» (2006) высказывает смелую гипотезу о близости стилистических особенностей автобиографического произведения Кедр Митрея к жанру поэмы. Данные научные работы подготовили почву для дальнейшего изучения творчества писателя и обозначили возможные направления исследований, а пример названных диссертаций показал, что автобиографическое произведение Кедр Митрея, до сих пор мало привлекавшее внимания литературоведов, представляет собой интересный, но недостаточно исследованный сегмент его творчества.

В 2009 г. В. М. Ванюшев в статье «Кедр Митрей: жизнь как творчество. К постановке вопроса» сформулировал задачи перспективного

³⁹ *Арекеева С. Т.* Кедр Митрейлэн «Пиме сôризы» но «Вожмин» веросьсь-сьз сярсь // Удмуртская литература XX века: направления и тенденции развития. Ижевск, 1999. С. 89–99; *Измайлова-Зуева А. С.* Проблема автора и читателя в рассказе Кедр Митрея «Сурсву» («Березовый сок») // Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея. Ижевск, 2003. С. 146–150; *Пантелеева Т. Г.* Малая форма прозы // Опаленный подвиг батыра. С. 143–146; *Пчеловодова Н. А.* Кедр Митрейлэн «Чут Макар» но «Шôртчи Ондрей» веросьсьсьз // Вордскем кыл. 2002. № 7. С. 90–93.

⁴⁰ См.: *Шкляев А. Г.* Времена литературы – времена жизни: статьи об удмуртской литературе. С. 37.

⁴¹ *Маратканова С. С.* Автобиографический жанр в пермских литературах начала XX века: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2006.

исследования творчества Кедр Митрея, обозначив необходимость изучения «внутренней» биографии писателя. Если факты «внешней» биографии Кедр Митрея в научной литературе уже рассматривались, то практически неизученной остается область его «философских и художественных исканий», «идейные и нравственные установки» писателя⁴².

О необходимости преодоления штампов в восприятии Кедр Митрея пишет в статье «Кедр Митрей: образ классика-основоположника в современной словесности» М. А. Литовская: «Юность бунтаря, кровно связанного со своим народом, и трагическая судьба, типичная для человека XX в., – вот основные составляющие редуцированной биографии одного из основоположников удмуртской литературы. <...> Остается надеяться, что постепенно выработанные в ученых дебатах идеи будут облечены в формулы, приемлемые для широкой аудитории, которая получит представление об образе классика удмуртской литературы, выходящее за рамки популярно-биографической традиции»⁴³. Этой цели придерживается и настоящее исследование.

Как отмечено выше, изучение жизнетворчества и моделей бытового поведения писателя – одно из перспективных направлений современного литературоведения. Но, если обратиться к истории изучения проблемы, следует сказать, что вопрос о возможности конструирования судьбы по модели художественного произведения был поставлен еще в XIX в. Восприятие личности творца и его жизни как эстетического объекта впервые ярко проявляется в период романтизма: «С эпохи немецких романтиков (начало XIX в.) в искусство вошло новое понятие – “жизнетворчество”»⁴⁴. Основу этого понятия М. Ю. Лотман и З. Г. Минц определяют следующим образом: «...художник творит не только свои книги, но и свою жизнь, делая из нее необыкновенное произведение искусства. Жизнь превращается в творчество. Творчество жизни – жизнетворчество»⁴⁵.

Одним из открытий эпохи романтизма в науке стал биографический метод Шарля Сент-Бёва – первый метод литературоведческого

⁴² Ванюшев В. М. Кедр Митрей: жизнь как творчество. К постановке вопроса // Пермистика 10: вопросы пермской и финно-угорской филологии. Ижевск, 2009. С. 104–105.

⁴³ Литовская М. А. Кедр Митрей: образ классика-основоположника в современной словесности. С. 140–141.

⁴⁴ Лотман М. Ю., Минц З. Г. Статьи о русской и советской поэзии. Таллинн, 1989. С. 87.

⁴⁵ Там же.

анализа нового времени, преодолевший обезличенность классической поэтики и риторики. Для Сент-Бёва важны были личные пристрастия писателя, его близкое окружение, наставники и ученики, враги, литературные кружки – он установил связь между произведениями писателя и его биографическим контекстом. Но в центре внимания Сент-Бёва оставались в первую очередь художественные творения, в то время как биографические сведения играли вспомогательную роль. Кроме того, чрезмерное увлечение биографическим методом привело к заслуженной критике этого направления и появлению одной из фундаментальных аксиом современного литературоведения – о несовпадении автора и его саморепрезентации в тексте.

На рубеже XIX–XX вв. в трудах А. А. Веселовского возникла идея о возможности построения истории литературы без автора как истории «общественной мысли, насколько она выразилась в движении философском, религиозном и поэтическом и закреплена словом»⁴⁶. Задача историков литературы виделась в том, чтобы «проследить, каким образом новое содержание жизни <...> проникает в старые образы <...> в которые неизбежно отливалось всякое предыдущее развитие»⁴⁷.

Эту идею подхватили формалисты, декларируя необходимость изучения художественного произведения в отрыве от личной биографии. Ю. Н. Тынянов в статье «О литературной эволюции» утверждал, что «авторское намерение может быть только ферментом»: «Орудья специфическим литературным материалом, автор отходит, подчиняясь ему, от своего намерения»⁴⁸. Но постепенно и формалисты подходят к необходимости исследования художественных текстов в литературном и, что для нас особенно важно, *бытовом* контексте.

Г. О. Винокур в работе «Биография и культура» (1926) предлагает изучать биографию как текст и упорядоченную структуру. Среди элементов этой структуры – личность и ее жизнь, становящаяся в динамичном историческом контексте. Внешний мир соотносится с биографией через переживание: «...исторический факт (событие и т. п.), для того чтобы стать фактом биографическим, должен в той или иной форме быть пережит данной личностью»⁴⁹. Так личность

⁴⁶ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989. С. 41.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Тынянов Ю. Н. О литературной эволюции // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 278.

⁴⁹ Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М., 1997. С. 44.

творит «в форме переживаний свою жизнь из матерьяла окружающей действительности»⁵⁰. Если жизнь – это творчество, она должна иметь свой стиль и канонические образцы.

По мнению исследователя, каждый поступок личности в текущей социальной действительности может стать биографическим лишь в том случае, если он повторяется и формирует стиль поведения. Но личный стиль складывается не только из уникальных элементов, он представляет собой уникальную комбинацию элементов, неповторимых и общих для той или иной группы. Можно говорить о распространенных «стилях личной жизни», подчиненных ориентации на то или иное биографическое «амплуа»: мечтателя, бунтаря, джентльмена и др.

При этом «стиль личной жизни» не оторван от стиля произведений писателя: любое художественное произведение можно истолковать как «некий авторский поступок, форму его поведения». «Интонация и тембр голоса, акцент и порядок слов, синтаксическая конструкция и лексическое своеобразие, тематические пристрастия и характерные приемы сюжетосложения, весь вообще стилистический уклад речи, т. е. всё то, что отличает в ней именно этого говорящего среди прочих, ведь это и суть те факты, в которых мы усматриваем следы индивидуальной жизненной манеры и которые позволяют нам смотреть на слово не только как на знак идеи, но и еще как на поступок в истории личной жизни»⁵¹. Таким образом, биографию и творчество предлагается интерпретировать как единый текст, единое художественное произведение.

Одной из наследниц школы формалистов стала тартуско-московская семиотическая школа, в рамках которой метод изучения взаимосвязи жизни и творчества получил дальнейшее развитие. Представители тартуской семиотики обращались прежде всего к двум историческим периодам – началу XIX в. и началу XX в. В работах, посвященных эпохе модернизма (конец XIX – начало XX в.), слово «жизнетворчество» и приобрело значение термина, обобщающего различные практики переноса художественных моделей в жизнь и жизненных моделей в творчество (работы З. Г. Минц и др. исследователей).

На материале культуры начала XIX в. были разработаны модели описания «бытового поведения», отличные от житнетворчества модернистов. Так, Ю. М. Лотман в известной статье о бытовом поведении декабристов («Декабрист в повседневной жизни», 1975) выявил осо-

⁵⁰ *Винокур Г. О.* Биография и культура. Русское сценическое произношение. М., 1997. С. 45.

⁵¹ Там же. С. 83.

бую «поэтику» поведения представителей этого историко-культурного типа. Несмотря на то что декабристы внешне дистанцировались от эстетической сферы, эта деэстетизация тоже может быть рассмотрена как определенное выстраивание своего эстетического облика.

Если исходно понятие жизнетворчества связывалось с писателями-модернистами, которые открыто декларировали эстетизированное отношение к жизни (Ф. Ницше, О. Уайльд, К. Бальмонт и др.), то и отказ от подобного жизнетворчества рассматривался как форма творческого отношения к жизни, минус-прием, суть которого Ю. М. Лотман сформулировал следующим образом: «Неизображенное подразумевается. Только в со(противо-)поставлении изображенного и неизображенного первое обретает подлинный смысл»⁵².

Таким образом, на стыке исследований моделей бытового поведения начала XIX в. и «жизнетворчества» начала XX в. сформировалась общая сфера исследований, объединенная единым объектом – поэтикой поведения. Поведенческий репертуар включает в себя самые разные стратегии: от подчеркнуто эстетизированных актов до демонстративного отказа от всякой «эстетики» (характерный пример – творчество и поведение позднего Л. Н. Толстого). Исследователь Е. А. Худенко называет подчеркнуто эстетизированную стратегию поведения игровой, а обратную ей – мнической. Понятно, что это только полюсы, между которыми может находиться множество промежуточных вариантов.

В современной исследовательской литературе сформировалось представление о том, что жизнетворчество – не исключительный признак той или иной эпохи, а универсальное явление. В жизни любого поэта и писателя есть осознанное отношение к построению своей биографии, которое находится в зависимости от его творчества, что и приводит к выбору определенного имиджа (маски).

Опираясь на идеи Ю. М. Лотмана и всей тартуско-московской школы (учитывая, конечно, и всю предшествующую традицию), Е. А. Худенко выработала свой подход на основе изучения жизнетворчества русских советских писателей 30–40-х гг. XX века. Она рассматривает жизнетворчество как метатекст, объединяющий коды литературного и поведенческого творчества писателя. Каждое художественное произведение, по мнению исследовательницы, выражает принципы и представления художника о своем творчестве, его идеологический код. Жизнетворческие (поведенческие) модели писателей являются

⁵² Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М, 1994. С. 40.

«метакодом для расшифровки тех или иных первичных текстов (собственно художественных творений), а “раскодируемые” тексты становятся кодом для построения жизнетворческих стратегий...»⁵³.

Основываясь на том, что жизнетворчество является «двутекстом», «зоной сопряжения “текста жизни” и “текста искусства”», Е. А. Худенко пишет о возможности объяснения одних структур через другие: «...поведенческие формы личности (совокупность человеческого и творческого начал) становятся способами интерпретации продуктов художнической деятельности – произведений (и наоборот)»⁵⁴.

В монографии мы опираемся на теоретические разработки Е. А. Худенко, применяя их к нашему материалу и отчасти корректируя в соответствии со сложившимся у нас пониманием проблемы жизнетворчества.

Жизнетворчество – это сознательное построение жизни в соответствии с определенной поведенческой моделью или набором моделей. Как правило, модели изменчивы и могут быть разного типа. Часть из них заимствуется из художественной сферы (литературы, театра, изобразительного искусства и т. д.), часть может существовать отдельно. Существует ряд традиционных моделей поведения, таких как революционер, интеллигент, миссионер, авантюрист, ловелас, мечтатель, меланхолик и т. д. Смена популярности тех или иных моделей обусловлена историческими, а в личном плане – социальными и возрастными причинами.

Жизнетворчество – далеко не всегда путь самосовершенствования в общепринятом понимании, но оно предполагает рефлексивное отношение личности к целям и формам ее существования. Причем эти формы имеют семиотическую природу, они должны «прочитываться» окружением, осознаваться как наполненные смысловым содержанием жесты, поступки.

Выше было указано на близость понятий «семиотика бытового поведения» и «жизнетворчество», теперь же будет полезно обозначить их разницу. Область семиотики бытового поведения практически безгранична (любой поступок имеет не только функциональное значение, но и рассчитан на наблюдателя, зрителя, оценивающую инстанцию, даже если эта инстанция – внутреннее «я» или совесть), тогда как область жизнетворчества очерчивается для нас границами поведения

⁵³ Худенко Е. А. Жизнетворчество как метатекст: Мандельштам – Зощенко – Пришвин (30–40-е гг.): монография. Барнаул, 2011. С. 71.

⁵⁴ Там же. С. 68.

представителей искусства. Ограничивая понятие жизнетворчества, мы всё же не сужаем его до рамок изначального значения (как жизнетворчество романтиков, декадентов и т. п.), а сохраняем за ним всю сферу семиотики бытового поведения, учитывая представителей искусства любых направлений.

Основную дихотомию Е. А. Худенко (игровая и моническая модели поведения) мы предлагаем дополнить третьим членом и классифицировать основные формы соотношения моделей жизни и творчества следующим образом.

А. Противопоставление жизни и литературы. Контрастное, подчеркнутое разделение жизни и литературы. Писатель считает, что литература и жизнь не должны зависеть друг от друга. *Примеры:* поздний Пушкин, ранний Сологуб, поздний Блок и др. При этом выше иногда ставится область литературы («мечты», «идеала»), иногда – жизни. Таким образом, разделение может привести и к иерархизации понятий «литература» и «жизнь».

Б. «Жизнь и Поэзия одно...» (В. А. Жуковский). Писатель считает, что в жизни он должен соответствовать своему образу в творчестве, что такое соединение – идеал, к которому надо стремиться, об утрате которого надо ностальгировать, как в стихотворении В. А. Жуковского «Я Музу юную, бывало...». Поздний вариант этого случая – театрализованное жизнетворчество поэтов-модернистов (К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, С. А. Есенин, В. В. Маяковский и др.).

В. Жизнь ради искусства. Этот тип по существу инверсия предыдущего. Если в варианте **Б** модели искусства переносятся в жизнь, то в данном случае сама жизнь выстраивается таким образом, чтобы получить отражение в литературе. Но при этом модели для жизни выбираются нелитературные⁵⁵.

Третий тип нельзя отнести ни к игровой, ни к монической модели (в терминах Е. А. Худенко). Люди, сознательно выстраивающие поведение, соотносят его со своим творчеством, но «асимметрично». Жизнь строится в соответствии с определенной концепцией, но не доходит до театральности. Напротив, поэт в творчестве воплощает то, к чему стремится в жизни. Этот случай в литературе настолько распространен, что исследователи не обращали на него внимания как на самостоятельный (обычно он рассматривается как часть случая **Б**).

Поскольку традиционно жизнетворчество связывается с символизмом и другими течениями модернизма, применение этого понятия

⁵⁵ См.: Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике. С. 207, 210.

к Кедра Митрею может показаться дискуссионным (традиционно он причисляется к реалистам и соцреалистам). Но общеизвестно, что и реалистические течения досоветского периода испытывали влияние общей культурной ситуации «конца века» (напр., творчество А. П. Чехова, И. А. Бунина, М. Горького и др.). Модернисты и реалисты не были полностью изолированы друг от друга. В отличие от 30–40-х гг. XIX в., когда романтизм был в значительной степени вытеснен реализмом, ситуация начала XX в. была иной: «...символизм <...> не сменил реализм, не отправил его в отставку, а стал существовать одновременно с ним. Литература обогатилась сразу несколькими художественными методами, которые стали оказывать влияние друг на друга»⁵⁶.

Тяготение к романтическим моделям даже писателей-реалистов этого периода объясняется общими закономерностями типологического развития литературы и культуры, описанными искусствоведом Г. Вёльфлином и его последователями в филологии (Ю. Кшижановский, Д. И. Чижевский, Д. С. Лихачев). Это так называемое «качание» стилей: «...в процессе эволюции литературы она проходит ряд сменяющихся этапов, которые связаны с чередованием романтической и гуманистической ориентированности искусства»⁵⁷. Эпоха модернизма относится к одному из витков «романтической» ориентации в культуре.

Разумеется, для большинства авторов начала XX в. реализм до и после революции существенно различался, поэтому мы ограничиваем себя дореволюционным периодом творчества Кедра Митрея. Его творческая личность сформировалась рано, т. е. в нем рано созрела мысль о необходимости стать писателем. При этом он сознательно выстраивает свою жизнь так, чтобы затем ее можно было изобразить в литературе. Уже в момент формирования своего таланта Дмитрий Корепанов выстраивает свою жизнь, подчиняя ее принципам жизнотворчества.

Конечно, это – не случай В. Я. Брюсова, который «преднамеренно конструировал в жизни ситуации с дальним умыслом – воспроизвести их затем в “Огненном Ангеле”»⁵⁸. Кедра Митрей не переносит жизненные коллизии в далекие исторические и фантастические локусы.

⁵⁶ Русская литература XX века: учебник-хрестоматия для 12 класса / Г. Беляя [и др.]. Таллинн, 2001. С. 14.

⁵⁷ Цит. по: *Чернов И. А.* Из лекций по теоретическому литературоведению. Барокко. Тарту, 1976. С. 124.

⁵⁸ *Гречишкин С. С., Лавров А. В.* Биографические источники романа Брюсова «Огненный ангел» // Символисты вблизи: очерки и публикации. СПб., 2004. С. 7.

Обобщим сказанное. Биографию Кедр Митрея можно разделить на два этапа: дореволюционный и советский. Следы жизнетворчества в исходном (декадентском) значении можно усмотреть в его дореволюционном творчестве. Это период множественности литературных направлений, культуры декаданса и неоромантизма.

В случае Кедр Митрея мы выделяем тип реалистического жизнетворчества, когда не искусство переносится в жизнь, а наоборот – нелитературные факты получают эстетическую обработку в жизни, осмысляются как эстетический факт и затем уже описываются в литературе. Для типологического сопоставления приведем пример Горького, который представил свое детство как развитие человека, который изначально тянется к искусству. Жизнь, изначально сочетающая в себе и прекрасное, и отталкивающее, эстетизируется и переносится в литературу.

С учетом всех этих поправок следует говорить о «жизнетворчестве» Кедр Митрея. Жизнь и творчество в его случае связаны между собой теснейшим образом, и в данной монографии представлена попытка описания границ и областей их взаимного проникновения.

Представленный выше обзор исследований, посвященных творчеству Кедр Митрея, позволил выявить наиболее изученные стороны наследия писателя. В основном это проза советского периода и биография репрессированного писателя, отразившаяся в воспоминаниях современников и в материалах архивных дел. Гораздо менее исследованным оказался дореволюционный жизненный путь удмуртского классика, его русскоязычное творчество и духовная биография, гораздо более сложная, чем это представлялось до настоящего времени. Все это привело к необходимости изучения эволюции нравственно-философских принципов писателя, его стратегии построения собственной жизни и рефлексии над ней в своей автобиографии, к изучению его жизнетворческих стратегий. Анализируя творчество и поведение начинающего писателя в соотношении с актуальными для него культурными моделями поведения, мы последовательно проследили стремление Кедр Митрея реализовать себя в искусстве и занять определенную культурную нишу. Именно сознательное выстраивание своей биографии и позволило молодому автору стать классиком новой удмуртской литературы.

Глава 2

ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ КЕДРА МИТРЕЯ

§ 1. Эволюция духовно-нравственных взглядов Кедра Митрея-семинариста

В текстах различной жанровой природы Кедра Митрея наглядно демонстрирует тип поведения интеллигента-разночинца, активно прибегая к реминисценциям из произведений А. К. Толстого, Ф. М. Достоевского и А. К. Шеллера-Михайлова. Автобиография Кедра Митрея отразила кризисный и амбивалентный моменты в его жизни: кризис религиозного сознания, сменившийся кризисом материалистической точки зрения на мир, и, как результат, – поиск новой концепции жизни.

Прямое высказывание об ошибочности атеистических взглядов и отречение от них дается в других текстах, созданных после автобиографии: в очерках «О тяжести жизни. (Псевдо-философия)» (1911), «Воспоминания семинариста» (1911) и в незаконченном романе «Дитя большого века» (1914). В этих сочинениях материалистическое мировоззрение отвергается Кедром Митреем как несостоятельное, но позитивной программы в них не содержится. Без связи с решением онтологических вопросов о сущности бытия контуры такой программы возникают в письмах Кедра Митрея, где смысл жизни формулируется чисто в морально-этическом плане как помощь ближнему и самосовершенствование.

Жизненные взгляды удмуртского писателя сформировались под влиянием популярных этических идей, получивших массовое распространение во второй половине XIX в. Материализм, теория среды, теория разумного эгоизма – основа его нравственно-философской позиции. Таким образом, духовное развитие Кедр Митрея лежит в русле общих философских исканий российской разночинной интеллигенции, с той только поправкой, что на момент восприятия этих идей учеником казанской семинарии в начале XX в. они уже давно были частью исторического наследия и сенсационной свежестью не отличались.

Само явление демократической интеллигенции сформировалось в эпоху великих государственных реформ 1860–1870-х гг., и значительную роль в этом процессе сыграли выходцы из духовного сословия, к которому в годы учебы оказался причастен и будущий классик удмуртской литературы. Как и общественные деятели-разночинцы, получившие богословское образование, он проникнут был одновременно и пафосом отрицания веры, и стремлением «претворить в жизнь христианские идеалы, минуя религию»⁵⁹.

Разночинские идеи получили всеобщее распространение в период секуляризации общественного сознания. Кедр Митрей, получивший наивное религиозное воспитание в семье⁶⁰, а затем более рафинированное богословское образование, пошатнувшее в нем устои наивной веры, пришел к атеизму, проделав тот же путь, что и многие представители российской интеллигенции до него. Таким образом, это было не следование сиюминутной моде или затвердевшему штампу (хотя влияния традиции не следует отрицать), а естественный процесс. И чтобы как можно убедительнее представить на суд читателя историю формирования неверующего, Кедр Митрей реконструирует свой жизненный путь, начиная с самых детских лет.

В автобиографии приводится несколько ранних «антирелигиозных» эпизодов, показывающих неслучайность последующего духовного кризиса. Характер будущего атеиста проявляется в эпизоде, где учитель церковно-приходской школы раздает детям новые молитвенники, затем решает собрать их, и Митрей отказывается вернуть книгу, а в ответ на попытку учителя забрать молитвенник

⁵⁹ Печерская Т. И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века. С. 33.

⁶⁰ Его прапрадед Мадэй был языческим жрецом (См.: *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 63), мать, христианка, отличалась набожностью, ходила на богомолье.

силой в ярости швыряет его: «В этот день от меня все товарищи уже отстранялись»⁶¹.

В другом эпизоде учебник Закона Божия используется как оружие в драке: «Я выхватил из парты учебник Закона Божия – священную историю и хотел ударить ею в смеющуюся рожу товарища, что мне не удалось. Тут с досады я прокусил себе руку до крови и разорвал несколько листов из книги»⁶².

Кедра Митрей приводит и случай, демонстрирующий пренебрежение к языческой вере родителей: «Мать предварительно предупредила, чтобы никто не начал [жать] до нее, – а отца не было тут с нами – сначала же помолимся. Она принялась читать вотские молитвы, а я, не дождавшись ее, принялся жать. Раз, раз, раз!.. Ничего дело идет»⁶³. Однако понимание дерзости совершенного поступка мешает мальчику сосредоточиться, и он ранит себя: «Еще раз и вдруг... больно стало. Смотрю: ах, чорт возьми, порядком же я хватил палец»⁶⁴. Для ребенка, выросшего в обстановке двоеверия, актуально не то, что это какая-то иная вера, – он этого не осознает, – а сакральная сфера как таковая (ср. двоеверие несомненно православной бабушки главного героя в повести Максима Горького «Детство»).

Таким образом, в поведении верующего мальчика уже изначально отмечены автором ростки бунтарства и поступки, далекие от норм благочестия. Но отношение к этим эпизодам неоднозначное. С одной стороны, Кедра Митрей разыгрывает перед читателем роль убежденного атеиста, эволюция которого началась уже в детстве с дерзкого поведения во время сакральных церемоний и неуважительного обращения с предметами культа. С другой же стороны, поведение юного атеиста отнюдь не одобряется, что косвенно выражено в реакции окружающих (от него отвернулись товарищи) и в том вреде, который он сам себе нанес. Если подобный бунт и не осуждается прямо, всё же стихийные формы, в которые он выливается, явно вызывают сомнения.

В соответствии с новым атеистическим мировоззрением герой интерпретирует и прочитанную литературу. В принципиальных спорах Кедра Митрей находит и цитирует высказывания знаменитых писателей. Так, в споре с учителем богословия в Казанской учительской семинарии он апеллирует к авторитету Чехова: «“Вера есть выражение неразвития и невежества”, – говорит Ант<он> Чехов. С ним я вполне

⁶¹ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 15 об.

⁶² Там же. Л. 15.

⁶³ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 19 об.

⁶⁴ Там же.

согласен»⁶⁵. Герой (как и автор, по-видимому) ошибается, напрямую приписывая Чехову эту интеллигентскую аксиому, которую героиня рассказа «Жена» (1891) формулирует для характеристики противоречивого мировоззрения своего супруга: и у Чехова этот образ мыслей подается не без иронического освещения, хотя ирония, по-видимому, относится не столько к самому атеизму, сколько, опять же, к формам его выражения. По точному определению А. Измайлова, в рассказе «Жена» (1886) показан «тип русского равнодушника», который одинаково ненавидит и религиозных людей, и атеистов: «перед Чеховым явно носился образ холодной, изверившейся и все возненавидевшей души»⁶⁶.

В другом споре автобиографический герой переосмысливает в атеистическом ключе моральные рассуждения христианского философа Дж. Блекки из книги «Четыре фазиса нравственности (Сократ, Аристотель, христианство и утилитаризм)», известные ему, вероятно, по переводу, опубликованному в 1905 г.⁶⁷ Он утверждает: «Но ведь отрицающие божество лица живут не хуже других, если не лучше, – вероятно, атеисты и берут это положение в основу своих убеждений»⁶⁸.

Скорее всего, одним из источников этой мысли является следующий отрывок из труда Дж. Блекки: «Есть много побудительных причин, заставляющих массы людей быть добродетельными, не уступая в праведности почтенным книжникам и фарисеям – причин, независимых от надежды на награды и наказания в будущей жизни; нельзя предполагать, чтоб люди, одаренные большей нравственной чуткостью, чем заурядные массы, – чтоб те, для кого бесчестная и грязная жизнь невозможна при каких бы то ни было условиях, стали бы более нравственны в силу ожидания награды в будущей вечной жизни, как и из страха позора в этой временной. Эти люди живут благородно, по той же причине, в силу которой они всё, что ни делают, делают хорошо»⁶⁹.

⁶⁵ *Кедра Мутрей*. Дитя больного века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 187.

⁶⁶ *Измайлов А. А.* Вера или неверие? (Религия Чехова) // Собрание классики Библиотеки Мошкова (Lib.ru / Классика). 2004. Режим доступа: http://az.lib.ru/i/izmajlow_a_a/text_0040.shtml.

⁶⁷ Книга Дж. Блекки упоминается в автобиографии в другом контексте.

⁶⁸ *Кедра Мутрей*. Дитя больного века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 174.

⁶⁹ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 27562/1-УРМ. Л. 297. Для сравнения: Блекки Д. С. Четыре фазиса нравственности (Сократ, Аристотель, христианство, утилитаризм). М., 1905. С. 271.

Правда, Дж. Блекки не считает подобную естественную и культурно обусловленную нравственность высшей этической формой: «христианская нравственность... простую праведность книжников и фариисеев ...считает недостойной высокого нравственного стремления»⁷⁰. Но для автобиографического героя Кедр Митрей это несущественно.

Отрицая существование Бога, Кедр Митрей отрицал и неизбежность моральных правил, правды и справедливости: «Остановился я на том, что этой вот цели большинства людей – абсолютной правды – нет, да не встречается нигде вообще правда»⁷¹. В этом отношении он близок не только нигилистам эпохи И. С. Тургенева, но и к своим старшим современникам-декадентам (раннему В. Я. Брюсову и др.). Герой автобиографии полагает, что «бороться и стоять за правду – нужды нет: нет абсолютной правды»⁷². Если прежние материалисты переносили идеал с Бога на народ (и даже «толпу» в терминах В. Г. Белинского), то Кедр Митрей в духе своей эпохи оказывается индивидуалистом.

В сознании писателя, по-видимому, наложились идеи Блекки о собственной выгоде как основном мотиве естественного поведения и концепции философского антропологизма Н. Г. Чернышевского⁷³, унаследовавшего от эпохи Просвещения идею «разумного эгоизма». Идеи Н. Г. Чернышевского получили развитие в творчестве писателя-шестидесятника А. К. Шеллера-Михайлова, произведения которого были хорошо знакомы Кедр Митрею.

В романе А. К. Шеллера-Михайлова «Гнилые болота» (1864) один из героев, учитель Носович, проповедует своим ученикам теорию разумно-практического эгоизма, цель которого – польза для себя, предполагающая честное и взаимовыгодное сотрудничество с другими. Эгоизм «есть главный двигатель всего, совершающегося на земле, инстинкт, присущий каждой твари; без него человек делается ниже животного, ибо теряет последнее оправдание своих поступков»⁷⁴.

Справедливость и любовь к ближним также объясняются эгоизмом. Носович не одобряет переворотов; по его мнению, достаточно

⁷⁰ Блекки Д. С. Четыре фазиса нравственности. С. 279.

⁷¹ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 27562/1-УРМ. Л. 73 об.

⁷² *Кедр Митрей*. Дитя большого века: автобиографическая повесть // *Инвожо*. 2005. № 9. С. 150.

⁷³ *Чернышевский Н. Г.* Антропологический принцип в философии: в 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 146–229.

⁷⁴ *Шеллер-Михайлов А. К.* Гнилые болота, история без героя. В двух частях // *Шеллер-Михайлов А. К.* Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1904. С. 171.

и того, что люди честно занимаются своим делом: «Умеренность, “золотая середина”, без примирения, но и без борьбы, “не поднимающая головы до небес и не опускающая ее до земли”, – такова мораль Шеллера»⁷⁵.

В автобиографии мы находим выражение сходной позиции: «Я решил лучше идти ощупью, по течению, без сопротивлений этим течением, чтобы не навлечь на себя какой-либо беды. <...> Но ни пред кем не следует унижаться, не нужно ронять свое достоинство...»⁷⁶.

Однако христианское воспитание вступает в противоречие с эгоистической программой поведения. Повествователь дает отрицательную оценку поступкам автобиографического героя-эгоиста: «С тех пор становлюсь я черствым, перестаю сочувствовать, не забочусь больше о других. Я был склонен и при всякой возможности лицемерить, чтобы в чем-либо себе не повредить. В возможность жизни при этих условиях я еще верил. <...> Прочитанная мною книга ... Блекки, учащая о добродетели, совершенно извратила во мне это понятие – добродетель; у меня оно было заменено – вежливость и деликатность обращений»⁷⁷. Прямолинейно оценочные характеристики: «черствый», «склонен лицемерить», «извратила» – свидетельствуют о раскаянии Кедр Митрея в своих прошлых поступках.

Отвергнув эгоистический путь, Кедр Митрей позиционирует себя как человек неравнодушный к чужому страданию: «Я хотел было остановиться на той ступени, на которую привел Шеллер-Михайлов одну из трех категорий людей, – это быть полным материалистом и думать только о своем животе и все стремления свои направить к этому. Но ведь я не животное какое-нибудь, все-таки я наделен разумом!»⁷⁸.

Приведенная мысль напрашивается на сопоставление с одной из дневниковых записей Кедр Митрея, в которой он сопоставляет себя с другой (3-й) категорией из той же классификации А. К. Шеллера-Михайлова: «Есть люди, сознавшие, что правды⁷⁹ нет на земле и не может быть – эти алчут только смерти... Ш.-Михайлов. Я принадлежу

⁷⁵ *Бялый Г. А.* Проза шестидесятых годов [XIX века] (общий обзор) // История русской литературы: в 10 т. Т. 8. Литература шестидесятых годов. М.; Л., 1956. Ч. 1. С. 293.

⁷⁶ *Кедра Митрей.* Дитя больного века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 145.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. С. 151.

⁷⁹ Подчеркнуто Кедр Митреем. – *Л. Д.*

к этой последней категории людей и мой единственный исход – смерть. Д. Корепанов»⁸⁰.

Мысли о самоубийстве – итог разочарования в возможности осуществления идеального мироустройства, достижения абсолютной справедливости и веры в Бога: «“На этом свете жить тяжело!” – вот что вынес я, наконец, испытавшись. “А иного света нет; так что и бояться нечего, нужно лишь избавиться от тяготы жизни – нужно покончить с собой”»⁸¹.

Образ мыслей Кедр Митрея близок к типично романтическому (ср. образ Вертера и пр.), а также к логике героев Ф. М. Достоевского: если Бога нет, то всё позволено, – в том числе и самоубийство. Как известно, философское осмысление самоубийства постоянно предпринималось в творчестве Ф. М. Достоевского⁸².

В очерке «Приговор» (1876)⁸³ Ф. М. Достоевский описывает ситуацию, аналогичную той, в которую поставил себя Кедр Митрей. Герой очерка, самоубийца-материалист, утверждает, что ему непонятны несправедливые и бессмысленные законы природы, она не может дать ответ на его вопросы. Самоубийца решает, что волен ответить на них сам: «То, в моем несомненном качестве истца и ответчика, судьи и подсудимого, я присуждаю эту природу, которая так бесцеремонно и нагло произвела меня на страдание, – вместе со мною к уничтожению... А так как природу я истребить не могу, то и истребить себя одного, единственно от скуки сносить тиранию, в которой нет виноватого»⁸⁴.

В этом очерке Ф. М. Достоевский описывает сознание радикально настроенного человека, остро нуждающегося в вере или иной стройной картине мира. И если ранее религия являлась для него основанием цельного мировидения, то в новой ситуации функции религии он пытается возложить на систематизацию научных фактов. Как пишет И. Паперно, «в эпоху Достоевского ... достижения эмпирических, позитивистских наук воспринимались как подрывавшие трансцен-

⁸⁰ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 27562/1-УРМ. Л. 273.

⁸¹ *Кедр Митрей*. Дитя больного века: автобиографическая повесть // *Инвожо*. 2005. № 9. С. 151.

⁸² См.: *Паперно И. А.* Самоубийство как культурный институт. М., 1999.

⁸³ Очерк опубликован в журнале «Дневник писателя», который Кедр Митрей читал и делал из него выписки (См.: *НМ УР им. К. Герда*. Д. 27562/1-УРМ. Л. 330 об.–331).

⁸⁴ *Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: в 15 т. Т. 13. СПб., 1994. С. 322.

дентные истины, поставленные под сомнение уже в конце восемнадцатого века»⁸⁵.

Как и герой очерка Ф. М. Достоевского, Кедр Митрей задумывает совершить самоубийство по причинам возвышенным – из-за фундаментального «недовольства жизнью»: «Вешаться – это идет только женщинам, но ни в каком случае не мужчинам. Я мужчина и не должен уподобиться женщине. Кроме того это сочтут еще подражанием, а у меня цели подражать нет: я человек самостоятелен в своих действиях, мне хочется другим показать, что я умру не из-за этих глупых побуждений, а именно по своим причинам – по недовольству жизнью»⁸⁶.

Но Ф. М. Достоевский – не единственный и, возможно, даже не самый непосредственный ориентир писателя. Для подтверждения своей позиции Кедр Митрей выписывает в свой читательский дневник строфу-реплику из драматической поэмы А. К. Толстого «Дон Жуан» (1860): «Но в небесах всё пусто, донна Анна. / В них Бога нет...»⁸⁷. Герой поэмы Толстого – атеист, который так же, как и герои Ф. М. Достоевского, полагает, что отсутствие Бога освобождает от моральных ограничений.

По мнению исследователя творчества А. К. Толстого А. В. Фёдорова, это сближение не случайно, поскольку Дон Жуан размышляет о вопросе, актуальном для шестидесятых годов, «его многочисленные связи и переключки с героями-современниками (от Базарова до Ивана Карамазова) выявляют общее направление художественных поисков отечественных классиков XIX столетия, ищущих и формулирующих русские ответы на проклятые вопросы бытия»⁸⁸.

«Недовольство жизнью» свойственно и герою А. К. Толстого: «Идеализм героя питается гордой неудовлетворенностью окружающим миром, “противоядием” которому служит мечта об идеале, но не одухотворенно-романтическая – невоплотимая мечта, а мечта-требование... <...> Душа героя прикована к “здесь и сейчас” и поэтому обречена на разочарование как в мире, так и в своей невоплотившейся мечте»⁸⁹. Таким образом, сочувствуя Дону Жуану, Кедр Митрей оказывается близок типу «романтического максималиста (не наделенного

⁸⁵ Паперно И. А. Самоубийство как культурный институт. М., 1999. С. 160.

⁸⁶ НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/162-УРМ. Л. 88.

⁸⁷ НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 249 об. Подчеркнуто Кедр Митреем. – Л. Д.

⁸⁸ Фёдоров А. В. «Дон Жуан А. К. Толстого»: между верой и бунтом // Литература в школе. 2009. № 3. С. 16.

⁸⁹ Там же. С. 14.

романтической иронией)»⁹⁰, характерному для культуры и литературы середины XIX века.

В записях читательского дневника Кедр Митрея за 1910 г. содержится целый ряд отрывков из художественных произведений романтического характера, объединенных темой отрицания Бога и самоубийства. Влияние этих текстов на автобиографию сказывается на уровне цитат, аллюзий и заимствований.

Например, в автобиографии рассуждение о самоубийстве поддерживается цитатой из неизвестного автора: «Где слабый только гнется, там сильный часто погибает!»⁹¹. В исходном варианте это двустопное 4-стопного хорее со сплошными женскими окончаниями, сохранившееся в читательском дневнике:

Там, где слабый только гнется,
Часто сильный погибает⁹².

Трудно установить его конкретный источник, но сама мысль является общим местом классической традиции, в которой она обычно выступает моральным выводом из басенного сюжета о дубе и тростнике, акцентируя в первую очередь жизнеспособность «тростника»⁹³, а вовсе не фатальную неизбежность гибели «дуба» (то есть сильных людей, в понимании Кедр Митрея).

Размышляя о возможности существования абсолюта, Кедр Митрей пишет в автобиографии: «А сколько колебаний по неразрешимым вопросам было во мне, – нельзя и перечесать!»⁹⁴. Этот мотив «неразрешимых вопросов» отчетливо перекликается с выписанным

⁹⁰ Там же.

⁹¹ *Кедр Митрей*. Дитя больного века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 151.

⁹² *НМ УР им. К. Герда*. Д. 27562/1-УРМ. Л. 253.

⁹³ Ср. у В. Г. Белинского в статье «Иван Андреевич Крылов» (курсив наш. – *Л. Д.*): «Лучшею басню Дмитриева была признана <...> «Дуб и Трость» <...> из Лафонтена. Крылов тоже <...> переделал эту басню <...> Доказательство, что *сильные погибают скорее, нежели слабые*, потому что первые стоят на высоте, подверженные всем ударам бурь, а *последние <...> спасаются от ветра способностью гнуться»* (Белинский В. Г. Иван Андреевич Крылов // Взгляд на русскую литературу. М., 1988. С. 517–518).

⁹⁴ *Кедр Митрей*. Дитя больного века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 151.

в дневник стихотворением А. К. Толстого «В совести искал я долго обвиненья...»:

Согласить я силюсь, что несогласимо,
Но напрасно разум бьется и хлопочет,
Горестная чаша не проходит мимо,
Ни к устам зовущим низойти не хочет!

1910 г. 8-го февраля⁹⁵.

В круг актуальных для Кедр Митрея авторов входят и писатели XVIII в., у которых он находит созвучные себе мысли. Так, он выпи-сывает отрывки из не самой известной комедии Д. И. Фонвизина – «Корион» (1764, переложение комедии «Сидней» Жана-Батиста Гресе-се). Главный герой пьесы, Корион, задумал свести счеты с жизнью, и одна из причин такого решения – положение «лишнего человека» в обществе:

Поняты не могу я долгу своего:
Я в обществе своем не значу ничего; <...>
Мне кажется, что те чрезмерно малодушны ...
Которые оков не смеют разорвать:
Несчастный должен знать, как должно умирать⁹⁶.

В автобиографии Кедр Митрей также акцентирует внимание на своей бесполезности для других: «Наступали минуты, что я готов был моментально прекратить свою жизнь. На что, кому она нужна?»⁹⁷.

В соответствии с идущей от античности идеей презрения к смерти, Корион признает малодушными тех, кто из страха «оков не смеют разорвать». Кедр Митрей видит свою слабость и малодушие в страхе совершить роковой поступок: «Нередко находят на меня мысли даже о прекращении существования своей жизни. Но и тут нужна сильная воля и решимость. У меня на это не хватит решимости: я слаб – это мое малодушие»⁹⁸.

⁹⁵ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 27562/1-УРМ. Л. 251.

⁹⁶ Там же. Л. 251 об.–252.

⁹⁷ *Кедр Митрей*. Дитя большого века: автобиографическая повесть // *Инвожо*. 2005. № 9. С. 151. Подчеркнуто нами. – *Л. Д.*

⁹⁸ Там же.

Таким образом, размышления Кедр Митрея над «проклятыми вопросами» происходят параллельно и во взаимодействии с расширением его читательского кругозора, осмыслением литературных моделей, преимущественно – классической русской литературы (от Д. И. Фонвизина до А. П. Чехова), из которой он черпает в первую очередь то, что может укрепить его романтический максимализм.

Но если в литературе Кедр Митрей искал и находил обоснование для своего разочарования, то само разочарование имело не литературные, а вполне жизненные – биографические, социально-политические и исторические причины.

Одним из обстоятельств, подтолкнувших Кедр Митрея к мыслям о самоубийстве, стал бунт в Казанской учительской семинарии. Волнения среди семинаристов привели к их массовому увольнению в 1909–1910 гг. Среди уволенных были и одноклассники Д. И. Корепанова: Ефим Ходырев, Андрей Советкин, Петр Константинов, – и другие.

В автобиографии описание бунта семинаристов дается в романтическом духе. Художественный замысел состоит в том, чтобы изобразить влияние семинарского протестного движения на процесс развития внутреннего конфликта, проявлением которого стал индивидуальный романтический бунт Д. И. Корепанова против порядков семинарии.

Бунт против деспотического начальства и режима был распространенным явлением в жизни семинаристов XIX – начала XX в. Существовала традиция протеста, «которая передавалась от поколения к поколению воспитанников семинарий»⁹⁹. Семинаристы требовали реформы образования и смягчения режима в учебных заведениях. После революции 1905–1907 гг. были сделаны небольшие уступки, но серьезных изменений не случилось.

В Казанской учительской семинарии волнения начались по аналогичным причинам: воспитанники были недовольны системой обучения и бытовыми порядками учебного заведения. Мы попытались реконструировать события бунта по архивным документам и сравнить их с изображением волнений в автобиографии Кедр Митрея.

В годы обучения Д. И. Корепанова сменилось руководство семинарии: в 1906 г. директор Н. А. Бобровников получил повышение по службе и был переведен на должность попечителя Оренбургского учебного

⁹⁹ Павленко Т. А. Протестное движение учащихся православных семинарий в период Первой российской революции (1905–1907 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 4.

округа¹⁰⁰. Директором стал учитель Центральной крещено-татарской школы, известный татаровед, ученик Ильминского А. А. Воскресенский; помощником директора – востоковед Д. Ф. Богданов. Они взялись поднимать религиозный дух семинаристов, изрядно упавший, по мнению Воскресенского, в годы Первой русской революции.

«Влияние времени отразилось на понижении религиозно-нравственного одушевления, царившего во времена первого директора семинарии покойного Н. И. Ильминского. Требуются немалые усилия, чтобы не дать учащимся оторваться душою от церкви и традиций семинарии в этом отношении, – пишет А. А. Воскресенский в своем отчете за 1907 г. – Поведение учащихся было очень беспокойно в начале года: всякие волнения в других учебных заведениях находили отражение и в семинарии главным образом в пении марсельезы и других революционных песен, в выставлении где-нибудь тайком на крыше семинарского здания красного флага, в надписях на стенах <...> Попытка, не увенчавшаяся успехом, к изданию рукописного освободительного журнала, сборников революционных песен. <...> Создавалась атмосфера какой-то придиричivosti к мелочам, недовольства на свое положение, постоянных неумовимых нарушений семинарской дисциплины»¹⁰¹.

В связи с этим педагогический совет семинарии решил усилить дисциплину среди семинаристов: «Каждому из них указано строго определенное место в церкви, в спальней, классе, столовой, гардеробной, шинельной и сундучной комнатах; по классам установлено дежурство с ответственностью за сохранение казенного имущества... Отпуск тщательно контролируется»¹⁰². Усилия начальства в наведении порядка привели к семинарским волнениям в 1909 г.

События, связанные с бунтом семинаристов, начались в сентябре 1909 г. и завершились увольнениями воспитанников в феврале 1910 г. В стихийных выступлениях активно участвовали члены «кружка для самообразования и самовоспитания»¹⁰³.

Ученический кружок в семинарии существовал еще задолго до событий 1909 г. Его участники хранили библиотеку социалистической

¹⁰⁰ Журавский В. А. Бобровников Николай Алексеевич // Православная энциклопедия. Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». 1998–2014. Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/149427.html>.

¹⁰¹ *ГА РТ*. Ф. 93. Оп. 1. Д. 894. Л. 47–47 об.

¹⁰² Там же. Л. 18 об.

¹⁰³ *ГА РТ*. Ф. 93. Оп. 1. Д. 949. Л. 132.

литературы, держали связь с организациями других семинарий¹⁰⁴, готовили и читали друг другу доклады на общественно-политические темы. Деятельность кружка активизировалась в 1909–1910 учебном году. Причиной послужил деспотизм начальства семинарии, что вызывало недовольство всех семинаристов. Оно вылилось в стихийный бунт 29 сентября 1909 г.

Воспитанник II класса Ефим Ходырев писал в одном из писем о возмущении семинаристов грубым обращением руководства: «Эх, семинаристы, семинаристы бедный народ. Бывало, придешь в столовую и вместо обеда слышишь: “Подлецы, мошенники, вы опять за курение взялись... Где здесь Н-в?”. Воспитанник, конечно, встает и тут Д. Ф. (помощник директора Богданов. – Л. Д.) начинает на него кричать, колотить кулаком об стол и давать разные прозвища, с чего, конечно, воспитанник недели две ходит, боясь взглянуть в [его] сторону. Так же было и 28 сентября 1909 г. После таких нотаций воспитанники условились ему платить тем же»¹⁰⁵.

29 сентября 1909 г. семинаристы, недовольные действиями помощника директора, которого считали виновником ухудшения условий жизни в семинарии, подняли шум в своих спальнях и кричали: «Долой Богданова!». Воспитанник 3-го класса Спиридон Семенкин, уволенный за участие в демонстрации 29 сентября, отвечал А. А. Воскресенскому в объяснительном письме: «Недовольства семинарскими порядками почти не было, но было недовольство режимом. Режим в Семинарии, по-моему, установлен Д. Ф. Богдановым и, наверное, в силу того у меня тогда выразилось желание крикнуть несколько раз – долой»¹⁰⁶.

Некоторые ученики, накануне бунта жаловавшиеся директору на плохое питание и материальное содержание, были удалены на неопределенный срок из учебного заведения: они «оказались потерпевшими в оном только потому, что накануне волнения в семинарии говорили со мной (с директором. – Л. Д.)»¹⁰⁷, – объясняет Воскресенский эту

¹⁰⁴ См.: *ГА РТ*. Ф. 93. Оп. 1. Д. 949. Л. 169.

¹⁰⁵ *ГА РТ*. Ф. 199. Оп. 1. Д. 729. Л. 59 об.

¹⁰⁶ *ГА РТ*. Ф. 93. Оп. 1. Д. 949а. Л. 52.

¹⁰⁷ Директор А. А. Воскресенский, судя по этому тексту, понимает, что семинаристы уволены без особой причины, но вернуть их обратно в семинарию не может, потому что ранее он получил анонимное письмо с угрозами в свой адрес от тех, кто сочувствовал уволенным.

ситуацию¹⁰⁸. Некоторые из них не могли уехать домой. Одноклассник Кедр Митрея Ефим Ходырев снимал квартиру, а друзья помогали ему деньгами и питанием¹⁰⁹. Его положение ухудшалось, руководство семинарии затягивало решение вопроса, и Ходырев торопил друзей помочь ему вернуться в семинарию.

Лидер семинарского кружка Андрей Советкин отвечал ему: «Как-то на днях услышал о твоей обиде на то, как бы что оставшиеся воспитанники занимаются ничего неделанием по адресу отстраненных воспитанников, и поверь, душевно был лично оскорблен этим обвинением. Пишу тебе по долгу товарищества. С самого дня вашего уезда большая часть оставшихся воспитанников имеют священным долгом хлопотать о возвращении отстраненных»¹¹⁰.

В ноябре участники кружка анонимно написали «дерзкие, угрожающие ножом и револьвером письма»¹¹¹ директору семинарии А. А. Воскресенскому и помощнику директора Д. Ф. Богданову с требованием принять назад уволенных семинаристов. В результате было заведено дело в жандармерии и семинаристы были раскрыты и арестованы в январе 1910 г.

В автобиографии Кедр Митрея тема волнений семинаристов раскрыта во «вставном» репортаже: от третьего лица рассказывается о событиях, которые длились около полугода. Сообщается: когда начались волнения; их причины; даются краткие сведения о существовании «боевой» организации семинаристов и ее активистах. Не вдаваясь в подробности, не называя конкретных лиц, Кедр Митрей подытоживает вставной рассказ развязкой: к святам участникам организации были заключены в тюрьму.

При сопоставлении архивных материалов дела о семинарских волнениях, черного и белого вариантов рукописи автобиографии Кедр Митрея, обнаруживаются некоторые различия. В окончательном тексте автобиографии имеются преувеличения, необходимые автору для того, чтобы подчеркнуть значимость описанных им событий.

Семинарский кружок фигурирует в автобиографии под названием «боевая организация»: «Образовалась небольшая кучка, человек

¹⁰⁸ *ГА РТ*. Ф. 93. Оп. 1. Д. 949. Л. 162.

¹⁰⁹ В ходе обыска у Ефима Ходырева жандармы обнаружили объявление «Господа, помогите кто чем может удаленному нашему товарищу Ходыреву 2 класса. Можно жертвовать деньгами и сахаром» (*ГА РТ*. Ф. 199. Оп. 1. Д. 728. Л. 59).

¹¹⁰ *ГА РТ*. Ф. 199. Оп. 1. Д. 729. Л. 59 об.–60.

¹¹¹ *ГА РТ*. Ф. 93. Оп. 1. Д. 949. Л. 133.

в 20, которая стала называть себя “боевой организацией”. Организация, носящая чрезвычайно громкое название, проявила свою деятельность в таком роде: покупала брошюры, оружие – кинжалы, финские ножи, револьверы, пули-патроны, порох»¹¹². В архивных документах указывается, что жандармерия после получения тайного доноса провела обыск в семинарии. Жандармы нашли финский нож, горсть пороха, а также мешки с нелегальной литературой¹¹³ и рукописные журналы, выпускавшиеся семинаристами.

Кедра Митрей пишет: «Ради восстановления единодушия среди воспитанников организация стала выпускать рукописные журналы «Мыслитель» и «Семинарист»¹¹⁴. Рукописные журналы выпускались до семинарских волнений в сентябре 1909 г.¹¹⁵, но после этих событий издательская деятельность активизировалась.

Из 45 одноклассников Кедр Митрея в 1909–1910 гг. по делу нелегальной организации было уволено 11 человек. В автобиографии говорится, что «около святок организацию понакрыли¹¹⁶, члены ее были частью засажены в тюрьму, частью сосланы в дальние северные губернии и частью разосланы по домам...»¹¹⁷.

Во время следствия они были заключены под стражу, однако тюремный срок никто из них не получил¹¹⁸. В черновом отрывке авто-

¹¹² Кедр Митрей. Дитя больного века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 149–150.

¹¹³ Обнаруженная литература была преимущественно социалистического содержания (См.: *ГА РТ*. Ф. 199. Оп. 1. Д. 728. Л. 230–233 об.). Семинаристы читали религиозно-философский трактат Л. Толстого «Исповедь», рассказы «На реке» Л. Андреева, «Хлеб-соль» Н. Телешова, «На заводе» А. Серафимовича, «Невинные» С. Юшкевича и др. (См.: *ГА РТ*. Ф. 93. Оп. 1. Д. 949. Л. 152–153).

¹¹⁴ Кедр Митрей. Дитя больного века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 150.

¹¹⁵ Судя по датам – первый выпуск «Мыслителя» датируется 12 апреля 1909 г. См.: *ГА РТ*. Ф. 199. Оп. 1. Д. 728. Л. 328.

¹¹⁶ Подчеркнуто нами. – Л. Д.

¹¹⁷ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 86 об.

¹¹⁸ Русские Сергей Греднев и Ефим Ходырев, удмурт Петр Константинов, были отправлены домой с запретом проживать в Казанской губернии в течение двух лет. Русский Спиридон Семенкин, киргиз Уалиша Арунгазыев и руководитель организации мордвин Андрей Советкин были высланы в дальние губернии на два года под гласный надзор полиции (См.: *ГА РТ*. Ф. 199. Оп. 1.

биографии, сохранившемся в Государственном архиве РТ, Д. И. Корепанов более точен в описании этих событий: «После святок многих воспитанников арестовали¹¹⁹ и засадили в тюрьму, многие были исключены из числа воспитанников и уволены из семинарии. <...> Арестованы были за то, что были подписчиками недозволенных ученических журналов: “Семинарист” и “Мыслитель”»¹²⁰. Т.е. уволили всех воспитанников, показавшихся подозрительными властям, а не только участников ученического кружка.

Таким образом, Кедр Митрей интерпретирует участников кружка самообразования как некую организованную ячейку, «боевую организацию», которой в реальности не существовало. Только спустя год директор А. А. Воскресенский узнал о так называемой боевой организации семинаристов из автобиографии Д. И. Корепанова, изъятой им по делу об увольнении из семинарии уже его самого¹²¹. Конечно, отдельные «горячие головы» могли мечтать о превращении кружка в «боевую

Д. 729. Л. 114). Другие одноклассники Корепанова – калмык Константин Никитин, мордвина Флор Тихонов, Василий Важдаев, чувашин Прокопий Христофоров, русский Сергей Сухарев, мариец Максим Клюков в наказание были уволены из семинарии (См.: *ГА РТ*. Ф. 93. Оп. 1. Д. 949. Л. 175).

В Казанском губернском жандармском управлении по этому делу прошли как подозреваемые преподаватели семинарии. Бывший преподаватель начальной удмуртской школы при семинарии И. В. Яковлев был обвинен в том, что именно он написал письмо с угрозами руководству семинарии. 14 июля 1910 г. он был выслан в село Покровское Туранской волости Варнавинского уезда Костромской губернии под гласный надзор полиции, несмотря на то, что в письме, датированном 4 июля, Казанского губернатора начальнику Казанского губернского жандармского управления, указывается, что «установлено ныне произведенною в С.-Петербурге экспертизою, почерк Яковлева не имеет сходства с почерком, коим написано угрожающее письмо на имя инспектора семинарии Богданова» (*ГА РТ*. Ф. 199. Оп. 1. Д. 729. Л. 113 об.).

¹¹⁹ Подчеркнуто нами. – *Л. Д.*

¹²⁰ *ГА РТ*. Ф. 199. Оп. 1. Д. 729. Л. 149. См. Приложение 5.

¹²¹ «На расспросы мои Д. Корепанов сообщил мне, что все 20 участников боевой организации, о которых он упоминает в своих заметках, уже уволены из семинарии. <...> Записаны-де фамилии всех в дневнике за прошлый год, в книжке «Товарищ», которая оставлена им на родине» (*ГА РТ*. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1114. Л. 47), – писал Воскресенский в уведомлении начальнику Казанского губернского жандармского управления. Директор приложил к уведомлению выписки из рукописи автобиографии Кедр Митрея (См. Приложение 5).

организацию», легальный кружок мог восприниматься как прикрытие нелегальной деятельности, но это не отменяет самого факта существования кружка, который в изложении Кедр Митрей оказывается полностью вытесненным из повествования как несущественная деталь.

Кедра Митрей остается человеком с романтическим отношением к окружающей действительности, однако отказывается от самоубийства как способа решения проблемы неудовлетворенности жизнью. В автобиографию включено письмо, в котором герой признается другу Флору Городилову, что от решительного шага его удерживает сыновний долг перед родителями: «Что же станется с ними, кто будет их покоить на старости лет? Кто выведет брата и сестру в люди? Вот что заставляет меня задумываться и удерживает от покушения на свою жизнь»¹²². И это не единственная причина. Вероятно, победило бессознательное желание жить: «Я всё же остался жив... да, продолжаю жить! Почему? Не знаю сам! трудно ответить! Есть ли человек, который объяснил бы это явление?!»¹²³.

Тем не менее, ему необходимо руководствоваться какой-либо идеей, которая утвердит желание жизни¹²⁴: «Скорее всего, дело тут таится в том, что взгляды мои несколько изменились. Правды я не достигну, жить придется тяжеленько, но мерцает нечто предо мной более отрадное, приятное. Я за этим-то лучшим нахожусь сейчас в погоне, претерпевая и перенося все неудачи и неприятности. Жить, будучи полным эгоистом, стараясь лишь об удовлетворении своих нужд и потребностей, жить – пока живется!»¹²⁵.

Д. И. Корепанов отказывается от стремления к «правде», пессимизм сменяется оптимистическим ожиданием лучшего будущего. Интересно, что герой с вызовом настаивает на решении «жить, будучи полным эгоистом». В автобиографии не дается обоснования новой жизненной стратегии. Однако письма и записи в читательском днев-

¹²² *НМ УР им. К. Герда*. Д. 27562/1-УРМ. Л. 260.

¹²³ *Кедра Митрей*. Дитя больного века: автобиографическая повесть // *Инвожо*. 2005. № 9. С. 151.

¹²⁴ В письмах к друзьям Кедр Митрей объясняет, что ощущение пустоты в жизни коренится в отсутствии практической идеи. В письме от 6 февраля 1911 г. он пишет: «Цель жизни ведь в самой жизни, т.е. жить по предвзятой идее. К сожалению, в настоящую эпоху в нас не воспитывают дух, долженствовавший стремиться к идее; в семье и в школе не дают нам идей, в которых мы сильно нуждаемся» (*НМ УР им. К. Герда*. Д. 27562/1-УРМ. Л. 344 об.).

¹²⁵ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 88 об.

нике 1910–1911 гг. позволяют реконструировать опущенные логические звенья.

На выработку новых принципов поведения Кедр Митрея повлияли, помимо прочих причин, литературные модели, а именно: понимание Бога, изложенное в произведениях Л. Н. Толстого. К январю 1910 г. относится выписка в читательском дневнике – размышления Левина из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (1877): «Без знания того, что я такое и зачем я здесь – нельзя жить. А знать я этого не могу, следовательно, нельзя жить»¹²⁶.

Кедра Митрей выписывает ключевой момент толстовского доказательства бытия Бога: «“Разум открыл борьбу за существование и закон, требующий того, чтобы души всех, мешающих удовлетворению моих желаний. Это вывод разума. А любить другого не мог открыть разум, потому что это не разумно” <...> (Отрывки из «Анны Карениной» соч. Л. Толстого) 28.01.1910»¹²⁷.

В романе Л. Н. Толстого размышления героя о смысле жизни заканчиваются обретением веры в Бога в народном понимании, не затменном интерпретациями ученых книжников. По мысли Л. Н. Толстого, нельзя объяснить любовь к ближнему разумом, только верой. Философское понимание Толстым сущности божественного как любви к ближнему повлияло и на мировоззрение Кедр Митрея.

Идея любви к ближнему легла в основание новой концепции Кедр Митрея. Для него смысл жизни видится в борении с постоянно встречающимися препятствиями и в «постепенном подъеме духа в связи с умственным и нравственным развитием»¹²⁸. Жизнь человека понимается как постоянное самоусовершенствование. Любовь к ближнему парадоксальным образом оказывается не противоположна эгоизму, а дополняет его в новом мировоззрении Кедр Митрея.

Идея самосовершенствования рассматривается как эгоистическая, но при этом она же и подразумевает любовь к ближнему: «...Нужно заботиться о своем самоусовершенствовании и давать возможность к этому другим»¹²⁹. Реализация этой идеи в практической жизни воплощается в деятельности народного учителя. Профессия учителя способствует дальнейшему духовному росту, дает возможность обрести смысл жизни: «Учитель! Для народа очень много может сделать

¹²⁶ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 27562/1-УРМ. Л. 265.

¹²⁷ Там же. Л. 266.

¹²⁸ Там же. Л. 345 об.

¹²⁹ Там же.

учитель! Заботясь о других, возвышаешься сам. Довольно на некоторый срок и этого»¹³⁰.

В последний год обучения в семинарии Кедр Митрей готовится к педагогической деятельности. В письме от 20 февраля 1911 г. он пишет своему другу Флору Городилову о том, что «много времени уходит на такие важные в учительном деле предметы, как психология, логика, история педагогики и современная педагогика»¹³¹.

Он сообщает о необходимости уделять время чтению беллетристики и изучению словесности, истории, географии, физики и математики. В последний год обучения в семинарии Кедр Митрей собирает наперед время, упущенное из-за депрессии и переживания утраты смысла жизни. Он занимается самообразованием, в соответствии с сознательно избранной целью помогает другим, и через это – самому себе.

В письме Кедр Митрей пишет, что для общества «собственно и создан всякий человек, а не для одинокой жизни»¹³². Эта мысль сходна с просветительской идеей о том, что жизнь человека обретает смысл в обществе и в служении ему. Он отказывается от житейского понимания счастья как практического комфортного существования: «Человек ищет жизненных наслаждений, стремится срывать гесперидские плоды. Редко кому дается легко это удовольствие, а некоторым лицам и совсем не приходится. Счастье ведь, собственно, не обязательно. Это положение обойти нельзя, следовательно, нужно примириться»¹³³.

Он переосмысляет свое отношение к счастью: счастье – это не достигнутый результат, а сам процесс приближения к нему: «Сладость жизни не в легком достижении, а в стремлениях к достижению и в борьбе за любимую, выбранную, идею»¹³⁴.

В результате, однако, фанатическая приверженность идее и готовность жертвенного подвига за убеждения не позволили Кедр Митрею окончить курс семинарии. Перед выпускными экзаменами, когда до окончания учебного заведения оставалось два-три месяца, между семинаристом и учителем богословия Ф. Успенским возник конфликт. На вопрос учителя о причинах незнания урока Д. И. Корепанов заявил: «Не имею интереса к предмету!». Свой романтический поступок

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же. Л. 346.

¹³² Там же. Л. 256 об.

¹³³ Там же. Л. 344 об.

¹³⁴ Там же. Л. 345 об.

автобиографический герой комментирует следующим образом: «Мера терпимости лицемерия во мне лопнула»¹³⁵.

На педагогическом совете судьба Д. И. Корепанова была решена: «из семинарии немедленно уволить, по предварительному освидетельствованию через врачей»¹³⁶. Д. И. Корепанову было проведено медицинское освидетельствование и поставлен диагноз «болезненный симптомокомплекс, известный под названием *Dysthimia Psyhica*»¹³⁷.

Врачи обнаружили у воспитанника депрессию и сделали следующее заключение: «в этом болезненном состоянии Корепанов в семинарском общежитии оставляем быть не должен; он безусловно нуждается в энергичном лечении при условии освобождения от занятий и перемены обстановки»¹³⁸. В конце марта он был отстранен от занятий на неопределенный срок «до особого распоряжения»¹³⁹ и отправлен домой¹⁴⁰.

30 июня 1911 г. Кедр Митрей отправил директору семинарии покаянное письмо о случившемся возвращении к вере. Он писал: «Пребывая в родной обстановке, в родном селе Игре, встречаясь в жизни с людьми разного характера и разнообразнейшими воззрениями, — я поневоле наткнулся на необходимость вернуться к вере; по приезде домой я долго терзался и никак не мог примириться, но после трехмесячного горького опыта в понесении и выдержке на себе плачевных последствий моего заблуждения, я именно понял, что действительно заблуждался. Этот переворот произошел, несомненно, от временного удаления меня из Семинарии. Теперь я нашел бы уже полное успокоение, кабы удостоился прощения Вашего Превосходительства за причиненные мною Вам, Ваше Превосходительство, огорчения, своим необдуманном поведением»¹⁴¹.

¹³⁵ *Кедра Митрей. Дитя больного века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 186.*

¹³⁶ *ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1114. Л. 31.*

¹³⁷ *ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1114. Л. 44.*

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. Л. 58.

¹⁴⁰ Рефлексия над этими событиями происходит во многих произведениях дореволюционного этапа творчества Кедр Митрей: в автобиографии, в трагедии «Эш-Тэрэк» и в очерках «Воспоминания семинариста» и «Ученик-антихрист», написанных в 1911–1912 гг.

¹⁴¹ *ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1114. Л. 5.*

В автобиографии отсутствуют упоминания об этом покаянном письме, что доказывает стремление Кедр Митрей убедительно показать последовательное поведение романтика-материалиста.

Кедр Митрей реализовал в своем поведении черты психологического типа интеллигента, охарактеризованного в сборнике «Вехи» (1909), прежде всего характерного для представителей радикальной интеллигенции и особенно – студенческой молодежи. Этот тип, по мнению авторов сборника, имеет свои сильные и слабые стороны.

Так, с одной стороны, веховцы критикуют интеллигенцию за искажение абстрактной философской идеи и одновременно – фанатичное исповедование ее, за «исключительное, давящее господство народолюбия и пролетаролюбия, поклонение народу»¹⁴².

С другой стороны, как положительную черту Н. А. Бердяев отмечает жажду знания, веры и «целостного мирозерцания, в котором теория слита с жизнью»¹⁴³. С. Л. Франк говорит об альтруизме ««культурного работника», т. е. интеллигента, который воодушевленный идеальными побуждениями, шел в “народ”, чтобы помогать крестьянину в его текущих насущных нуждах своими знаниями и своей любовью, – этот тип есть самый чистый и морально ценный плод нашего народничества»¹⁴⁴.

В одной из своих статей Кедр Митрей пишет: «Человек не без ошибок, всякий подвержен ошибочности взглядов и мировоззрений, – отсюда и меняются его убеждения. Это не трудно заметить каждому – лишь стоит наблюдать за собой хотя даже и непродолжительный срок; ежедневно мысли; план действий и убеждения изменяют свое направление»¹⁴⁵.

Русский религиозный философ В. В. Зеньковский¹⁴⁶ отмечает, что и после секуляризации общественное сознание в России продолжало оставаться религиозным. То же самое мы видим и в эволюции взглядов

¹⁴² *Бердяев Н. А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. Режим доступа: <http://www.vehi.net/vehi/berdyayev.html>.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ *Франк С. Л.* Этика нигилизма. К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. Режим доступа: <http://www.vehi.net/vehi/frank.html>.

¹⁴⁵ *Корепанов Д. И.* О тяжести жизни (Псевдо-философия) // НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/164-УРМ. Л. 100.

¹⁴⁶ См.: *Зеньковский В. В.* История русской философии. М., 2001.

Кедра Митрея. Несмотря на то что он искал альтернативную христианской вере концепцию жизни, сознание его носило религиозный характер.

Достоевский отметил существенную особенность атеистов, получивших религиозное воспитание: «атеисты первого поколения», как правило, остаются людьми, верующими в некий незыблемый идеал¹⁴⁷. Л. Я. Гинзбург показала это на примере индивидуальных случаев В. Г. Белинского и Л. Н. Толстого, для которых «смысл жизни поставлен в зависимость от решения проблемы смерти, а суть этой проблемы в том, что нет “другого света”»¹⁴⁸. Решением проблемы для В. Г. Белинского явилась вера в общественного человека, а Л. Н. Толстой создал, по существу, новое религиозное учение.

Документальные свидетельства и художественные произведения литературных корифеев народов России начала XX в. демонстрируют ту же особенность мировоззренческого развития авторов. Биографии многих писателей-первопроходцев, современников Кедра Митрея, содержат факты формального отхода от официальной религии и поиска иной идеологии, альтернативной традиционной религии.

Мордовский писатель Александр Завалишин (1891–1939), демонстрирующий сильную антирелигиозную направленность в прозе 1920–1930-х гг., в юности, как сообщает Л. А. Саксон, был искренне верующим: «в своей автобиографии 1913 г. он вспоминал, что в детстве сам был очень религиозен, и когда товарищ по играм заявил ему, что бога нет, то Саша, чуть не плача ответил: “Не говори мне этого никогда...”»¹⁴⁹.

Чувашский поэт Мишши Сеспель (1899–1922) в этом отношении также схож с Кедра Митреем: глубоко верующий в юности, после духовного переворота он стал атеистом, вступил в коммунистическую партию и с религиозным рвением стремился воплотить в жизнь справедливые принципы, провозглашенные партией. Максималистско-романтическое отношение к жизни привело Сеспеля к самоубийству.

Коми писатель и философ Каллистрат Жаков (1866–1926) принадлежал к поколению ровесников первых русских символистов и по своему проделал аналогичный путь (ср. путь В. С. Соловьева и многих

¹⁴⁷ Паперно И. А. Самоубийство как культурный институт. М., 1999. С. 219.

¹⁴⁸ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М., 1999. С. 112.

¹⁴⁹ Саксон Л. А. Мордовские мотивы и образы в творчестве А. И. Завалишина // Аспект-1989: исследования по мордовской литературе. Саранск, 1989. С. 168.

его последователей): от наивной детской веры к научному материализму и дарвинизму, а затем – к духовному кризису и попытке самоубийства. Как спасительную альтернативу старой антиномии «вера – атеизм» Жаков создает новое философское учение – лимитизм.

К. Жаков писал: «Я должен был погибнуть на всех путях. Я потерял почву прежнего мировоззрения: у меня отняли Бога материализмом, отняли почву, разбили мои взгляды на человека, общество и государство... всё, всё... В пустыне оказался я и употребил все силы свои, чтобы создать мировоззрение – теорию познания, метафизику, религию, науки...»¹⁵⁰.

Сходные мысли о результатах крушения традиционных идеалов излагает Кедр Митрей в статье «О тяжести жизни. Псевдо-философия» (1911): «Крестьянин и чернорабочий продолжают тянуть жизнь, веря в Бога, надеясь на Бога. Интеллигентный же человек настоящих времен именно вот этой последней опоры лишен. Атеисту, разочаровавшемуся жизнью, тяготящемуся жизнью, – остается один удел – прекратить свое существование. Подлинно: основной причиной этой заразы в наш век самоубийства является разочарование в окружающих; в себе самом, безверие в Высшее Существо»¹⁵¹.

Жизнь и деятельность первых авторов национальных литератур – живое свидетельство смены исторических эпох, смены мировоззрений, происходившей часто ускоренным, искусственным образом: в новых условиях потребность в традиционных идеалах осталась. И в случае Кедр Митрей это выразилось, в частности, в попытке написать роман христианского содержания «Дитя большого века»¹⁵² (1914). Незавершенная рукопись романа хранится в архиве писателя. Само название отсылает к финалу стихотворения «Современному человеку» (ок. 1847–56) Ю. В. Жадовской (1824–1883), в котором Кедр Митрей нашел яркое выражение собственного духовного кризиса:

Не истины святой то голос благородный,
Но страждущей души один порыв бесплодный,
Ума холодного безумная мечта;
Религия твоя темна и нечиста,
Ее душа с испугом отвергает
И странных доводов твоих не понимает.

¹⁵⁰ Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. Сыктывкар, 1996. С. 229.

¹⁵¹ Корепанов Д. И. О тяжести жизни (Псевдо-философия). Л. 97–97 об.

¹⁵² См. Приложение 3.

Разочарован ты, и желчь в тебе кипит. –
Она то призраки нелепые творит.
Прилипчива твоя горячка заблуждений
И ложный блеск твоих фальшивых убеждений.
Но все ж на голос твой душа моя молчит,
Заветы прежние с любовью хранит,
И содрогается за участь человека,
И страждет за тебя, *дитя больного века!* (курсив наш. – Л. Д.)¹⁵³.

Кедра Митрей прямо отождествляет себя с адресатом лирического стихотворения, но косвенно ему близок и голос лирического субъекта. Трагедия заключается в том, что писателю близки обе позиции.

В исследованиях о творчестве писательницы отмечается, что «Жадовская в стихотворениях ... не стремится к “небу” – она живет на земле и пытается сделать прекрасной земную ... жизнь путем нравственно-го совершенствования, очищения от пороков, стремления к духовной красоте, истине и гармонии»¹⁵⁴. Поэтесса считала, что мир улучшается от внутреннего совершенствования каждого, а не от насильственного, внешнего изменения в жизни людей, однако духовное возрождение человека невозможно без христианской морали.

Из стихотворения Ю. В. Жадовской Кедра Митрей не только взял название, но и включил его как эпиграф в свой роман: «Не истины святой то голос благородный...»¹⁵⁵.

И далее в романе Кедра Митрей в целом следует системе ценностей, заданных в стихотворении Ю. В. Жадовской. Основные философские мотивы автобиографии повторяются, но в романе оценки переворачиваются: те же самые проблемы интерпретируются в религиозном духе, атеизм осуждается.

Пролог романа начинается с воспоминаний рассказчика о своем дедке. Старик хранил «заветы прежние» и пророчил мрачное будущее для новых поколений. В уста старика вложена негативная оценка современности: новых капиталистических отношений, неверия и формаль-

¹⁵³ *Жадовская Ю. В.* Современному человеку. Образовательный портал «Слово». Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37072.php>.

¹⁵⁴ *Трушина Е. А.* Лирика Ю. В. Жадовской (мировидение и поэтика): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2003. С. 14.

¹⁵⁵ *Пан Реймит.* Дитя больного века. Роман. 1913–1914. // Д. И. Корепанов. Рассказы, повести, очерки (рукопись, машинопись). НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 196. Л. 214.

ного исполнения религиозных обрядов: «Деньги, богатство – окончательная цель нового поколения. <...> Везде протянуто железо; всюду выставляются главы и колокольни церквей, выстроены громады – дома – короче – тяжеловесная тьма»¹⁵⁶.

Человек нового поколения, разуверившийся в идеалах отцов, будет искать ответы на неразрешимые вопросы, которые его окончательно запутают, потрясут и сведут в могилу: «Он окутает себя сетью мыслей давящих и режущих его как железо. И не выбраться ему из этой сети ...беспомощно опустит руки и удавится»¹⁵⁷. Рассказчик убеждается в правоте старика и верности его предсказаний. Рассказчик, один из современных атеистов, размышляет над вечными вопросами о Боге и душе. Он вспоминает о тленности человека и не желает мириться с материалистическим отрицанием души: «И вот хочется представить его (деда. – Л. Д.) всё еще живым; не хочет воображение мириться с выводами науки и с какой-то манией протеста рисует его существующим, пуская, таким образом, мое личное “я” в самообман»¹⁵⁸.

Попытка Кедр Митрея художественно и философски переоценить свои прежние атеистические идеалы и представить в романе новый взгляд на мир не удалась: роман остался без продолжения. Автор, видимо, вполне отдавал себе отчет в этом и на предпоследней странице рукописи сделал приписку: «Удается плохо!»¹⁵⁹. И всё же набросок романа «Дитя большого века» свидетельствует о неудовлетворенности Кедр Митреем однозначно атеистической концепцией мира и попытках найти некий синтез, как это делали чуть раньше К. Ф. Жаков и Д. С. Мережковский (последний, например, в трилогии «Христос и Антихрист», 1895–1905).

Автобиография, статьи и письма Кедр Митрея показывают, что он проделал путь, типичный для представителей российской интеллигенции: путь – через столкновение противоположных убеждений, приспособление к новым условиям цивилизации и поиск индивидуального способа ее восприятия.

Кедр Митрей формирует свою стратегию поведения, ориентируясь на модели, воплощенные в литературе. Мысль о самоубийстве как жесте отрицания несправедливости и отсутствия в мире истины

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же. Л. 213.

¹⁵⁹ *Пан Реймит. Дитя большого века. Роман. 1913–1914.* // Д. И. Корепанов. Рассказы, повести, очерки (рукопись, машинопись). НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 196. Л. 217.

соответствует модели поведения романтика-максималиста, хорошо известной по произведениям Ф. М. Достоевского и А. К. Толстого. Однако Кедр Митрей отказывается от самоубийства и ищет причины примирения с действительностью.

В его письмах обнаруживается попытка создания новой стратегии поведения и новое понимание Бога. Кедр Митрей придерживается толстовской (Л. Н. Толстого) идеи Бога как любви и милосердия к ближнему. В соответствии с новыми установками он объясняет для себя смысл жизни, который состоит, по его мнению, в помощи ближнему, служении обществу и через это – в самосовершенствовании, то есть в личной пользе (позитивно понимаемом «эгоизме»). Таким образом, Кедр Митрей остается верен традиционным христианским ценностям и удовлетворяет свою потребность в цельном и концептуальном понимании действительности.

§ 2. Эго-документы и процесс становления личности интеллигента

Эго-документы Кедр Митрея: письма, записи в ученических тетрадях и автобиографии – отражают процесс его бытовой адаптации к иному социальному слою как процесс усвоения и осуществления молодым человеком идей ученой интеллигенции о необходимости просветительской работы среди народа и изучения его духовной культуры.

Переезд Кедр Митрея из крестьянского села в губернский город, обучение в учительской семинарии обозначили его приобщение к другому социальному слою и городской культуре. Но фактический переход в другое сословие (из крестьянства в среду образованных людей) не всегда приводит к духовному разрыву со своей средой: обычно какие-то связи рвутся, а какие-то сохраняются (и могут даже усиливаться под влиянием новых идей). И в случае с Кедр Митреем мы видим попытку выстраивания своего поведения как интеллигента с учетом крестьянского взгляда на мир. Это ярко проявляется, например, в чрезмерной заботе о внешнем виде. Хотя, конечно, в понятие интеллигента для него входили и более существенные вещи: в представлении Кедр Митрея, быть образованным значит получить престижный статус и миссию народного просветителя.

По приезде в город Кедр Митрей оказался в новой для него роли семинариста и пережил неизбежное разочарование в ней из-за стереотипного отношения к семинаристам как невежам. В письме к своей приятельнице он пишет: «...Мы, народ (семинаристы. – Л. Д.) действительно неловкий в обращении, может быть, не знаем никакого такта, никакой светской тонкости. Но вы примите во внимание то обстоятельство, что мы поистине отщепенцы от общества, и всех его тонкостей не знаем. Мы живем в зарешетчатой обители, принуждены вести замкнутую жизнь!»¹⁶⁰.

В автобиографии он подвергает критической рефлексии порядки семинарии, препятствующие воспитанникам в приобретении нужных практических знаний: «Естественно и необходимо здесь является вопрос: да кто же виноват в этом, не сами ли наши наставники, наши воспитатели... А они об нас не заботятся, живи, дескать, в своем классе, как хочешь, только в город не думай ходить. <...> Ну как же нам, замурованным в безжизненные стены, без надлежащих указаний со стороны сведущих людей, как нам знать правила учтивости и приличия?»¹⁶¹

Процитированные выше отрывки из частного письма и автобиографии позволяют предположить знакомство Кедр Митрея с русской литературной традицией изображения семинариста. В середине XIX в. семинарист превратился из комического второстепенного персонажа в героя романтических повестей и сентиментальных романов¹⁶².

¹⁶⁰ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 27562/1-УРМ. Л. 257.

¹⁶¹ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 73 об. Казанская учительская семинария, в которой велась подготовка учителей для инородческих школ, отличалась от прочих семинарий страны еще большей строгостью закрытого режима. Подготовливая учеников к высокой просветительской миссии и должности учителя сельской школы, ее основатель, известный педагог Н. И. Ильминский, «всеми способами ограждал своих воспитанников от соблазна большого города» и даже ввел для воспитанников малоэстетичный форменный костюм из желтого сукна, чтобы отпугнуть от поступления в семинарию легкомысленных молодых людей (См.: *Исхакова Р. Р.* Педагогическое образование в Казанской губернии во второй половине 19 – начале 20 вв.: дис. ... д-ра. пед. наук. Казань, 2002. С. 230–232).

¹⁶² См.: *Белоусов А. Ф.* Образ семинариста в русской культуре и его литературная история: от комических интермедий XVIII века до романа Надежды Хвощинской «Баритон» // *Традиция в фольклоре и литературе*. Санкт-Петербург, 2000. С. 159–176; *Лукашевич М.* Образ приходского священника в русской беллетристике 60-х–70-х г. XIX века: дис. д-ра философии. Варшава, 2009.

Кедра Митрей, взывающий в своем письме о сочувствии к семинаристам, которые в силу закрытости семинарского режима не знают «светской тонкости», сходится во мнении с писательницей середины XIX в. Надеждой Дмитриевной Хвощинской: в романе «Баритон» (1879) она проповедует сострадание к семинаристам, живущим в нужде, испытывающим все тягости бурсацкого воспитания.

Среди прочих причин неблагополучного положения семинариста Н. Д. Хвощинская называет и «отчуждение от мира, лежащего вне бурсы», показывая, «как оживляется семинарист, преодолевший это отчуждение»¹⁶³. В романе это происходит с главным героем, семинаристом Алексеем Ивановским, который в итоге обретает свое место среди образованных людей.

Подобно герою романа Н. Д. Хвощинской, Кедра Митрей преодолевает отчуждение и входит в круг интеллигентов. Приобщение к «светской жизни» происходит в его жизни точно так же, как это описано в дневниках Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского, в художественных произведениях Ф. М. Достоевского, Н. Г. Помяловского, А. Ф. Писемского и других писателей второй половины XIX в., героем которых является молодой разночинец, вступающий в дворянское общество без должного воспитания. Характерной особенностью разночинца литературоведы Н. А. Вердеревская, Б. О. Корман и Т. И. Печерская¹⁶⁴ называют гиперрефлексивность – постоянную сосредоточенность на собственном я. Она порождается комплексом неполноценности, происходящим из маргинального, двойственного положения в социуме. Саморефлексия связана, в первую очередь, с идеей воспитания и самопостроения личности.

Кедра Митрей испытывает комплекс неполноценности из-за незнания правил этикета, неумения танцевать и делает попытки преодолеть эти затруднения через самовоспитание. Он анализирует и вырабатывает правила поведения опосредованно, руководствуясь прочитанной литературой: «Писатели знакомят нас теоретически с жизнью в свете»¹⁶⁵.

¹⁶³ Белоусов А. Ф. Образ семинариста в русской культуре и его литературная история. С. 177.

¹⁶⁴ Вердеревская Н. А. Становление типа разночинца в русской литературе 40–60-х годов XIX века. К проблеме типологии жанра, сюжета и образа. Казань, 1975; Корман Б. О. Лирика Некрасова. Ижевск, 1978; Печерская Т. И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века. Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики. Новосибирск, 1999.

¹⁶⁵ *ИМ УР им. К. Герда*. Д. 27562/1-УРМ. Л. 257.

Танцам он учился у городских знакомых: «У П-х после Святков я был уже два раза. <...> Вен. было обяжался учить танцам, а в день, назначенный им, его как раз и не оказалось дома. Принимала одна Л. Показала она несколько танцев, между прочим, “Венгерку” и “Лезгинку” и еще несколько, да названий не помню»¹⁶⁶.

В семинарские тетради он выписывает названия книг, необходимых для подготовки к супружеской жизни; руководство по разным стилям плавания; советы по личной гигиене; описание игр и шарад¹⁶⁷ и многое другое из того, что может оказаться полезным в быту. Семинарские тетради отражают процесс самовоспитания Кедр Митрея.

Наряду с внешними препятствиями, мешавшими приобщению Кедр Митрея к кругу образованных людей, было препятствие и психологического свойства, тоже весьма характерное для социализации разночинца, – чувство стеснительности. О важности этого мотива для начинающего писателя говорит тот факт, что в читательский дневник Кедр Митрея попадает стихотворение Н. А. Некрасова «Застенчивость» (1852)¹⁶⁸, о котором упоминает он и в письме к приятельнице: «Лучше и яснее мою мысль, которую имел я желание выяснить здесь, поймете вы, если потрудитесь прочесть стихотворение Н. А. Некрасова под заглавием “Застенчивость”»¹⁶⁹. Очевидно, что Кедр Митрей идентифицирует себя с героем стихотворения. В силу важности этого текста приведем его полностью:

Ах ты, страсть роковая, бесплодная,
Отвяжись, не тумань головы!
Осмеет нас красавица модная,
Вкруг нее увиваются львы:

Поступь гордая, голос уверенный,
Что ни скажут – их речь хороша,
А вот я-то войду как потерянный –
И ударится в пятки душа!

На ногах словно гири железные,
Как свинцом налита голова,

¹⁶⁶ Там же. Л. 343.

¹⁶⁷ Там же. Л. 286 об.–287 об., 369–373 об., 214–215, 359–368 об.

¹⁶⁸ Там же. Л. 247.

¹⁶⁹ Там же. Л. 257 об.

Странно руки торчат бесполезные,
На губах замирают слова.

Улыбнусь – непроторная, жесткая,
Не в улыбку улыбка моя,
Пошутить захочу – шутка плоская:
Покраснею мучительно я!

Помещусь, молчаливо досадуя,
В дальний угол... уныло смотрю
И сижу неподвижен, как статуя,
И судьбу потихоньку корю:

«Для чего-де меня, горемычного,
Дураком ты на свет создала?
Ни умишка, ни виду приличного,
Ни довольства собой не дала?..»

Ах! судьба ль меня, полно, обидела?
Отчего ж, как домой ворочусь
(Удивилась бы, если б увидела),
И умен и пригож становлюсь?

Всё припомню, что было ей сказано,
Вижу: сам бы сказал не глупей...
Нет! мне в божьих дарах не отказано,
И лицом я не хуже людей!

Малодушье пустое и детское,
Не хочу тебя знать с этих пор!
Я пойду в ее общество светское,
Я там буду умен и остер!

Пусть поймет, что свободно и молодо
В этом сердце волнуется кровь,
Что под маской наружного холода
Бесконечная скрыта любовь...

Полно роль-то играть сумасшедшего,
В сердце искру надежды беречь!

Не стяхнуть рокового прошедшего
Мне с моих невыносливых плеч!

Придавила меня бедность грозная,
Запугал меня с детства отец,
Бесталанная долюшка слезная
Извела, доконала вконец!

Знаю я: сожаленье постыдное,
Что как червь копошится в груди,
Да сознанье бессилья обидное
Мне осталось одно впереди...

Сопоставляя некрасовское стихотворение со студенческими дневниками Н. Г. Чернышевского, который также «болезненно ощущал ... свое неумение держаться в обществе», Б. О. Корман делает вывод, что застенчивость является характерной чертой «социальной психологии» разночинца¹⁷⁰.

Разумеется, собственная застенчивость Кедра Митрея не носила наигранного или искусственного характера, но стихи Некрасова и другие аналогичные образцы санкционировали и служили своего рода авторитетным и освященным традицией оправданием выражению подобных чувств, превращали выражение застенчивости в своеобразный бытовой ритуал, сопутствующий инициации интеллигента-разночинца.

В соответствии с этой моделью застенчивость акцентируется в описании попыток героя познакомиться с женщинами: «Ходил по улицам города, заходил во все закоулки его, а в садах и на Воскресенской “стрелял” – стрелял за барышнями, т.е. ухлестывал, однако, во мне смелости не хватало, пред тем как приступить к делу дух захватывало, и я в самые решительные минуты отворачивал в сторону и во все лопатки направлялся обратно к семинарии»¹⁷¹.

В автобиографии застенчивость осмысливается как проблема, а знакомство с женщиной – как средство ее решения и мера самовоспитания: «Стремление познакомиться подавляло всё собою. При этом желании я ставил себе следующие положения: 1. Познакомившись с барышней, я этим приобрету пред товарищами славу, завидную и заманчивую долю “стрелка”. 2. Польза для меня от знакомства: я буду

¹⁷⁰ Корман Б. О. Лирика Некрасова. Ижевск, 1978. С. 74–75.

¹⁷¹ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 74.

смелее в поступках, угнетающую меня забитость можно будет швырнуть в сторону»¹⁷².

Тема неуверенности в себе возникает в автобиографии только в сюжетной линии взаимоотношений автобиографического героя с женщинами. В частном же письме Кедр Митрей указывает на более широкую сферу распространения этого психологического комплекса, мешающего человеку реализоваться во всех сферах жизни: «Слабая уверенность в своих силах – есть гораздо более неизлечимый недуг человека, нежели нахальное самоудовольствие. Но и с последним я никак не могу согласиться. Как первое, так и второе – есть крайности»¹⁷³, – пишет Кедр Митрей своей знакомой. А в читательский дневник он выписывает отрывок из романа М. Горького «Фома Гордеев» (1899), в котором развернута схожая мысль¹⁷⁴.

Таким образом, преодоление своей застенчивости как способ перевоспитания себя, преодоления своих недостатков, становится одной из конституирующих черт изображаемого Кедр Митреем характера интеллигента.

Одна из причин этой застенчивости – неподобающий внешний вид, отсутствие «приличного» костюма, соответствующего статусу образованного человека. Проявления чувства стыда за свой костюм встречается и на страницах дневников Н. Г. Чернышевского¹⁷⁵, и в тетрадях Кедр Митрея: «Вмешаться в интеллигентное общество мне невозможно: я не имею приличной одежды, а одежда в этом много значит. Иногда только бываю на играх товарищей (крестьян. – Л. Д.)... От них тоже и по внешности даже отличаешься. Выходит, что я отстал от одного берега, но еще и к другому не пристал»¹⁷⁶.

Герой автобиографии тоже заботится о своем внешнем виде и одежде, которая маркирует его как «интеллигентное лицо». Много хлопот и беспокойства доставляют Д. И. Корепанову мысли о том, что окружающие будут осуждать его внешний вид. Характерен следующий эпизод: на каникулы он вернулся в родное село в национальной одежде,

¹⁷² *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 74.

¹⁷³ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 27562/1-УРМ. Л. 258 об.

¹⁷⁴ Там же. Л. 227–228 об.

¹⁷⁵ См.: *Корман Б. О.* Лирика Некрасова. Ижевск, 1978. С. 75.

¹⁷⁶ *Корепанов Д. И.* Книга 1-я. Тетради по чистописанию, русскому языку, всеобщей истории, Закону Божию и др<угое> м<ногое> пр<очее>. Кабинет удмуртской литературы и фольклора при кафедре удмуртской литературы и литературы народов России ИУФФУиЖ УдГУ. Л. 222.

а не в ученической форме, и поэтому ему пришлось идти к дому полями – из страха, что «будут глядеть соседи, а я был в “дукесе”»¹⁷⁷.

Но этот страх как раз и показывает, что внутренне герой еще недалеко ушел от своего сословия. Старания молодого человека внешне соответствовать новому статусу, которые, скорее всего, были бы одобрены крестьянами, порицаются другим интеллигентом: бывший учитель Д. И. Корепанова А. А. Смирнов негативно отзываясь о его костюме, обвиня семинариста в «злом духе франтовства»¹⁷⁸.

Кедра Митрей умалчивает в автобиографии о городском обществе вне стен семинарии, хотя в письмах упоминает о знакомых среди горожан. Возможно, что, кроме прочих обстоятельств, умалчивание некоторых фактов биографии объясняется желанием «стереть» неприятные воспоминания о неудачном опыте участия в городской «светской» жизни и интерпретировать его как разочарование в обществе: «Блестящая мишура светской жизни ослепляла меня. Немедленно является неодолимое стремление к таковой жизни, – но лишь только явилась возможность немножко поближе разглядеть, так следствием оказывается полное разочарование»¹⁷⁹.

Неприятие Кедра Митреем городского общества могло быть вызвано психологическими трудностями, сопутствующими процессу адаптации к городской жизни. Они стали одной из причин духовного кризиса, случившегося во время обучения Кедра Митрея во втором классе семинарии. В письме от 6 февраля 1911 г. он пишет: «В одно время был я весь охвачен пессимизмом. Я нигде никакой отрады не находил. Я был готов решиться на всё. <...> А почему бы кажется всё бывшее случилось со мной? Да очень просто. Оттого, что я крестьянский (да вдобавок вотяка <...>) сын ни с того, ни с сего вдруг очутился в городе, посмотрел на городских обывателей, да так и ахнул, не в своей тарелке я чувствовал себя»¹⁸⁰.

Важный структурообразующий мотив в текстах Кедра Митрея – мотив обиды. Автобиографический герой испытывает чувство обиды из-за ущербности своего социального положения: «Ах! Если б я был сын какого-либо богача, а не этого вотяка-бедняка. И почему я имею какие-то родственные чувства? Почему судьба так зло насмеялась надо

¹⁷⁷ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 70.

¹⁷⁸ *Кедра Митрей*. Дитя большого века: автобиографическая повесть // *Инвожо*. 2005. № 9. С. 166.

¹⁷⁹ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 27562/1-УРМ. Л. 345 об.

¹⁸⁰ Там же.

мной? В чем я виноват? Не оттого же должен я терпеть, что родился именно в этой среде, а не в другой какой»¹⁸¹.

Мотив обиды – основной в очерке «Ученик-антихрист», написанном в 1911 г.: Кедр Митрей описывает исключение его из семинарии, особое место уделяя диалогам с директором. В пылу спора герой-рассказчик грозит наложить на себя руки, на что директор отвечает с явно выраженным пренебрежением к его социальному статусу: «А вы – просто грамотный мужик, приехали, знаете, мужиком, научились немножко, грамотнее стали, видите, и остались тем же мужиком. Можете распорядиться собой, понимаете, это, как его, – черту баран»¹⁸².

Такая ситуация способствует развитию комплекса неполноценности в душе героя и стремлению бороться против несправедливого к себе отношения: «Если вы не дорожите, то я назло вам останусь существовать! Вот к какому выводу пришел я в результате бесед с директором. Меня сохранило самолюбие, гордость, гордость принижаемого человека. Удержало от глупого шага именно это “Черту баран!”»¹⁸³.

Для обретения внутренней гармонии воображаемая оценка или суждение чужих обычно не продуктивны, но в данном случае нега-

¹⁸¹ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 97 об. Самоуничижение из-за происхождения и социального положения было особенно гипертрофировано у чувашского поэта М. Сеспеля. Его возлюбленная, Анастасия Червякова, была русской горожанкой. Он писал ей сентиментальные письма, выражая благодарность за то, что она, будучи женщиной из интеллигентного образованного круга, позволила вступить с ней в переписку «ведьмедю... из монгольских дебрей, случайно вышедшему из скучной, грязной глуши на свет» (цит. по: *Родионов В. Г. Сеспель – цветок Земли и Неба*. Чебоксары, 2014. С. 80). Сеспель болезненно воспринимал любые характеристики собственной персоны: «...Для чего Вам нужно было оскорбить меня? Или я не чувствовал, что я безобразен! Или я не узнал и не знаю это! <...> Не могли мне сделать снисхождение, благосклонно умолчать о моем “художественном типе”, не вспомнив татарчонка. <...> Вам, красивым и русским, никогда не понять, насколько трагична судьба некрасивого чувашина, который к сожалению (к Вашему удивлению) умеет чувствовать» (цит. по: *Родионов В. Г. Указ. соч.* С. 78). Когда А. Червякова выразила готовность связать свою судьбу с поэтом, он ответил ей отказом.

¹⁸² *Корепанов Д. И. Ученик-антихрист*. 1911 // Д. И. Корепанов. Рассказы, повести, очерки (рукопись, машинопись). НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 196. Л. 206.

¹⁸³ Там же.

тивная оценка расстроила именно программу самоуничтожения. Преодолению кризиса способствует, по мнению психологов, ценностное и творческое переживание-действие, которое «строит новую жизненную реальность»¹⁸⁴, что проявилось в случае Кедр Митрея в его постоянной авторефлексии и «самовыписывании».

Одним из результатов такой внутренней работы стала статья «Дети больного века» (1913). Тема статьи – осуждение самоубийства. Автор убеждает читателя, что суицид – это насилие, свойственное неразвитому, малокультурному человеку: «Культура идет вперед, а вместе с этим проявляется чувство, отталкивающее от всякого насилия над человеком, так сказать, чувства облагораживаются. Так! Тогда почему же, отрицая всякое насилие, люди производят насилие над собой?! Таким образом не вдается ли человек в грубейшую ошибку? Не идет ли он наперекор своим убеждениям?»¹⁸⁵ Автор требует от читателя активной жизненной позиции, борьбы со встречающимися в жизни трудностями: «Скажут, пожалуй, – жизнь тяжела, велик гнет... Так что же? Будьте стойкими, боритесь!»¹⁸⁶.

Если судить по автобиографии, Д. И. Корепанов всё же обрел возможность удовлетворить свою потребность в «светской» жизни. Автобиографический герой-семинарист сближается с образованным обществом Игры – детьми духовенства, учителями и земскими служащими: «В интеллигентном обществе я находил душевную отраду, которая так необходима была для меня. Здесь я утолял жажду, жажду жизни в той сфере, которую требует настойчиво природа человека. Иной сферы, кроме интеллигентного общества, для меня не было более подходящей»¹⁸⁷.

Причисляя себя к социальному слою интеллигенции, Кедр Митрей принимает во внимание и возможную оценку своего поведения со стороны крестьян, однако и в этом поступая порой наперекор сложившемуся общественному мнению. Так, несмотря на удивление крестьян, приехавший на каникулы казанский семинарист продолжает заниматься крестьянским трудом: «Работал я прилежно. Соседи и другой народ глядели на меня с удивленьем, как это я – учащийся из Казани, в семинарии, – занимаюсь крестьянскими делами и не выказываю

¹⁸⁴ *Василюк Ф. Е.* Психология переживания. М., 1984.

¹⁸⁵ *НМ УР им. К. Герда.* Д. 27562/1-УРМ. Л. 167.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ *Кедр Митрей.* Дитя больного века: автобиографическая повесть // *Инвожо.* 2005. № 9. С. 163.

изнеженности. Народ, судивший так неправильно, имел на виду целые десятки примеров, где какой-нибудь грамотей не в меру возвышался и отрекался от черной работы совершенно так же, как и от темной массы, из которой вышел сам и еще почти ничем не отличается от нее»¹⁸⁸.

Возможно, позитивным примером такой ломки стереотипов был для Кедре Митрея не только Лев Толстой, но и другой его старший современник – знаменитый в начале века поэт Спиридон Дрожжин. В автобиографии С. Дрожжин описывает схожую реакцию на его «опрошение»: «Мужики, не исключая и отца, глядя на мою прилежную работу... посмеиваются. <...> Один раз пахавший рядом со мною мужик даже обратился ко мне с вопросом, в котором слышалась плохо скрытая насмешка “Ну, что, каково? Легко-ли пахать-то!”»¹⁸⁹

Но крестьяне с сомнением взирают не только на «опрошение», но и на любую смену социального статуса, любое разрушение стереотипов. Так, отец писателя, Кедре Иван, а с ним и удмуртские крестьяне, не понимают не только, зачем семинаристу пахать, но и зачем становиться семинаристом. В повести есть красноречивый эпизод, когда незнакомые удмурты, узнав, что он учится в семинарии, глядят на героя «с каким-то сожалением...»¹⁹⁰.

Такое отношение становится понятным в историческом контексте. В начале XX в. большинству удмуртских крестьян было доступно только начальное образование. Известно отношение удмуртов к обучению детей в учебных заведениях. В статье «Вордскем удмурт кыл сярысь» (*О родном удмуртском языке*) удмуртский поэт и ученый Кузубай Герд писал: «Дышетскем удмуртьёс... кытчы ке зучьёс пöлы ужаны кошко, удмурт калыкез пеймыт дуннее курадзыны кельто. Соин удмуртьёс пизэс дышетскыны сётыкузы – “дышетскиз ке, со милемыз сюдйсь-утялтйсь, милям пимы уз лу ни” – шуыса верало» / «Образованные удмурты... уходят работать к русским, удмуртский народ оставляют страдать в темном мире. Поэтому удмурты, когда отдают в учение своих детей, говорят, что если выучатся, они нам кормильцами, нашим сыновьями уже не будут»¹⁹¹ (перевод наш. – Л. Д.). Однако герой-интеллигент Кедре Митрея понимает позицию отца и убеждает

¹⁸⁸ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 108 об.–109.

¹⁸⁹ *Дрожжин С. Д.* Жизнь поэта-крестьянина С. Д. Дрожжина (1843–1905 гг.), описанная им самим и избранные стихотворения. М., 1906. С. 81.

¹⁹⁰ *Кедре Митрей*. Дитя больного века: автобиографическая повесть // *Инвожо*. 2005. № 9. С. 144.

¹⁹¹ *Герд К.* Вордскем удмурт кыл сярысь // *Гудыри*. 1924. 29 июнь. С. 4.

его в письме: «Нет, не беспокойтесь, у меня есть сердце, следовательно, как же я могу забыть вас»¹⁹².

Кедра Митрей позиционирует себя культурным человеком, интеллигентом, создающим самого себя. Такое понимание, творческое интерпретирование своей личности оказалось плодотворным и придало осмысленность и цельность его существованию, открыло юноше новые смысловые перспективы. Самоосмысление начинающего писателя происходит в рамках культурной традиции: в свой психологический образ Кедра Митрея вкладывает такие черты, как обидчивость, застенчивость, неуверенность в себе; он характеризует себя поступками, уже отрефлексированными в произведениях известных писателей и дающими право на статус интеллигентного человека.

§ 3. Философские идеи брака и семьи в понимании Кедра Митрея

В общественной жизни середины XIX в. супружество воспринималось как «высшее проявление реальной жизни»¹⁹³ и возможность самореализации. Брак имел важное общественное значение: при выборе партнера необходимо было руководствоваться не влюбленностью, а трезвым расчетом – благородным желанием облегчить друг другу тяжелые условия жизни. Любовь должна была реализоваться между супругами как следствие брака, а не его причина.

Идея брака и подготовка к нему была значима для Кедра Митрея как планирование жизни. Он полагал, что до брака мужчины и женщины должны сохранять целомудрие. Это правило содержится в составленных им правилах самовоспитания. Несомненно, ему было близко толстовское объяснение чувственной невоздержанности как приобретаемого физического порока: «А быть блудником есть физическое состояние, подобное состоянию морфиниста, пьяницы, курильщика»¹⁹⁴.

¹⁹² *Кедра Митрей*. Дитя большого века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 149.

¹⁹³ *Паперно И. А.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996. С. 79.

¹⁹⁴ *Толстой Л. Н.* Крейцеровна соната // Собр. соч.: в 22 т. Т. 12. М., 1982. С. 135.

Средство предупреждения соблазна Кедр Митрей видел в помолвке как подготовительном этапе супружества: «Ради воздержания целомудрия самое лучшее – это помолвки. <...> Выходит, нужно познакомиться, выбрать одну по душе, помолвиться, свято чтить высказанное, и таким образом охранять себя»¹⁹⁵.

Главное условие брака для Кедр Митрея – духовная близость, родство идеалов мужа и жены, образованность избранницы. В автобиографии он пишет о сознательном выборе невесты: «В описываемый мною тяжелый год во мне проявилась потребность иметь подругу жизни. Я и избрал, действительно, одну женщину после долгих исканий, колебаний»¹⁹⁶.

Будущей подругой жизни ему виделась одноклассница по училищу, дочь зажиточного крестьянина из Зуры, Татьяна Филимоновна Бармина: «...Моя жизнь была и есть тяжелая, – но есть надежда на более лучшую. <...> Надеюсь, что доведется тянуть жизнь не одному, а с лицом, которое будет делить и горе, и радости, это жизнь с Т. ...»¹⁹⁷. Во время переписки с Д. И. Корепановым она обучалась в Глазовской женской гимназии¹⁹⁸.

Для начинающего писателя в Татьяне воплотился идеал светской женщины и типичной литературной героини. В тетради для литературных выписок встречается отрывок из повести Л. Н. Толстого «Семейное счастье» (1859), несколько исправленный Д. И. Корепановым в своем вкусе: «Она имеет добрейшие качества! Милая, грациозная (самонадеянность), самоуверенность, афабельность, даже светский ум и любезность. И всё это просто, мило, добродушно. Я от нее в восторге, и не могу налюбоваться на нее, и, если бы можно было, полюбил бы еще больше»¹⁹⁹.

¹⁹⁵ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 74.

¹⁹⁶ *Кедр Митрей*. Дитя больного века: автобиографическая повесть // *Инвожо*. 2005. № 9. С. 163.

¹⁹⁷ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 3 об.

¹⁹⁸ См.: *ЦГА УР*. Ф. 122. Оп. 1. Д. 149.

¹⁹⁹ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 27562/1-УРМ. Л. 244. В оригинале у Толстого герой пишет письмо, в котором делится своими впечатлениями о блестящем поведении своей жены, деревенской барышни, впервые выехавшей в большой свет: «Вы не узнаете Маши, – писал он, – и я сам не узнаю ее. Откуда берется эта милая, грациозная самоуверенность, афабельность, даже светский ум и любезность. И всё это просто, мило, добродушно. Все от нее в восторге, да я и сам не налюбуюсь на нее, и ежели бы можно было,

В автобиографии описывается эпизод встречи Д. И. Корепанова с Таней, их светский диалог: они делятся впечатлениями о городской жизни, об учебе и развлечениях. В доме Барминых он познакомился с родителями девушки, и они вызвали у нее неудовольствие: «...Она негодовала на обхождение ее родителей со мной, и [была] возмущена тем, что они глядели на мое посещение “по-свойски”»²⁰⁰. Сопоставление разных манер обращения хозяев с гостем (фамильярность Барминых и любезность Тани) показали воспитанность избранницы.

Совместная жизнь с любимой женщиной видится Д. И. Корепанову через призму литературных моделей. В читательский дневник попадает и другой отрывок из «Семейного счастья»: «Я часто теперь не сплю по ночам от счастья и всё думаю о том, как мы будем жить вместе. Мне кажется, что нашел то, что нужно для счастья. Тихая уединенная жизнь в нашей деревенской глуши, с возможностью делать добро всем, потом труд, труд, который, *кажется*²⁰¹, приносит пользу, потом отдых, природа, книга, музыка, любовь к близкому человеку (а именно: к тебе), вот мое счастье, выше которого я не мечтал. А тут сверх всего этого, такой друг, как ты. Вот и все, что может желать человек»²⁰².

Деликатность героя Л. Н. Толстого при обращении к будущей жене в интерпретации Д. И. Корепанова исчезает. Слово «кажется» Д. И. Корепановым зачеркнуто, вместо обращения «вы» он пишет «ты», выражает уверенность в своих ожиданиях, разрабатывает некую программу, которую он намерен реализовать в будущем.

полюбил бы еще больше» (*Толстой Л. Н. Семейное счастье // Собр. соч. в 22 т.: Т. 3. М., 1979. С. 123*).

²⁰⁰ *Кедра Митрей. Дитя большого века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 166.*

²⁰¹ Так в подлиннике.

²⁰² *НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 244. Ср. оригинальный текст из «Семейного счастья» Толстого: «Я часто теперь не сплю по ночам от счастья и всё думаю о том, как мы будем жить вместе. Я прожил много, и мне кажется, что нашел то, что нужно для счастья. Тихая уединенная жизнь в нашей деревенской глуши, с возможностью делать добро людям, которым так легко делать добро, к которому они не привыкли, потом труд, труд, который, кажется, что приносит пользу, потом отдых, природа, книга, музыка, любовь к близкому человеку, вот мое счастье, выше которого я не мечтал. А тут, сверх всего этого, такой друг, как вы, семья, может быть, и всё, что только может желать человек» (*Толстой Л. Н. Семейное счастье. С. 106*).*

Тихая семейная жизнь в деревне героев «Семейного счастья», Маши и Сергея Николаевича (ср. брак Кити и Левина в «Анне Карениной»), становится моделью идеальной супружеской жизни для Кедр Митрея, который представляет будущую жену возлюбленной и близким другом²⁰³.

В автобиографии показана взаимная симпатия Татьяны Барминой и Дмитрия Корепанова, но в их отношениях присутствует неопределенность, недоговоренность. Основной способ их общения – переписка, о чем Кедр Митрей пишет в автобиографии: «Я не надеялся на возможную взаимность; открыться всё духу не хватило»²⁰⁴.

Невозможность рассказать о своих чувствах объясняется обстоятельствами, не зависящими от автора-героя. Он винит в этом свое воспитание и окружение, из-за которых не может проявить свои чувства: «Я был робок и нерешителен! Зависит ли только это от меня! Я думаю: нет! окружающее подавило меня и сделало таковым»²⁰⁵.

Неизвестно, случилось ли в действительной жизни решительное объяснение, но мечта о совместной жизни с Таней не сбылась. П. К. Поздеев пишет, что переписка между ними закончилась сообщением молодой женщины о своем замужестве²⁰⁶.

²⁰³ Автобиография посвящена Татьяне Барминой: «Признаюсь в настоящем посвящении, что я никогда бы не взялся писать о горестных событиях, выставляющихся так резко на достаточно длинной нити жизни, – кабы не увлечение и сильная любовь, направленная на тебя» (*НМ УР им. К. Герда*. Д. 27562/1-УРМ. Л. 216 об.). Это посвящение по существу – предложение к совместной жизни: «Как усталый путник, не находящий пристанища на дороге, долго искал мой истрепавшийся при домашних бурях, угнетающем воспитании и жизненных неудачах, дух, и долго-предолго томился неопределенностью в избрании вечного друга в жизни, вечной подруги; но и для него нашлась предельная точка, место, если не полного успокоения, то во всяком случае большей доли, – нашелся родственный ему дух, взаимно-отзывчивый и пылко-стремящийся к выбору друга. И эти два родственных духа, благосклонно и любовно относящиеся друзья, несомненно, есть мы» (Там же. Л. 216).

²⁰⁴ *Кедра Митрей*. Дитя большого века: автобиографическая повесть // *Инвожо*. 2005. № 9. С. 163.

²⁰⁵ Там же. С. 163.

²⁰⁶ *Поздеев П.* Кедр Митрейлэн улон сюресэз: [жизненный путь Кедр Митрея] // *Вакут*. 1992. 26 сентябрь.

Однако модель жизни, в которой брак имел центральное значение, была определена и вскоре реализовалась. В июле 1914 г. Кедр Митрей был призван в армию, а через год, во время срочной военной службы в г. Благовещенске, женился. Его избранницей стала восемнадцатилетняя полька Анна Станиславовна Сорочинская²⁰⁷.

Свадебные фотографии молодой четы дают возможность предположить, что Сорочинская принадлежала к городскому интеллигентному обществу и получила светское воспитание, воплотив тем самым идеал женщины Д. И. Корепанова. В целом именно с поляками как самым западным народом империи связывался в общественном сознании стереотип «культурной нации» (даже с предубеждением против «польского гонора»).

Родственники Кедр Митрея утверждают, что Кедр Митрей женился на женщине с ребенком: у А. С. Сорочинской была дочь Валентина, родившаяся в 1915 г. Брак с женщиной, у которой есть ребенок, может быть истолкован и как реализация модели сочувственного отношения к женщине, воспитанного литературой и жизненным опытом, связанным с судьбой страдальцы-матери.

В биографической литературе о Кедре Митрее нет сведений о судьбе Татьяны Барминой. А. Лаптев пишет, что Таня стала прототипом Барма Лизы, персонажа советской повести Кедр Митрея «Вужгурт» (1926) (*Лаптев А. М. «Сюлэм бõрдэ, куректэ...» // «Тй учке чөмгес чукпала...»: кылдуньетьёс, кылужьёс, юан-валэктоньёс. Ижевск, 2008. С. 58–62*). В этой повести Лиза выступает инициатором разрыва отношений с семинаристом Далко Семеном, а затем пытается возобновить их, но Семен с презрением отвергает девушку. Таким образом, в повести Кедр Митрей изменяет ход реальных событий, расплачиваясь за горечь уязвленного отказом самолюбия. Барма Лиза – негативный образец ломки традиционной культуры: «Женщина-удмуртка в силу своего характера редко становилась на путь легкой жизни. Она была верна мужу, покорна, умела прекрасно вести хозяйство. Барма Лиза является полной противоположностью. Для нее не существует таких понятий, как верность, любовь. Завидев на “горизонте” более выгодную партию, она, не задумываясь, покидает очередного партнера» (*Морозова Т. М. Изображение женских образов в произведениях Кедр Митрея // Вордскем кыл. 2014. № 7. С. 32*). Барма Лиза – антипод и толстовского идеала женщины как супруги и матери.

²⁰⁷ Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея. Ижевск: Удмуртия, 2003. С. 250.

Глава 3

«ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВО» КАК СТРАТЕГИЯ ПИСАТЕЛЯ–ПРОСВЕТИТЕЛЯ

§ 1. Взгляды Кедре Митрея на проблему приобщения удмуртского народа к новому культурному укладу

Кедра Митрей связывал свое будущее с должностью учителя. Он считал, что таким образом можно принести пользу и себе, и другим. Готовность к общественному служению, к претворению в жизнь гуманистической идеи просвещения объединяет Кедре Митрея с представителями интеллигенции, которые, по определению Р. В. Иванова-Разумника, характеризуются творческим созиданием «новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности»²⁰⁸.

Идея просвещения удмуртского народа стала важным элементом жизненной программы Кедре Митрея. В автобиографии он пишет о своем предназначении: «Игра! <...> О, как желал бы я направить на путь истины твой блуждающий народ, как старанья свои приложил бы для просвещения твоих невежественных сынов. Судьбой мне назначено вылезть из твоего смрадного омута. Заботы мои клонятся к тебе, но

²⁰⁸ *Иванов-Разумник*. История русской общественной мысли: в 3 т. Т. 1. С.-Петербург, 1911. С. 12.

я еще за дело не принялся...»²⁰⁹. Финальное замечание – «еще за дело не принялся» – показывает, что автобиографический герой, выступающий в роли наблюдателя и моралиста, видит себя и в роли агитатора, призывающего получивших педагогическое образование сверстников заняться просветительской деятельностью.

Ориентиром и образцом для такого рода деятельности мог служить этнограф Г. Е. Верещагин²¹⁰, автор трудов «Вотяки Сосновского края» (1886) и «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии» (1889). Автобиографический герой Кедр Митрея, наблюдающий и описывающий быт удмуртов, явно напоминает авторское «я» в исследованиях его старшего современника.

Он внимательно наблюдает жизнь общины удмуртского села, замечает ее социальные пороки – пьянство: «...Найдут какой-нибудь клочок общественной земли и крикнет кто-либо: давай местечко это продадим! Соблазн большой – удастся выпить и дело решено. Притащут четверть вина, а большею частью бывает ведро, созовут всех мужиков, и пошла мирская сходка под пятки какому-нибудь из “кулаков”; пирует мир, продав зачастую последний кусок хлеба своих детей за рюмочки водки, да еще вдобавок, повредив своему организму»²¹¹.

Если герой бессилен изменить привычки и мировоззрение старшего поколения, то своих деревенских друзей, молодых людей, он может перевоспитать: «Я отлично понимал, ...что я могу только приложить старания к улучшению их положения в умственном отношении и повлиять в некоторой степени на их распущенную нравственность»²¹².

Поступки автобиографического героя выглядят как образец поведения развитого человека в среде неграмотных, темных людей. Он, получивший школьное образование, отказывается от лечения народными средствами: «Я отказывался, несмотря на увещевания, затем и угрозы

²⁰⁹ *Кедра Митрей*. Дитя большого века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 169.

²¹⁰ В автобиографии упоминается, что герой с увлечением читал этнографические труды: «...произведения, хорошо знакомые мне, “Вотяки Сосновского края” и “Вотяки Сарапульского уезда”, <...> заинтересовали меня этнографией» (*Кедра Митрей*. Дитя большого века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 194). В рукописях писателя собрана библиография трудов по удмуртской этнографии.

²¹¹ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 108 об.

²¹² Там же. Л. 109 об.

со стороны родителей. <...> В прежние годы я беспрекословно подчинялся во время лечений подобного рода указаниям врачей»²¹³.

После внимательного описания процесса знахарского лечения повествователь делает следующий вывод: «Таких шептателей имеется у нас много. Вотяки слепо верят в их могущество, почему они и пользуются большим почетом. Однако, – от них много бывает вреда, но никакой нет пользы»²¹⁴.

Отношение автобиографического героя к знахарям основывается на суждении Верещагина, который называет их «вредными самозванцами»²¹⁵. Верещагин отмечает: «Они (туно. – Л. Д.) обыкновенно уважаются народом <...> Не будь их среди инородцев – через несколько десятков лет языческие обычаи вотяками забылись бы навсегда»²¹⁶.

По сравнению с трудами Г. Е. Верещагина, в автобиографии Д. И. Корепанова публицистическая интенция выражена ярче: критические суждения и оценки автора прямолинейно излагаются в диалогах героев и в описаниях сценок бытовой жизни крестьян.

Так, на вопрос героини Тони, молодой учительницы из народной школы, «почему так грязно живут эти крестьяне, а тем более вотяки?»²¹⁷, герой отвечает горячим призывом просвещать крестьян: «Нужные указания делать обязаны те лица, которые знают. К числу таких лиц относимся и мы. Учителя и учительницы народных школ очень многого могут достигнуть в деле введения чистоты. Но вот беда в том, что мы подобно должнику, зарывшему талант свой в землю, и не думаем вовсе поднять свой народ из тьмы невежества»²¹⁸.

Важность мотива агитации доказывается его повторяемостью в других текстах. Так, в письме приятельнице, которой «желательно бы... попасться в кассирши, да все места заняты»²¹⁹, Кедр Митрей пишет: «Оглянитесь кругом, всмотритесь в окружающую вас среду, и вы, несомненно, увидите массу народа, утопающего в грязи и мраке

²¹³ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 21.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ *Верещагин Г. Е.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Вотяки Сосновского края. Ижевск, 1995. С. 90.

²¹⁶ Там же. С. 88.

²¹⁷ *Кедра Митрей*. Дитя больного века: автобиографическая повесть // *Инвожо*. 2005. № 9. С. 175.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 27562/1-УРМ. Л. 343 об.

невежества. Народ не ведает, вы ведаете. Вы много можете дать этому народу! Напрасно вы отклоняетесь от своей обязанности учительствовать в народной школе пока возможно»²²⁰.

Для доказательства пользы просветительской деятельности среди удмуртских крестьян автобиографический герой приводит наблюдения Верещагина. Так, высказывание автобиографического героя «В настоящие времена вотяки всё же немного поднимаются. В селах и деревнях по большой трактовой дороге²²¹ не редкость теперь встретить опрятно убранные дома, не многим уступающие домам многих интеллигентных и понимающих важность чистоты и опрятности»²²², скорее всего, пересказывает сообщение Г. Е. Верещагина: «Кто бывал у вотяков Глазовского уезда, особенно по тракту, тот несомненно, был приятно поражен чистотой в домах их, комфортом домашним и развитием их самих, чего незаметно и у русских, живущих в соседстве с ними»²²³. Верещагин объясняет культурность удмуртов Глазовского уезда ранней христианизацией, грамотностью и благотворным влиянием образованных русскоязычных соседей.

Этнографические труды об удмуртах повлияли на выработку позиции Кедр Митрея в вопросе о положении удмуртского народа и его существовании в будущем. Будущее это в описываемое время представлялось ему сочетанием позитивно оцениваемой ассимиляции с региональным своеобразием и конструктивным участием в создании общерусской национальной общности.

Ориентиром для Кедр Митрея служил труд «Вотяки» (1890) И. Н. Смирнова, считавшего, что через сто лет удмурты полностью обрусенят: «Труд Смирнова “Вотяки” историко-этнографический очерк я считаю наиболее научной и хорошо обработанной книгой: преимущественно от нее приобретены мною правильные и точные взгляды»²²⁴, — такой отзыв дается работе профессора И. Н. Смирнова в автобиографии.

В свою записную книжку писатель занес: «Вотяки находятся на пути слияния с русским народом; не пройдет, может быть, столетия до тех пор, пока последний вотьяк сделается русским. Что же внесут

²²⁰ Там же. Л. 344 об.

²²¹ Здесь и далее подчеркнуто нами. — Л. Д.

²²² *Кедр Митрей*. Дитя большого века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 175.

²²³ *Верещагин Г. Е.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Вотяки Сосновского края. Ижевск, 1995. С. 101.

²²⁴ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 180 об.

в жизнь и характер русского народа эти новые 300–400 тысяч человек? Как с пользой для будущего следует нам употребить теперь уже то, что несут с собою эти люди? Ответ на эти вопросы намечается немногим (несколькими страницами) характеристики И. Н. Смирнова. Две основных и родственных нам черты может принести с собой обрусевший вотяк – стойкую энергию и общинные альтруистические инстинкты»²²⁵.

Взгляды И. Н. Смирнова не отличались особой оригинальностью. По словам Г. К. Шкляева, «практически все авторы XIX в. рассматривали ассимиляцию как безусловно положительное явление и видели итог развития удмуртского этноса как полное слияние с русскими»²²⁶. Не удивительно, что в изучаемый нами период и Кедр Митрей склонялся к мысли о русификации удмуртского народа как оптимальном пути его развития.

Стремление реформировать крестьянский уклад жизни, улучшить быт удмуртов, повысить их образованность – основная идея, объединяющая общественную деятельность, научное, публицистическое и художественное творчество дореволюционных удмуртских просветителей начала XX в. Вспомним «Удморт кылын календарь» с практическими советами по усовершенствованию крестьянского хозяйства, книги для чтения И. С. Михеева и И. В. Яковлева с рассказами о примерном поведении крестьянских детей и т. д.

В соответствии со сложившейся традицией Кедр Митрей видел своей первоочередной задачей необходимость просвещения своего народа. Подобное отношение было общепринятым для его современников. Автобиография Кедр Митрея и его советское творчество со сквозным мотивом культурного героя подтверждают этот тезис²²⁷.

²²⁵ *ИМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/164-УРМ. Л. 43.

²²⁶ *Шкляев Г. К.* Межэтнические отношения в Удмуртии. Опыт историко-психологического анализа. Ижевск, 1998. С. 196.

²²⁷ Мотив приобщения к развитой культуре соседних народов является сквозным в советский период творчества Кедр Митрея. В трагедии «Идна-батыр» (1924) главный герой, предводитель племени, собирается ввести новшества в жизнь удмуртов: добыть для них железные доспехи и укрепить торговые связи с разными народами. В романе «Секыт зйбет» (1929) бедняк Дангыр, в своей избе «увеличил окна, поставил косяки, пристроил рамы, вставил стекла... Такого нет даже у богатых» (*Насибуллин Р., Семенов В.* Дангыр увеличил окна, поставил косяки... // *Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея*. Ижевск, 2003. С. 184).

§ 2. Начало журналистской деятельности в газете «Камско-Чепецкий край»

Общественная деятельность Кедра Митрея начинается в уездной газете, в которой он впервые пробует себя как журналист и просветитель. Во время работы в газете он начинает публиковаться под псевдонимом Пан Реймит. До революции этим псевдонимом он подписывается и под художественными текстами.

В служебной автобиографии Кедра Митрей пишет, что «с 1911 года участвовал в газетах, вначале неудачно, а затем всё лучше и лучше»²²⁸. Но первые известные нам новостные заметки появились в столичной и уездной печати в 1912 г. Писатель утверждает, что «в 1912 году состоял неофициальным редактором Глазовской газеты “Камско-Чепецкий край”, выходявшей перед выборами в государственную думу 4 созыва»²²⁹.

Газета «Камско-Чепецкий край», история существования которой исчерпывается несколькими номерами, была первым официальным периодическим изданием города Глазова. В научной литературе о ней сохранилось мало сведений. Известно, что газета была частной, издавалась «по инициативе местных демократически настроенных интеллигентов»²³⁰ Н. П. Серкина и Ф. Ф. Вишневого.

Никаких сведений о личности Н. П. Серкина не обнаружено. О втором издательстве упоминается в литературе и в архивных документах. Краевед М. И. Буня в книге «Глазовские находки» называет Федора Вишневого местным богатым, но беспутным аферистом²³¹. По документам известно, что Федор Федорович Вишевский (1877 г.р.) был потомственным почетным гражданином: в 1894–1898 гг. занимал должность «канцелярского служителя» канцелярии Глазовского уездного съезда²³².

Газета «Камско-Чепецкий край» печаталась в глазовской типографии М. В. Ивашева (тираж газеты при публикации не был указан). Она должна была выходить 2-3 раза в неделю. Однако за 5 месяцев существования издания вышло 5 номеров газеты: 23 марта, 8 апреля, а также 1, 3 и 5 мая.

²²⁸ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 3. Д. 7815. Л. 19 об.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Вахрушев А. А. Просветительская миссия печати и литературы в провинциальной России (на материале Вятской губернии XVII – начала XX веков): монография. Ижевск, 2011. С. 231.

²³¹ Буня М. И. Глазовские находки: записки краеведа. Ижевск, 1971. С. 15.

²³² ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2282.

Появление газеты в уездном городе Глазове отразило общероссийские тенденции. Развитию периодики способствовала сложившаяся в Российской империи конца XIX – начала XX в. ситуация: повышение грамотности населения, увеличение числа частных газет, дарование Манифестом от 17 октября 1905 г. гражданского права «на началах неприкосновенности личности, свободы слова, совести, собраний и союзов», а также экономический подъем начала 1910-х гг.

Исследователь истории печати Вятской губ. А. А. Вахрушев отмечает: «Вятская губерния была одной из самых “книжных” и во многом превосходила другие по уровню грамотности и числу типографий и библиотек»²³³. Кроме правительственных «Вятских губернских ведомостей», выходявших до 1917 г., в губернии издавались частные газеты: «Вятская газета», «Вятская жизнь», «Вятский край» и др. Но век частных газет был недолог: «проводя оппозиционную властям линию»²³⁴, они преследовались местными чиновниками, подвергались цензуре и закрывались. Скорее всего под давлением власти закрылась и газета «Камско-Чепецкий край».

Глазовская газета позиционировала себя как просветительское издание, которое должно было содействовать улучшению жизни населения края, способствовать его духовному развитию: в ней освещались вопросы социально-экономической жизни Глазовского уезда и города, общественно-политической жизни России. Большое внимание уделялось литературному отделу: выходили стихотворения, рассказы, фельетоны на злобу дня. Публикация художественных произведений – характерная черта дореволюционных газет²³⁵.

В газете прослеживаются значимые для Кедр Митрея темы: вопросы народного образования и просвещения удмуртов, популяризация знаний о крестьянской культуре среди горожан и др. Упоминается новый законопроект, отменивший обязательное изучение польского языка в польских школах: «Ясно, что этот законопроект имеет для Варшавского округа ограничительный характер»²³⁶, – комментирует автор статьи, подчеркивая необходимость поддержки начального образования на родном языке.

²³³ *Вахрушев А. А.* Просветительская миссия печати и литературы в провинциальной России. С. 248.

²³⁴ Там же. С. 176.

²³⁵ См.: *Махонина С. Я.* История русской журналистики начала века: учебное пособие. М., 2004. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text1/84.htm>.

²³⁶ Государственный совет // Камско-Чепецкий край. 1912. № 1 (23 марта).

Идея просвещения крестьян-инородцев пропагандируется в газете разными способами. Так, в отделе «Корреспонденция» публикуется письмо В. Невского о необходимости скорейшего просвещения удмуртов, чтобы они отказались от языческих обрядов и чтобы «вотское население ...перестало являться грозою для прохожих»²³⁷. Как пример их пугающего обряда описывается принесение «вотской присяги»: чтобы найти виновного в краже, мужики собираются вместе и едят хлеб с острия ножа; тот, кто порежется, объявляется виновным. Случайный свидетель осуществления этого обряда русский прохожий обратился в полицию, поскольку был сильно напуган, воображив, что мужики хотят устроить над ним самосуд.

На основании тематических совпадений в рукописях писателя и в публикациях «Камско-Чепецкого края» мы предполагаем, что Кедр Митрей вел в газете злободневную колонку коротких сообщений «Хроника».

В ней говорится о необходимости обучать детей на родном языке. Предлагается открыть в Глазове склад книг различного содержания на наречии глазовских инородцев, а также – краеведческий музей, в котором нашли бы место «предметы домашнего обихода вотяков, бесермян и проч.»²³⁸. Газета предлагает организовать школы кружевниц, которые могут усовершенствовать «существующие рисунки поясов, опоясок и разных вышивок, так распространенных среди глазовских инородцев»²³⁹.

«Хроника» выявляла серьезные недостатки в работе городских властей (управы и думы), сообщала о необходимости новшеств для благоустройства Глазова, среди которых – введение электрического освещения на улицах, перестройка здания старого тесного вокзала, уборка на территории еврейского и мусульманского кладбища. Колонка освещала деятельность различных учреждений (реального училища, аптеки, библиотеки, военного гарнизона), предлагала практические советы крестьянам для улучшения способов возделывания земли и затрагивала самые разные стороны хозяйственно-экономической жизни Глазовского уезда.

Наряду с серьезными сообщениями в колонке появлялись и курьезные новости. Например, автору «Хроники» не понравилось

²³⁷ *Невский В.* Дер. Ниж.-Убытская Ключевской волости (Происшествие) // Камско-Чепецкий край. 1912. № 1 (23 марта).

²³⁸ К устройству музея в городе Глазове // Камско-Чепецкий край. 1912. № 3 (1 мая).

²³⁹ К открытию школы кружевниц в Глазовском уезде // Камско-Чепецкий край. 1912. № 5 (20 мая).

пение церковного хора. «Желательно, – пишет корреспондент, – чтобы церковный хор в Глазовском Преображенском соборе был организован лучше и исполнял богослужебные песнопения более стройно, причем грубый, натяжной бас был заменен другим, менее расстраивающим стройность пения»²⁴⁰. Интерес Кедр Митрея к музыке и церковному пению общеизвестен²⁴¹.

В пятом номере газеты «Камско-Чепецкий край» была опубликована заметка, в которой Кедр Митрей под псевдонимом Пан Реймит рассказывает о тяжелом бедственном положении семьи Корепановых, сложившемся из-за пьянства отца, Ивана Корепанова: он не работает, избивает жену и даже ударил ее в руку ножом! Автор взывает к сельским властям, со скорбью замечая «равнодушное отношение начальства и общества к этому обстоятельству»²⁴². Сельский сход *кениш* постановил выселить Ивана в Сибирь, но потом изменил решение, пожалев его жену и детей. Таким образом, Д. И. Корепанов воспользовался своим положением, чтобы с помощью огласки улучшить ситуацию в своей семье.

После первого же выпуска у газеты появились недоброжелатели. В строке коротких новостей сообщалось: «Глазовские деятели встревожены появлением в г. Глазове печатного органа гласности»²⁴³. Газета «Северное слово» (г. Вятка), выпускавшаяся как приложение к «Вятским губернским ведомостям»²⁴⁴, опубликовала статью с нападками на «Камско-Чепецкий край», автор которой скрыл свое имя за псевдонимом Глазовец.

Издатель Вишневский немедленно подал в суд на вятскую газету, издававшуюся губернским правлением²⁴⁵. Газета «Камско-Чепецкий край» на месяц приостановилась и ненадолго возобновилась в мае. Количество полос уменьшилось, после 5-го номера газета закрылась на определенный срок «по независящим от редакции обстоятельствам (нефинансового свойства)»²⁴⁶ и больше не возобновлялась.

²⁴⁰ Хроника // Камско-Чепецкий край. 1912. № 1 (23 марта).

²⁴¹ См.: Голубкова А., Поздеев П., Седельникова В. Мир музыки Кедр Митрея // Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея. Ижевск, 2003. С. 226.

²⁴² Пан Реймит. С. Игра // Камско-Чепецкий край. 1912. № 5 (20 мая).

²⁴³ Хроника // Камско-Чепецкий край. 1912. № 2 (8 апреля).

²⁴⁴ См.: Приложение к «Вятским губернским ведомостям» // Беляева Л. Н., Зиновьева М. К., Никифоров М. М. Библиография периодических изданий России, 1901–1916. Л.: [ГПБ], 1959. Т. 2: И–П. С. 658.

²⁴⁵ Хроника // Камско-Чепецкий край. 1912. № 2 (8 апреля).

²⁴⁶ От редакции // Камско-Чепецкий край. 1912. № 5 (20 мая).

В 1912 г. в неопубликованной статье «Литературная эпидемия»²⁴⁷ в городе Глазове» Кедр Митрей подвел итог издательской деятельности в городе. По мнению автора, причиной неуспеха «Камско-Чепецкого края» стала не востребованность глазовской газеты горожанами как несознательными гражданами: не проявляют интерес к общественно-политической жизни: «Собственно говоря, по словам газеты “Камско-Чепецкий край”, и Аллах ведает, кто их (газеты) станет читать; – так как здешнее общество еще спит; нет в самом населении увлечения литературой и интереса к общественной, политической и экономической жизни»²⁴⁸. Для исправления ситуации автор статьи призывает открыть в Глазове школы, улучшить благоустройство города, а затем уже браться за издание газет и вести литературную деятельность.

В служебной же автобиографии 1925 г. Кедр Митрей называет иную причину закрытия газеты: «Вышла газета всего в 5 номеров, и они все были конфискованы, а газета прикрыта»²⁴⁹. Видимо, обе причины были существенны, но писатель мог выдвигать вперед одну из них в зависимости от общественно-политической ситуации.

После начала работы в газете «Камско-Чепецкий край» Кедр Митрей отправляет информационные заметки в столичные издания. Заметка «**Новый Клондайк**» в пробном номере петербургского журнала «Наши силы» сообщает о сенсационном известии: «Совершенно случайно оказалось, что в землях Глазовского уезда скрыты залежи платины и золота»²⁵⁰ и ситуации, вызванной им: чернорабочие ждут открытия рабочих мест на приисках, небогатые владельцы золотосодержащих участков готовы за небольшую сумму продать десятины леса предпринимателям. Заканчивается корреспонденция изъяснением надежды на появление в крае инициативных предпринимателей и на то, что «в будущем можно ожидать большого промышленного оживления в северной части громадного Глазовского уезда»²⁵¹.

В заметке «**Мотовилиха**»²⁵² (опубл. 4 сентября 1912 г. в газете «Столичные отзвуки») говорится о тяжелых трудовых условиях рабочих Мотовилихинского завода Пермской губ., производящего артиллерийское вооружение для армии.

²⁴⁷ Так в подлиннике.

²⁴⁸ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/164-УРМ. Л. 119.

²⁴⁹ *ЦДНИ УР*. Ф. 16. Оп. 3. Д. 7815. 19 об.

²⁵⁰ *Пан Реймит*. Новый Клондайк // Наши силы. 1913. Пробный №. С. 19.

²⁵¹ Там же.

²⁵² *Пан Реймит*. Мотовилиха // Столичные отзвуки. 1912. 4 сент. (№ 5). С. 3.

В заметке, опубликованной перед выборами в IV Государственную думу, Кедр Митрей подчеркивает, что рабочие критически отнеслись к работе предыдущих Дум и не проявляют должного интереса к предстоящим выборам. На этом журналистская карьера прервется на долгие 6 лет. Выступление его в печати возобновится в 1918 г., после перемены власти в государстве.

Направленность газеты «Камско-Чепецкий край» и первых публикаций Кедр Митрея имеет определенный характер: это просветительство, воодушевленное верой в общественный и культурный прогресс. Газета пропагандирует необходимость присоединения инородцев к благам культуры при сохранении их достижений в области традиционной материальной и духовной культуры.

Эта позиция, казалось бы, несколько противоречива: с одной стороны, газета пропагандирует необходимость отказа от исполнения «диких», по мнению обывателя, обрядов («Вотская присяга»), а с другой стороны, акцентирует внимание на проявлении интереса горожан к традиционной духовной и материальной культуре крестьян. Тем самым газета выступает против стереотипной недооценки уровня развития «малых» народов.

Таким образом, публикации в «Камско-Чепецком крае» и заметки Кедр Митрея в столичной печати отражают его заинтересованность в социально-экономическом и политическом развитии края, во всестороннем улучшении бытовых условий жизни крестьян и горожан.

§ 3. Формирование образа писателя в автобиографии Кедр Митрея

Одновременно с воспитанием себя как интеллигентного, образованного человека и пониманием своей миссии в деле просвещения народа Кедр Митрей осознает и свой литературный талант, свое желание реализоваться творчески, повествуя о личной судьбе как судьбе представителя народа.

Культурно-историческая ситуация благоприятствовала тому, чтобы Кедр Митрей дебютировал в литературе именно своей автобиографией. Со второй половине XIX в. в российском обществе повысился интерес к автодокументальному жанру, вызванный переменами в литературном быте.

Грамотность стала доступна широким массам населения: крестьяне и разночинцы выдвинули «из своих рядов не только массового

читателя, но и массового писателя»²⁵³, рассказывающего о себе как представителе определенного сословия: появляются биографии булочника, кочегара и др. Публикуется большое количество автобиографических произведений, свидетельствующих об уверенности их авторов «в интересности этого материала для других»²⁵⁴.

Кедра Митрей надеялся обрести своего читателя и занять свою нишу в литературе, раскрыв «инородческую» тему «из первых уст»: «выставить возможно точнее, цельнее характер инородца-вотняка при воспитании в семье и школе»²⁵⁵. Была и другая причина, способная вдохновить его на жанр автобиографии. Как отмечает Ю. М. Лотман, право на биографию получает человек, реализующий необычную для большинства программу поведения: она «всегда подвиг, то есть эксцесс, реализация которого требует волевого усилия, преодоления сопротивления»²⁵⁶. В общественном сознании такая роль отводилась святому, а затем такое место обретает и писатель, – тот, кто ищет истину, так что его «биография – акт постепенного самовоспитания, направленного на интеллектуальное и духовное просветление»²⁵⁷.

Для Кедр Митрея право на автобиографию давалось самим фактом писательства, а право на писательство могло быть обосновано с помощью его автобиографии. И в этом начинающий писатель мог ориентироваться на уже известные образцы: продуктивной моделью стали биографии писателей «из народа» – крестьян и разночинцев, которые, преодолев тяжелые жизненные условия, сумели самореализоваться и получить общественное признание. Рассмотрим, как крестьянский и разночинский способы самопозиционирования повлияли на тексты Кедр Митрея.

В автобиографии он ориентируется на жизнеописание крестьянина-самоучки С. Д. Дрожжина, благополучно осуществившегося как писатель из народа: «Прочитал автобиографию поэта-крестьянина Дрожжина. Ах, как восхваляют его! А жизнь его была тоже тяжелая!

²⁵³ *Кокovina Н. З.* А. К. Шеллер-Михайлов в читательской ситуации 1860-х годов // Литературное произведение и читательское восприятие: межвузовский тематический сборник. Калинин, 1982. С. 120.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ *НМ УР им. К. Герда.* Д. 27562/1-УРМ. Л. 356.

²⁵⁶ *Лотман Ю. М.* Литературная биография в историко-литературном контексте: (к типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю. М. О русской литературе: статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 805.

²⁵⁷ Там же. С. 812.

И он был не особенно доволен своим отцом. Такое же недовольство имели и Некрасов, и Кольцов»²⁵⁸.

С поэтами-крестьянами С. Д. Дрожжиным и А. В. Кольцовым Кедр Митрея объединяет принадлежность к традиционной народной культуре. Влияние их биографий сказывается на уровне построения сюжета автобиографии Кедр Митрея. Вместе с тем и в ней, и в письмах Кедр Митрея проявляется и разночинское сознание: автор постоянно рефлексировал по поводу своего литературного таланта, доказывая себе и окружающим право быть писателем; в его статьях и письмах возникает образ непризнанного, неудачливого литератора.

Исследователь Ю. А. Рыкунина, анализируя биографии писателей-самоучек, выделила общее и значимое в сюжетной схеме текста: «описание детства и домашней обстановки... затем – учеба – учеба у дьячка, пономаря и т.п., самостоятельное знакомство с книгой (чаще всего это лубочная книга или случайный роман); знакомство с более серьезной литературой; первая публикация; вхождение в круг литераторов»²⁵⁹. Все эти мотивы отразились в автобиографии Кедр Митрея. Отметим также общий для писательских автобиографий мотив непонимания и неприятия главой семьи литературных занятий сына.

Кедр Митрей вспоминает в автобиографии о дебюте в семинарском рукописном журнале: «Писал статейки на вотском языке в вышедшем тогда вотском журнале «Сандал»; так, написал я тогда рассказы («Пойшуръёс вуиллям»), легенды («Сюрес вылын»), сказки («Мадэй юлтошеныз»), художественные описания природы («Тулыс вуиз, котьма сайказ») и т. д.»²⁶⁰.

В семинарии Кедр Митрея вводят в ряды национальной интеллигенции народов Поволжья. Удмуртский просветитель И. С. Михеев, занимавший должность наставника – воспитателя группы семинаристов-удмуртов, поощряет его интерес к изучению истории и этнографии своего народа.

Он же представил Кедр Митрея финскому этнографу Уно Хольмбергу как «знатока историко-этнографии вотяков»²⁶¹. Финский уче-

²⁵⁸ *Кедр Митрей*. Дитя больного века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 188.

²⁵⁹ *Рыкунина Ю. А.* Писатели из народа: (авто)биографические тексты и контексты // *Autobiografija*. 2014. № 3. С. 20.

²⁶⁰ *Кедр Митрей*. Дитя больного века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 142.

²⁶¹ Там же. С. 188.

ный предложил Кедра Митрею собирать образцы народного творчества и изучать бытовую жизнь удмуртов. По его просьбе Кедра Митрей предпринял две фольклорные экспедиции: из сохранившихся записок известно, что в июне – августе 1911 г. он побывал в Шарканской волости Сарапульского уезда²⁶².

Кедра Митрей знал ведущих удмуртских этнографов: И. В. Васильева и Г. Е. Верещагина, – видел в них «природных вотяков», признанных в ученых кругах; а они восприняли его как продолжателя: «Личность о. И. Васильева мне понравилась. Он задушевно говорил со мной, пригласив меня к себе, и успел в короткий срок сообщить так много о своих наблюдениях и научных воззрениях, что не вместить ни в какой короб. Он предупреждал меня от многих неприятностей, могущих случиться на избранном мною поприще. Как от опытного и достойного назидания человека я с умилением выслушивал его советы, которыми и впоследствии много руководился»²⁶³.

Кедра Митрей получил благословение от ведущих этнографов, то есть он придерживался известной модели вхождения в литературное общество: так, мотив знакомства с мэтром и его одобрение, что часто встречается в писательских биографиях²⁶⁴.

Сюжетная схема биографии писателя-крестьянина реализуется в автобиографии на внешнем уровне, однако смысловое наполнение она получает иное, не характерное для подобных текстов. Утверждение в роли писателя перед самим собой и перед публикой – такова основная интенция Кедра Митрея в произведениях дореволюционного периода. В работах о становлении разночинцев встречается мотив мечты о писательском поприще и уверенности в своем писательском таланте²⁶⁵, который характерен для Кедра Митрея и отсутствует в «наивной» биографии С. Д. Дрожжина.

Так, в автобиографии герой вспоминает о своем первом удачном литературном опыте как доказательстве своего дарования. Будучи учеником Зуринского училища, Митя переложил в стихи рассказ «Федя

²⁶² *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/164-УРМ.

²⁶³ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. 180 об.

²⁶⁴ Рыкунина Ю. А. Писатели из народа: (авто)биографические тексты и контексты // *Autobiography*. 2014. № 3; Кучерская М. А. Полезное соседство: Н. С. Лесков в работе над автобиографией // *Новое литературное обозрение*. 2016. № 4.

²⁶⁵ Вердеревская Н. А. Становление типа разночинца в русской литературе 40–60-х годов XIX века. С. 21.

и Павлуша»: «К сожалению, я не помню уже того склада, в каком составил; только не забыты мной слова: “Малый малышенок, глупый Павлушонок”. Думаю, что достаточно и этого, чтобы выяснить, насколько был нормален дар мой в этом выдуманном деле...»²⁶⁶.

Теме творческой оригинальности Кедр Митрей посвятил отдельный эпизод автобиографии. Герой некоторое время работает переписчиком в архиве волостной канцелярии. Его родственник, земской писарь Степан Захарович, восхищается красивым каллиграфическим почерком Д. И. Корепанова: «Мне твой почерк, Митя, нравится! – сказал, между прочим, Степан Захарович. – У вас в семинарии, верно, много пишут?»²⁶⁷.

Писарь объясняет мастерство Д. И. Корепанова тем, что семинаристы занимаются чистописанием. Однако Кедр Митрей отрицает значение переписывания, поскольку это – механическая работа. В разговоре же со Степаном Захаровичем Д. И. Корепанов слово «писать» понимает в значении «творить»: ученики действительно много пишут, но занимаются творчеством. Для молодого человека вопрос Степана Захаровича служит предлогом, чтобы показать свои писательские способности, а не талант переписчика: «Да, у нас немало письменной работы, на каждую неделю по одной теме давали. На наш класс выпало за прошлый год 26 тем для сочинений. Некоторые темы порядком таки объемисты и обширны, вот, например, темы: “Радостные минуты в жизни русского крестьянина” <...> “Остатки языческих верований среди вотяков нашего села” – в особенности обширна последняя тема»²⁶⁸.

Молодой человек отказывается от похвал Степана Захаровича, но, судя по описанию, внимательно относится к выведению букв на бумаге: «А что относительно почерка, так я недоволен своим почерком. Он у меня весьма сбивчив, буквы получаются ломаные, например, буква *o* у меня совсем бывает заменена треугольником, круглых очертаний нет; потом буквы одни стоят прямо, другие наклонны в одну сторону, а третьи наклонны в противоположную вторым: ну, точь-в-точь ровно пьяные идут, шатаясь по мостовой»²⁶⁹.

Мотив *переписывания* – один из компонентов образной модели писателя. Истоки литературного типа переписчика показал М. Н. Эпштейн, сопоставляя персонажи Акакия Башмачкина в «Шинели» Н. В. Гоголя

²⁶⁶ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 30 об.

²⁶⁷ *Кедр Митрей*. Дитя большого века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 176.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Там же.

и князя Мышкина в романе «Идиот» Ф. М. Достоевского. Исследователь отмечает, что героев, которые «диаметрально противоположны друг другу»²⁷⁰, маленького человека Башмачкина и «положительно прекрасного» Мышкина, сближает любовь к *переписыванию* – любовь к графическому изображению букв. Оба олицетворяют собой кротость, благочестие и смирение; оба восстанавливают значимость профессии переписчика: до изобретения печатной машины «деятельность писца и переписчика была окружена почетом и благоговением, поскольку она запечатлевала для вечности тот смысл, который был этого достоин»²⁷¹.

В автобиографии Кедр Митрея мотив переписывания также связывается с тем изначальным почетом и уважением к переписчику и его труду, о чем писал М. Н. Эпштейн. Если Башмачкин – переписчик, всеми презираемый, то в автобиографии Кедр Митрея должность писца (писаря) оказывается престижной. Это связано с социальными условиями жизни Кедр Митрея и его окружения: основная масса крестьян грамоты не знала, поэтому любой грамотный человек становился выше на ступеньку в социальной лестнице, мог быть представителем власти. Правда, сам начинающий писатель уже перерос эту систему ценностей и выше ставил писательство в более высоком – творческом! – смысле.

Отношение Д. И. Корепанова к переписыванию сложное и неоднозначное. Он не желает иметь ничего общего с Башмачкиным, занимающимся механическим, презираемым всеми трудом. С другой стороны, он любит заниматься переписыванием, но не хочет полностью признавать за собой это мастерство, ведь в нынешний век печатного станка ценится оригинальность. Сердечной простоты «идиота» Мышкина он тоже не достигает. И всё же каллиграфические способности, маркирующие его как человека, принадлежащего к письменной культуре, для самопрезентации оказываются значимы.

Это подтверждают и дореволюционное творчество, и биография Кедр Митрея. После исключения из семинарии он пытается найти занятие, подходящее для интеллигентного человека. В тетрадях Кедр Митрея содержатся вырезки из газет с его объявлениями в поисках должности. В одном из них он указывает: «Имею прекрасный почерк! Обладаю хорошим русским слогом!»²⁷². Во время поисков работы в Казани

²⁷⁰ Эпштейн М. Н. Князь Мышкин и Акакий Башмачкин: (к образу переписчика) // Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. М.: Советский писатель, 1988. С. 65.

²⁷¹ Там же. С. 68.

²⁷² НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 189.

Кедра Митрей от первого лица написал рассказ «**Загадочный человек**» (1911), затронув тему переписывания.

Как известно из рукописей, в газетных объявлениях о поиске работы Кедра Митрей указывал и адрес. В тексте рассказа говорится, что к герою в съемную комнату приходит вечером человек, предлагая работу конторщика, и рассматривает рукописи молодого человека, показывающие хороший почерк²⁷³. Как видно из рассказа, герой получает одобрение от возможного работодателя и убеждается, что достоин хорошей должности. Так сам автор дает оценку своему каллиграфическому мастерству.

Косвенно, это еще один аргумент в пользу причастности автора к тем, кто имеет право на биографию: к писателям, владеющим письменной культурой и на уровне умения создавать оригинальные тексты и сохранять их для вечности на уровне каллиграфии.

Модель неудачливого разночинца-литератора реализуется также в текстах, сопровождающих публикацию главной рукописи – *автобиографии*. Так, из одного письма мы узнаем, что с предложением о публикации автобиографии Кедра Митрей обращался к профессору А. Н. Катанову, председателю Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете; писал в редакции популярных российских журналов «Нива» и «Природа и люди». Приблизительно в 1912–1913 гг. молодой человек обратился в редакцию нового журнала «Сотрудник печати» (Санкт-Петербург). Рукопись вернули со следующим объяснением: «Возвращается в виду невозможности использовать для газеты из-за объема. Слог хорош. Местами требуются исправления стилистические»²⁷⁴.

Обида из-за непризнания молодого дарования отразилась в статье «“О тяжести жизни” (Псевдо-философия)», где Д. И. Корепанов размышляет об особенностях литературного быта и судьбе непризнанного литератора: «Почти непреодолимое препятствие встречает молодой писатель, вступая на литературное поприще. Не пользуясь никакой известностью в ученом мире и в кругу литераторов; не прославившись, ему нет доступа к пожинателям лавров литературы и учености, его нигде не принимают и не обращают на него никакого внимания, ожесточенно набрасываются на малейшие его вывихи и промахи. Молодые литераторы, непризнанные, зачастую разочаровываются и, после

²⁷³ Однако загадочный человек требует в залог деньги и уходит, обещав вернуться в следующий вечер за нужной суммой. После его ухода герой заключает, что к нему приходил аферист.

²⁷⁴ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 3.

нескольких неудачных попыток, окончательно падают духом. Сочли ничтожным, невидным! А между тем, “из червя, может, вышел бы муравей”. Сколько, может быть, таким образом, погибает даже талантливых лиц! Причиной же гибели их является какой-нибудь пустяшный каприз зажившегося деятеля и ... несколько известного своей литературной деятельностью, а много известного своим капиталом. Эти господа, выставя себя знатоками дела, захватывают в свои руки рукописи написавшим по принадлежности, признав труды достойными печати, но после тщательной обработки. Автор с жаром берется за свои сочинения, пересматривает, перечеркивает и в конце концов выходит, Бог весть, что. После обработки снова обращается к патрону, но получает громовой удар: “нет, не годится ваше сочинение для современной публики!” И больше ни слова. Что же, думаете, его сочинение пропало даром? Нет, оно принесло пользу! Но принесло пользу его патрону. Тот весь сок сочинения его выжал и, переправив на свой лад, отдал под печать»²⁷⁵.

Скорее всего, в этой статье Кедр Митрея описывается собственный его опыт общения с редакторами журналов, хотя опирается он на уже известные литературные образцы: так, сюжет «нет вакансии» о безуспешных попытках заработать литературным трудом описан в романе «Тысяча душ» (1858) А. Ф. Писемского²⁷⁶; мотив литературного плагиата – в автобиографическом романе Н. А. Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843–1848). Если автобиография показывает более «удачливый» способ позиционирования себя, то в письмах и в статье Кедр Митрей «примеряет» на себя образ неудачливого и обиженного литератора из разночинцев.

После увольнения из семинарии (в 1911–1914 гг.), он занимается литературной деятельностью: участвует в издании газеты, пробует себя в жанре очерка, рассказа, романа, создает трагедию. Но творчество не дает средств к пропитанию, и молодой человек зарабатывает на жизнь тяжелым физическим трудом.

В служебной автобиографии 1925 г. он рассказывает о своей трудовой жизни в 1911–1913 гг.: «За два с половиной года, скитаясь без надлежащих документов, я одно лето проработал (косил, жал и пр.) у товарища по семинарии Коняева в Соликамском уезде около Чермозского завода (г. Чёрмоз Пермской обл. – *Л Д.*); был на ремонте ... железной дороги вблизи ст. Вознесенская (Верещагино), когда копал

²⁷⁵ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/164-УРМ. Л. 95 об.–96.

²⁷⁶ См.: *Вердеревская Н. А.* Становление типа разночинца в русской литературе 40–60-х годов XIX века. С. 17.

канавы, носил тачку и т. д.; работал переплетчиком в г. Глазове у Гутман, в Перми у <...>²⁷⁷. Затем подучился столярному ремеслу, которое давало мне тоже заработок»²⁷⁸.

В этот же период было написано стихотворение «Не делюсь ни с кем я горем...» (1912):

Не делюсь ни с кем я горем,
Один страдаю и терплю.
Судьба! В терпеньи дай поспорим, –
И натиск грубый я сорву.
Я не боюсь твоей угрозы
И никаких твоих преград,
Видал я много в жизни горя,
Ему уж близок я, как брат.
Вперед – измученный, избитый,
Идти я буду напролом.
Мешай ты мне, меня изби²⁷⁹ ты,
Не сокрушишь жестоким злом.
Хотя я пред тобой ничтожный,
Но не боюсь я тебя;
Пущу я смело меч могучий
И брошу вызов на себя²⁸⁰.
Во мне горят надежда, вера,
Любовь мне помогает жить;
А ты... О где безумству мера?
Меня ты хочешь низложить.
Нет, рано! Далеко до сдачи!
Я докажу, что я сильней.
Наступит час моей удачи
И будет много мощных дней.
...Понесу я крест тяжелый
Гордо на груди своей...²⁸¹

²⁷⁷ Далее не разобрано 1 слово.

²⁷⁸ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 3. Д. 7815. Л. 19 об.

²⁷⁹ Так в подлиннике.

²⁸⁰ Так в подлиннике.

²⁸¹ НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 339–339 об. Текст документа приведен с точным сохранением пунктуационных, стилистических и языковых особенностей подлинника.

В романтическом стихотворении Кедр Митрей примеряет на себя модель святого мученика. Образцом для него мог служить св. Димитрий Ростовский (1651–1709) – талантливый организатор, проповедник и, что немаловажно, известный церковный писатель, прославленный составитель сборника житий святых «Четьи-Минеи», которого будущий писатель, видимо, считал своим небесным покровителем. В ученических тетрадах Кедр Митрея сохранились переводы кондака и тропаря святому, а также сочинение-пересказ его жития «Житие святителя Димитрия, митрополита Ростовского, имя которого я ношу...»²⁸². Видимо, Димитрий Ростовский был для Кедр Митрея ориентиром в будущей просветительской и педагогической работе.

Таким образом, Кедр Митрей с помощью и этой (агиографической) автопроекции завоевывает право быть писателем. Заметим, что такие агиографические проекции (на Христа и святых, пророков) характерны для многих российских современников Кедр Митрея: Александра Блока, Владимира Маяковского, Сергея Есенина, Осипа Мандельштама и др.

Кедр Митрей сохранил духовную принадлежность к крестьянской удмуртской общине, разделяя ее ценности и идеалы. Одновременно он впитал взгляды современного ему культурного общества на положение инородцев. Основывались они главным образом на мысли о скорейшем приобщении инородцев к благам цивилизации через взаимовыгодную ассимиляцию русского и удмуртского народов. И Кедр Митрей видел свою функцию в осуществлении этой задачи: просвещать свой народ и нести знания об удмуртах в общерусскую культурную сокровищницу.

Само *намерение* осуществить эту задачу давало Кедр Митрею право претендовать на биографию и писателя, и «святого», проповедующего истину. Таким образом, в понимании Кедр Митрея писательская деятельность явилась вершиной нравственно-духовного самосовершенствования, знаменуя собой не только формальный переход к социальному слою образованных людей, но и становление *интеллекта* в подлинном смысле этого слова.

²⁸² *Корепанов Д. И.* Книга 1-я. Тетради по чистописанию, русскому языку, всеобщей истории, Закону Божию и др<угое> м<ногое> пр<очее>. Кабинет удмуртской литературы и фольклора при кафедре удмуртской литературы и литературы народов России ИУФФУиЖ УдГУ. Л. 351–355.

Глава 4

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ КЕДРА МИТРЕЯ В КОНТЕКСТЕ «ЖИЗНЕТВОРЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ»

Анализ поэтики необходим для реконструкции жизнетворческих стратегий писателя: выбор тех или иных поэтических приемов в каждом конкретном случае обусловлен меняющейся личностью автора, создающего текст. В тексте жизнетворческие стратегии реализуются как поведенческие формы автора, выявляющиеся «в маргинальных зонах (синтетических жанрах и стилях, на границе фобулы-сюжета, автора-персонажа)»²⁸³. По справедливому замечанию М. М. Бахтина, «автор непосредственно сходится с героем и его миром и только в непосредственном ценностном отношении к герою обретают впервые свою значимость, свой смысл и ценностный вес (оказываются нужными и важными событийно) формальные литературные приемы»²⁸⁴.

Следовательно, изучение поэтики не только помогает нам выявить своеобразие художественного стиля писателя, но и дополняет, обогащает и подтверждает реконструированную нами модель жизнетворческой стратегии Кедр Митрея.

²⁸³ Худенко Е. А. Жизнетворчество писателя как текст: особенности структуры // Филология и человек. 2016. № 2. С. 176.

²⁸⁴ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 181.

§ 1. Дидактико-морализаторские интенции в жанре автобиографии

1. Синтез жанровых традиций в реализации просветительских идей автора

Специфика жанровой организации опубликованных отрывков автобиографии была подробно рассмотрена в диссертации С. С. Мараткановой, проанализировавшей публикацию как художественное произведение с элементами документальности – автобиографическую повесть «Дитя больного века». Попробуем развить и уточнить основные идеи о полижанровой природе автобиографического произведения Кедр Митрея, высказанные С. С. Мараткановой, обратившись к рукописи писателя и уделив особое внимание фрагментам, оставшимся неопубликованными.

Все ведущие исследователи удмуртской литературы указывали на автобиографическую основу повести Кедр Митрея, по-разному определяя лишь ее жанровую доминанту. Так, литературоведы называли автобиографическое произведение исповедью, лирической повестью с элементами семейной хроники, воспоминаниями, дневником²⁸⁵. Рассмотрев полный неопубликованный текст рукописи (ее объем составляет 181 лист, опубликовано около 2/3 текста от реального объема – Л. Д.), мы пришли к выводу, что следует отнести ее к беллетризованной автобиографии. Этот тезис мы основываем на исследовании Н. А. Николиной²⁸⁶, утверждающей, что именно для беллетризованной автобиографии характерен синтез элементов всех упомянутых выше жанров: «Открытие индивидуальности, возрастающая роль личностных аспектов культуры проявились в рождении жанра автобиографии на базе “скрещивания” жанров исповеди, хроники, мемуаров, а в русской литературе – жития, исповеди и проповеди»²⁸⁷.

Рассмотрим особенности реализации жанра автобиографии в рукописи Кедр Митрея. Предваряется она предисловием, в котором автор указывает, что объектом его изображения является собственный характер, а цель – проследить становление себя как личности, выявляя

²⁸⁵ См.: *Маратканова С. С.* Автобиографический жанр в пермских литературах начала XX века: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2006. С. 25.

²⁸⁶ См.: *Николина Н. А.* Поэтика русской автобиографической прозы: учеб. пособие. М., 2011.

²⁸⁷ Там же. С. 9.

свою зависимость от определенных условий, в частности – от современников и конкретных жизненных ситуаций: «Необходимым я сейчас считаю привести сюда и тех личностей, которые могли оказать на меня некоторое влияние; их характеристики по возможности точнее, чтобы потом мне самому можно было сопоставлять их черты со своими, из чего видно будет, насколько та или иная личность повлияла на меня»²⁸⁸; «случаи ..., имеющие значение по влиянию своему относительно сложившегося духа, характера и темперамента»²⁸⁹.

Сам факт ориентации Кедр Митрея на **автобиографический жанр** указывает на житнетворческую цель осмыслить свою жизнь и воссоздать ее вариант: «Автобиография как жанр – один из способов самопознания, так как она заново творит и интерпретирует жизнь, подводя ее итоги»²⁹⁰.

Выделим приемы, с помощью которых «текст побуждает читателя воспринимать его как сообщение о том, что “было на самом деле”»²⁹¹. С «установкой на подлинность» (Л. Я. Гинзбург) связаны варианты заглавия рукописи. В год окончания работы над автобиографией (1911) Кедр Митрей следующим образом комментирует в письмах ее название: «Свое сочинение я назвал было “Автобиографией”, но т.к. лица, ознакомившиеся с ним, дали название “Дневника”, то и я согласился с ними»²⁹². В письме к возлюбленной Татьяне Барминой он называет рукопись иначе: «Благодаря нашим взаимно-дружеским отношениям воссоздалось мое творение под названием “Автобиографии и мемуаров”»²⁹³. Варианты наименования рукописи: «Дневник», «Автобиография», «Автобиография и мемуары» – свидетельствуют о практической установке Кедр Митрея на создание автодокумента, относящегося к текстам, «которые “настаивают” на своей референциальности, соотносённости с реально бывшим»²⁹⁴.

²⁸⁸ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 3.

²⁸⁹ Там же. Л. 3 об.

²⁹⁰ *Савкина И.* Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007. С. 24.

²⁹¹ Там же. С. 55.

²⁹² *НМ УР им. К. Герда*. Д. 27562/1-УРМ. Л. 356.

²⁹³ Там же. Л. 217 об.

²⁹⁴ *Савкина И.* Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007. С. 9.

Бесспорное доказательство «установки на подлинность» – в референциальности автобиографического текста Кедр Митрея: его письма, свидетельства героев автобиографии и их потомков, архивные документы²⁹⁵, доказывающие факт того, что автор описывал события, происходившие в реальности.

Исходя из мысли о том, что писатель повествует о подлинных событиях своей жизни, рассмотрим, какими художественными приемами в тексте рукописи истолковывается жизненный опыт автора.

Для автобиографии Кедр Митрея характерны черты жанра исповеди: такие, как чистосердечное признание, раскаяние, осуждение субъектом повествования своих прошлых поступков. Жанровые черты его исповеди рассмотрены С. С. Мараткановой²⁹⁶. Особо отметим, что, наряду с исповедальным началом в тексте присутствуют также черты проповеди, что для автобиографии как жанра вообще характерно: «саморефлексия и самоанализ сочетаются с оценочными характеристиками других»²⁹⁷.

Чистосердечные признания в своих чувствах и поступках, а также критическая их оценка позволяют повествователю оценивать и других людей, указывая и на их нравственные пороки, и на достоинства характера. Повествователь выражает свое субъективное мнение о людях, с которыми ему приходится часто общаться. Он строго оценивает и нередко осуждает других персонажей.

Одним из критериев оценки в автобиографии Кедр Митрея является показная или настоящая религиозность, относительно которой оценивается и сам автобиографический герой, и другие персонажи: отец, учителя и одноклассники. К примеру, герой рассуждает о своем лицемерии: «Придется учить тому, во что сам не имеешь веры, а заставить себя уверовать насильно никто и никогда не сможет.

²⁹⁵ Подробнее с героями автобиографии Кедр Митрея можно ознакомиться в сборнике материалов научно-практической конференции «Исторический мост: Вужгурт глазами Кедр Митрея 100 лет спустя» (Игра, 2015), в служебных делах учителей Глазовского уезда Татьяны Барминой, Екатерины и Павла Сильвинских, Спиридона Ускова (*ЦГА УР*. Ф. 122. Оп. 1. Д. 149, 568, 567, 605), а также в документах Казанской учительской семинарии, хранящихся в Государственном архиве Республики Татарстан и в рукописях Кедр Митрея.

²⁹⁶ *Маратканова С. С.* Исповедь-покаяние в повести // *Маратканова С. С.* Автобиографический жанр в пермских литературах начала XX века: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2006. С. 59–69.

²⁹⁷ *Николина Н. А.* Поэтика русской автобиографической прозы: учеб. пособие. М., 2011. С. 38.

Придется постоянно лицемерить – горькая чаша!»²⁹⁸. Рассказывая о характере учителя Зуринского училища, повествователь отмечает: «Учитель сам ходит в церковь редко, а учеников обязательно заставляет ходить, причем для проверки, кто был в церкви и кто не был, велит приходить в училище. Во время службы он занимается домашними делами. Никогда не пойдет, бывало, он к службе церковной, если есть заказы на починку и лужение самоваров...»²⁹⁹.

Рассказывая поучительные истории, случившиеся с родственниками, автор одобряет или порицает ту или иную черту характера человека. Так, двоюродный дядя Лука ребенком украл новые варежки у торговца, остановившегося на ночлег. Торговец не успел схватить мальчика, но «с него (с Луки. – Л. Д.) спала шапка, которую торговец поднял и внес в избу»³⁰⁰. Дед Александр узнал шапку и промолчал. Но бабушка выдала воришку. Тогда «Лука в ту ночь уже не смел зайти в избу и проспал ночь под амбаром»³⁰¹.

Прямой оценки действиям Луки повествователь не дает, но выражает косвенно прозвищем Кырыж-ым (удм. «кривой рот»): «От Гавриила остался единственный сын – Лука–Кырыж-ым»³⁰². Через физическую непривлекательность выражено общественное порицание за дурной поступок.

Автобиограф называет причины успешности человека в жизни, осуждает зависть и пьянство. Дед Александр с братьями «взялись содержателями почтовых станций»³⁰³. Трофим и Андрей пропивали нажитое в кабаке, «наконец они промотали всё, кроме одной лошади да избы»³⁰⁴. Александр не пил вина, жил богато, «немало получал он и наград»³⁰⁵. Однажды братья ограбили его: увели тройку лошадей. «Александр не нашел нигде правосудия и остался ни с чем. Но он опять кое-как оправился и пожил не хуже прежнего, – завел еще больше лошадей»³⁰⁶.

²⁹⁸ НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/162-УРМ. Л. 2 об.

²⁹⁹ *Кедра Мутрей*. Дитя больного века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 139.

³⁰⁰ НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/162-УРМ. Л. 7.

³⁰¹ Там же.

³⁰² НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/162-УРМ. Л. 6.

³⁰³ Там же. Л. 6 об.

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Там же. Л. 7.

Осуждение лицемерия, пьянства, лени, зависти и, напротив, утверждение трудолюбия – такова основная тенденция в характеристике семьи и знакомых авторского Я, как свидетельство дидактической направленности его автобиографии. Принадлежность автобиографического произведения Кедр Митрея к русской литературной традиции автобиографии с ее тенденцией к проповеди несомненна. Как показал наш анализ, герой в течение всего повествования строго оценивает себя и окружающих в аспекте этичности тех или иных поступков.

Пространственно-временная организация произведения позволяет выявить основные признаки беллетризованной автобиографии. Образ времени в автобиографии Кедр Митрея концептуален и несет особую смысловую нагрузку, позволяя выделить два типа повествования: фабульное и бесфабульное. Обозначение временных отрезков – одно из средств построения бесфабульного способа повествования, т. е. рассказа об «обычном (биографическом) времени»³⁰⁷ жизни героя.

В автобиографии Кедр Митрея слова, обозначающие *время*, отражают все значимые для героя события его внешней и внутренней жизни. Лексемы с семантикой *времени* начинают, продвигают и завершают повествование, связанное с обычным ходом времени. Повествователь отсчитывает его по учебным годам и ученическим каникулам. Определенный период внутренней жизни героя, его переживания и эмоции связываются с обозначением учебного года. События, свидетелем которых он является, обозначаются днями празднования церковных и светских праздников и памятными для него датами³⁰⁸.

Наряду с обычным (биографическим) временем и бесфабульным способом повествования о нем возникает *событийное* время и, соответственно, *фабульный* тип повествования. К периоду событийного времени в произведении отнесем события, случившиеся во время обучения героя: период от поступления в церковно-приходскую школу и до исключения из учительской семинарии охватывает в повествовании основное сюжетное действие, наполненное коллизиями.

Сюжетно в автобиографии преобладает семантическое поле слов со значением *перемещения в пространстве*. С передвижением героя

³⁰⁷ Теория литературы: в 2 т. Т. 1. / Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. М., 2004. С. 182.

³⁰⁸ На основе анализа образа времени в автобиографической повести исследователь С. С. Маратканова выделяет черты, характерные для жанра дневника (См.: *Маратканова С. С.* Автобиографический жанр в пермских литературах начала XX века: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2006. С. 33–34).

в физическом пространстве связаны изменения, происходящие в его жизни. Он всегда в пути – в движении: он знакомится и постигает окружающий мир.

Анализируя хронотоп текста Кедре Митрея, С. С. Маратканова определяет *путешествие* как мотив сюжетообразующий, но не доминантный, поскольку «на первом плане, прежде всего, своя, а не чужая жизнь»³⁰⁹, при этом отмечая одну из основных черт путешествия в повести: «в сюжетной основе ... лежит этнографическая составляющая»³¹⁰, а герой предстает как «ученый-этнограф»³¹¹, который интересуется прошлым своего народа и в этнографических экспедициях накапливает знания об удмуртах.

Наряду с описанием быта удмуртской деревни, отметим в рукописи автобиографии фрагменты, для которых характерны жанровые черты путешествия. Рассказ о поездках открывает возможность повествователю выразить свое отношение к проблемам социальным.

При описании поездки с отцом на железнодорожную станцию повествователь упоминает о том, как подвыпивший отец жестоко обращался с лошадью. Этот мотив – один из топосов и русской литературы, и литературы о России (см. тексты А. де Кюстина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др.).

В каюте парохода Дмитрий становится свидетелем разговора двух учителей народных училищ о современных нравах и о проблеме равноправия полов. В духе Л. Н. Толстого (ср., например, с обрамляющей новеллой в «Крейцеровой сонате»), писатель озабочен проблемой гендерного неравенства. Он порицает неодобрительное отношение к «падшей» женщине при одновременной снисходительности к добрым связям мужчины. Для иллюстрации этой мысли он приводит спор учителей. Последнюю реплику назидательного характера в споре произносит более «прогрессивный» из них: «Слушай!.. Одно лишь я тебе скажу в заключение всего сказанного нами: почаще вспоминай последние перед смертью слова ап. Иоанна “любите друг друга”, – это значит – мы должны делать ближним то, что пожелали бы мы, чтобы с нами также поступали. Ведь тебе, я думаю, не совсем приятно будет жениться на падшей женщине, так вот ты и себя должен держать в чистоте»³¹².

³⁰⁹ Маратканова С. С. Указ. соч. С. 76.

³¹⁰ Там же. С. 54.

³¹¹ Там же. С. 76.

³¹² *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 60–60 об.

Каждое перемещение-путешествие автобиографического героя становится способом познания им не только окружающего мира, но и собственных нравственных установок, физических возможностей и приспособленности к жизни. Дорога становится своего рода экзаменом: «Так прошел я скоро лес, стоящий недалеко от села Полома за рекой Чеппой. Но только я прошел лес, почувствовал боль в одной ноге; я сел за канавкой на траве и переобул ногу. Хотел было встать – соскочить, но увидел, что мои ноги не совсем-то намерены повиноваться так скоро. Я понял, что они у меня сильно утомлены. Как с привязи какой-нибудь, я вырвался и побежал, не соображая, что мои ноги с прошлой осени успели уже отвыкнуть от быстрой ходьбы. Ноги ныли, ныли сильно! Я их по возможности тер усердно руками. Нужно было идти вперед, хоть бы до Зуры дойти сегодня. Я напряг все свои усилия, тихонько пошел, помаленьку ноги расходились, однако скоро по-прежнему идти не мог»³¹³.

С. С. Маратканова отмечает, что в автобиографической повести повторяющийся «мотив преодоления ... является устойчивым»³¹⁴. Мы соотносим этот мотив с идеей испытания, важной и для всего произведения в целом. По М. М. Бахтину, это – одна из фундаментальных коллизий, связанных с *хронотопом пути*: «Молот событий ничего не дробит и ничего не кует, – он только испытывает прочность уже готового продукта. И продукт выдерживает испытание»³¹⁵.

Идея испытания особенно наглядна в сокращенных вариантах автобиографии, дошедших до публикации. Опубликованные отрывки автобиографии Кедр Митрей акцентируют внимание читателя на сюжете испытания героя, что говорит о близости автобиографии к прозаическому жанру **повести**, в которой «человек ... в принципе завершен, но не на героическом, а на обыденном уровне, на уровне повседневности, он равен себе, равен своему сюжету»³¹⁶.

В начале повествования изображен процесс обучения и воспитания героя – обрисовывается ситуация, подготавливающая основное

³¹³ *Кедра Митрей*. Дитя большого века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 146.

³¹⁴ *Маратканова С. С.* Автобиографический жанр в пермских литературах начала XX века: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2006. С. 37.

³¹⁵ *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М., 1975. С. 256.

³¹⁶ *Головкин В. М.* Историческая поэтика русской классической повести. М., 2010. С. 60.

событие: основную коллизию – конфликт между миссионерскими задачами семинарии и формирующимся атеизмом героя.

На уровне сюжетной организации повести проверяется атеистическая концепция героя. В споре с оппонентами ему приходится разрешить «трудную задачу» подобно героям волшебной сказки³¹⁷. В повести изображены споры героя с отцом, двоюродным братом Степаном Захаровичем, учителем богословия Усп-ким, директором семинарии Воскресенским.

Формально герой проигрывает: его исключают из семинарии за атеизм, – но поведение его – позиционирование себя как атеиста – остается неизменным. Герой сохраняет тождество самому себе, реализуя одну из базовых повествовательных схем, описанных М. М. Бахтиным: схему греческого авантюрного романа, где после всех испытаний герои совершенно не меняются ни нравственно, ни физически, подтверждая свой идеальный характер.

Герой сохраняет в чистоте свой атеизм, как мученики агиографических жанров сохраняют свою веру. Атеистическая идея не терпит никакого ущерба от перенесенных испытаний, что подтверждает повествователь, относя эту мысль к настоящему времени: «Во второй год моего обучения в двухклассном училище во мне произошла чрезвычайно большая перемена, последствие которой до настоящего времени – без видных изменений»³¹⁸.

В опубликованных отрывках доминирует мотив изгнания. Само это событие предвзвешено прогнозами: учитель Алексей Алексеевич ожидает, что Д. И. Корепанов будет уволен из семинарии одним из первых после бунта воспитанников; в одной из бесед герой ненароком бросает: «Не то что колеблюсь, а дело в том, что могут вышвырнуть из семинарии (Я не ошибся!)»³¹⁹. Мотив изгнания присутствует в тексте как неизбежное будущее.

В архаической литературе мотив изгнания символически интерпретируется как образ временной смерти, переходящей в регенерацию³²⁰. Сюжет регенерации реализуется и в автобиографии Кедре Митрея. После исключения из семинарии он занимается крестьянским тру-

³¹⁷ См.: *Пропт В. Я.* Морфология сказки. Ленинград, 1928. С. 68.

³¹⁸ *Кедра Митрей.* Дитя больного века: автобиографическая повесть // *Инвожо.* 2005. № 9. С. 138. Подчеркнуто нами. – *Л. Д.*

³¹⁹ Там же. С. 161.

³²⁰ См.: *Фрейдберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. С. 253.

дом, путешествует по родному краю, изучает этнографию и фольклор, собирается написать трагедию на основе собранных полевых материалов. Он накапливает силы для возрождения. П. М. Захаров в одной из статей называет героя повести избранным человеком – шаманом «мистического пространства века»³²¹, знания которого принесут благоденствие народу.

О художественности автобиографии, и тяготении ее к повести можно судить по системе персонажей, анализ которой раскрывает идейный замысел автора. Как отметил литературовед А. П. Скафтымов о романе «Идиот» Достоевского, «концепция действующих лиц, их внутренняя организованность и соотношение между собою... – всё обусловлено каждый раз некоторой единой, общей для всего произведения идейно-психологической темой автора»³²². Эта мысль применима к характеристике любого произведения, обладающего авторской концепцией.

В основе любой системы персонажей лежит базовая модель: пара героев, взаимно соотносимых³²³, достаточно разных, чтобы породить коллизию, но и достаточно эквивалентных, чтобы иметь общую площадку для спора. В предельной форме эта эквивалентность порождает модель двойничества.

В автобиографии Кедр Митрея нет персонажей, как равноценных главному герою оппонентов. Как отмечено выше, персонажи автобиографии, словно в волшебной сказке, выполняют функции либо «помощников», либо антагонистов при решении главным героем «трудной задачи» получить образование, статус интеллигентного человека и защитить свой взгляд на мир.

Главного героя и некоторых второстепенных персонажей можно соотносить по принципу «главный герой и его двойник», выявляющий авторскую идею образованности как блага.

Кедра Иван, отец героя, – пародийный двойник главного персонажа. Оба они – «безумцы» в глазах окружающих. Дмитрий убежден,

³²¹ *Захаров П.* Поиск силы, или Мистическое прозрение в удмуртской литературе // Инвожо. 2004. № 10. С. 33.

³²² *Скафтымов А. П.* Тематическая композиция романа «Идиот» // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей: статьи и исследования о русских классиках. М., 1972. С. 26.

³²³ См.: *Лотман Ю. М.* Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 224–242.

что его считают сумасшедшим из-за атеистических убеждений: «Да по ихнему так и выходит, псалмопевец Давид пишет: “Рече безумен в сердце своем: несть бог!” А слово “безумен” равносильно слову “сумасшедший”»³²⁴.

Поведение отца выглядит шутовством, которое, по Бахтину, можно рассматривать как народно-праздничное осмеяние и посрамление. В автобиографии описывается случай потери одежды пьяным Кедром Иваном. Иван решил, что его одежда украдена женой, когда он был в бане. Он отправился искать пропажу к соседу Осипу и ударил его в спину. Осип вытолкнул его из дома, но Иван упал на пороге и закричал: «Овечкин!» – намекая на кражу овцы, в которой был замечен Осип. Тот избил его до крови.

Пропавшая одежда обнаружилась в бане, где Иван ее и оставил, но спьяну Иван отправился на рынок в одном полушубке, который распахивал на людях со словами: «Вот гляди, народ, как жена меня одевает!». Люди же, поговорив с ним, «уходили поскорей, говоря между собой: “Рехнулся он с ума!”»³²⁵.

Это – лишь один из множества случаев скандальных выходов пьяницы-отца. Почему же именно он был отобран для произведения? Из опубликованных сокращенных вариантов это не ясно. При чтении рукописи становится понятно, что автору важно со- и противопоставление отца с сыном.

Раньше Кедр Иван был богат: его красивая одежда, изготовленная женой, была предметом зависти односельчан: «Соседи завидовали, что Иван в лучшей и красивой работы одежде, нежели они»³²⁶. Теперь он оказывается на нижней ступени социальной лестницы и прилюдно обнажается, показывая, как «одевает» его жена. Мир тоже несет ответственность за нынешнее состояние Ивана – ведь в доме его происходили кражи, люди завидовали его достатку.

Кедр Иван отступает от заведенного порядка жизни. Он несет в себе карнавальное начало, занимает роль шута, в устах которого звучат слова осмеяния, издевки и правды.

Повествователь говорит, что в юности девушки отгоняли Ивана от себя из-за грубого, крутого нрава: «Отец в то время был уже забубен-

³²⁴ Кедр Митрей. Дитя большого века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 188.

³²⁵ Там же. С. 159.

³²⁶ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 9 об.

ная голова³²⁷, какими бывают обыкновенно все ямщики». Поэтому никто из окрестных крестьян не желал выдавать за него свою дочь, «пришлось ему взять жену из Святогорской волости...»³²⁸.

Поступки Кедр Ивана сходны с поступками его сына, унаследовавшего от отца бунтарский характер и стремление поступать по-своему: «Чутьем своим отец догадывался о моих колебаниях в вере, а иногда отец видал меня без шейного (наперсного) креста. По правде говоря, в нем и в самом были подорваны зачатки сердечной искренней веры»³²⁹.

Оба склонны фантазировать, преувеличивать, и обладают даром слова: Кедр Иван «ругался так, как только умеет он, а умеет, батюшки, как здорово!»³³⁰. Дмитрий тоже востер на язык: «Дело в том, что, имея славу настоящего “стрелка”, я поддерживал это мнение в товарищах ложью. Я придумывал различные фамилии, имена, приписывая их моим знакомым, выдумывал абсурдные рассказы, приключения»³³¹.

Центробежная сила бунтовщичества делает из Ивана домашнего деспота и участника сельских драк. Но энергия, живущая в его сыне, направлена в созидательное русло. Герой отождествляет отца со своим селом и живущим в нем темным народом, а себя – с человеком культуры, который несет в мир просвещение и которому удалось «вылезть из ... смрадного омота»³³² родного села.

Образы отца и сына восходят к фольклорным моделям культурного героя и трикстера. Как отмечает Е. М. Мелетинский, «в типе трикстера как бы заключен некий универсальный комизм, распространяющийся и на одураченных жертв плута, и на высокие ритуалы, и на асоциальность и невоздержанность самого плута»³³³. Образ Кедр Ивана в произведении воплощает стихийную силу, которую уравнивает серьезный рационализм сына.

³²⁷ В словаре В. И. Даля забубенная голова – это «забубенный человек, разгульный, распутный, буйный и беззаботный» (*Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. А-З. СПб., 1880. С. 571*).

³²⁸ *Кедр Мутрей. Дитя больного века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 137.*

³²⁹ Там же. С. 167.

³³⁰ Там же. С. 160.

³³¹ Там же. С. 145.

³³² *Кедр Мутрей. Дитя больного века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 169.*

³³³ *Мелетинский Е. М. Культурный герой // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 27.*

Идея образованности и культурности проникает во взаимоотношения мужчины и женщины. Основной паре влюбленных Дмитрию и Татьяне, олицетворяющей собой целомудренные отношения и возвышенные чувства, противопоставляется телесность второстепенных героев: дублирующих пар Ефрема Шкляева и Марьи Федоровны, Степана Захаровича Тр-на и Александры Васильевны.

В отношениях Ефрема и Марьи нет любовного чувства, однако они, невенчаные, живут под одной крышей, а в отношениях руководствуются практическим расчетом.

Ефрем тоже частично сюжетный двойник главного героя: оба выбирают невесту, руководствуясь похожими соображениями: необходимо найти образованную женщину, которая может «удовлетворять и душевным потребностям»³³⁴. Невеста Ефрема «менее развита и с образованием лишь низшей школы повышенного типа»³³⁵, но Шкляев вынужден жениться на Марье Федоровне за неимением лучшего выбора.

Семейная жизнь Ефрема Шкляева предрекается примером семейной жизни сосновских мещан: Степана Захаровича Тр-на и Александры Васильевны. Автобиографический герой отзывается об их натянутых взаимоотношениях следующим образом: «Чем-то он был недоволен, скорее всего, женой. Кстати, Александра Васильевна понимала, что муж не доволен ею. Иной раз она высказывалась и так: “Кто велел тебе жениться – не женись. Коли женился на дуре, так уж корми ее”»³³⁶.

Дмитрий Корепанов и Татьяна по сравнению с другими парами в лучшем положении: она получает хорошее образование в гимназии, и, кроме того, герой испытывает к избраннице любовное чувство.

Таким образом, система персонажей выражает авторскую идею важности образования как необходимой составляющей взаимопонимания супругов, противостоящей стихийности «неправильного» проявления чувств «темным» человеком.

Публикация отрывков автобиографии производит впечатление законченности, так как редакторы выделили основной сюжетный ход повести, опустив все авторские отступления – вставные истории и размышления, его замедлявшие. Опубликованные отрывки автобиографии соответствуют жанровому определению автобиографической повести.

³³⁴ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. С. 123 об.

³³⁵ Там же.

³³⁶ *Кедра Мутрей*. Дитя большого века: автобиографическая повесть // *Инвожо*. 2005. № 9. С. 178.

Рукопись в этом отношении более хаотична и похожа на дневник или эссе: это – свободное ассоциативное повествование не только о личной жизни, но и о жизни современников. 19-летний автор описывает всё, что показалось ему примечательным, осваивая синтетический жанр **очерка**.

Большое количество вставных историй позволяет ему показать быт и нравы жителей Глазовского уезда в начале XX в.: семейный быт заводского рабочего, сельского купца, мещан и ссыльных. За отсутствием знаний и опыта он не может выйти за пределы пересказа разговоров и обычных наблюдений над внешностью и поведением. Введение в повествование портретных характеристик современников позволяет нам выделить в автобиографии элементы жанра **мемуаров**, о чем же свидетельствует один из вариантов названия рукописи автобиографии: “Автобиографии и мемуаров”³³⁷ – и сохранившееся в бумагах писателя обозначение «Мемуары на 180 страницах писчей бумага. Рукопись»³³⁸.

Более удачны зарисовки из крестьянского быта. В их построении можно обнаружить влияние дилогии Г. Е. Верещагина «Вотяки Соносского края» и «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии». Это – «этнографические очерки, своеобразные синкретические произведения, вобравшие в себя и научную, и художественную формы повествования»³³⁹. Кедр Митрей усваивает особенности научно-популярного повествования Верещагина, близкого по своим синкретическим установкам к его собственному многоликому повествованию.

В. М. Ванюшев выделяет в объективированном повествовании дилогии Верещагина различные субъекты сознания, организующие «субъектные сюжеты»³⁴⁰. В этом аспекте структура автобиографии аналогична дилогии Верещагина: в некоторых случаях повествователь передает речь другому субъекту сознания. Так, кузнец Александр Волков рассказывает о срочной службе в армии во время русско-японской

³³⁷ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 27562/1-УРМ. Л. 217 об.

³³⁸ *Корепанов Д. И.* Книга 1-я. Тетради по чистописанию, русскому языку, всеобщей истории, Закону Божию и д<угое> м<ногое> пр<очее>. Кабинет удмуртской литературы и фольклора при кафедре удмуртской литературы и литературы народов России ИУФФУиЖ УдГУ. Л. 319.

³³⁹ *Ванюшев В. М.* Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1995. С. 117.

³⁴⁰ Там же. С. 155.

войны; пожилая мещанка из села Сосновки делится воспоминаниями о первых годах замужества.

В. М. Ванюшев отмечает: «Рудименты обобщенной типизации отдельных категорий героев сказывались еще долго в литературном процессе после Г. Е. Верещагина»³⁴¹ – и в пример приводит повесть «Вужгурт» (1926) Кедр Митрея. На основании собственных наблюдений и других литературоведческих работ³⁴² отметим, что это утверждение можно отнести ко всему творчеству Кедр Митрея.

Такая особенность творческой манеры говорит, кроме прочего, о следовании традициям русской литературы конца XIX в. В литературе 1880-х гг. повествование строится без главного героя, «в сюжетах произведений большой эпической формы намечается одновременное раскрытие множества судеб различных людей, создающее общую “панораму” социальной структуры эпохи»³⁴³.

Таким образом, с учетом неопубликованных фрагментов рукописи автобиографического произведения Кедр Митрея, мы пришли к выводу о том, что рукопись относится к жанру беллетризованной автобиографии.

Во временной организации автобиографии принципиальным является хронологическое описание основных событий жизни семинариста. Так выстраивается линия обычной жизни автобиографа и получается бесфабульное повествование. Наряду с этим возникают фабульное повествование и сюжетная линия, связанная с перемещением героя в пространстве. Пребывание в стенах семинарии оборачивается для героя разного рода конфликтами со средой, в результате чего он покидает место учебы. Одна из основных идей произведения – идея испытания атеистических взглядов героя. На всем протяжении повествования атеистическая идея не претерпевает изменений, следовательно, автобиографическое произведение несет в себе жанровые черты прозаической повести.

Анализ системы персонажей выявляет авторскую идею образованности как блага. Наряду с тем, что повествование концентрируется на

³⁴¹ Ванюшев В. М. Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1995. С. 177.

³⁴² См.: Богомолова З. А. Некоторые особенности развития удмуртского романа // Об удмуртском фольклоре и литературе: сб. ст. Ижевск, 1973. Вып. 1. С. 3–25.

³⁴³ История русской литературы. Т. 4. Литература конца XIX – начала XX века (1881–1917) / Ред. тома: К. Д. Муратова. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1983. С. 81.

жизни автобиографического героя, повествователь обращает внимание на быт и нравы ближайшего окружения, что характерно для жанра очерка в русской литературе конца XIX в.

Автобиографическое произведение продолжает традиции русской литературы, в которой автобиографический жанр включает в себя черты проповеди: для автобиографа важным критерием при характеристике человека являются показная или настоящая религиозность, зависть, лень, трудолюбие и любовь к просвещению. В целом автобиографии Кедр Митрея свойственна дидактическая направленность.

2. Комическое начало в художественной структуре автобиографии

О художественных достоинствах автобиографии можно судить по комической и сатирической направленности повествования. Эти художественные субдоминанты были выделены и самим Кедром Митреем в одном из писем: «С целью устранения однообразно-скучных и надоедливых описаний картин, наводящих грусть и вызывающих слезы, – я отчасти, по мере возможности, пускался в юмор; тем не менее от моего сочинения несет жесткой прозой»³⁴⁴.

Чаще всего авторский смех выглядит пристрастным и обличающим. Повествователь включает в свое повествование рассказ, темой которого является незнание удмуртами русского языка. «Интересен один рассказ того времени, – Из Ск-ской стороны проезжал через Кузей-луд некто вотяк Камай Симан. По-видимому, он ехал в церковь в Ч. По дороге ему нашелся попутчик-русский. Он попросил Камай, чтобы пустил его сесть в сани. Тот ничего не понимая, отвечает: “Садись!” – затем всё время с криком повторял: “садись!”. Русский не знает, что и делать. Камай стал наконец угрожать ему кнутом (вотское суюло). Тут уж русский понял, что Камай гонит его с саней, и, конечно, боясь расправы за непослушание, слез скорее. Так хорошо владели в то время вотяки русским языком!..»³⁴⁵.

С одной стороны, в рассказе присутствует смех, с другой – едкая сентенция, заключающая в себе отрицательную оценку непросвещенности удмурта, переводящая юмор в сатиру. Таким образом, народное смеховое начало сосуществует в тексте с чертами литературного очерка, в котором «эмпирические картины жизни, воссоздаваемые

³⁴⁴ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 27562/1-УРМ. Л. 216 об.

³⁴⁵ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 5.

в этом жанре с использованием романной техники литературного письма, освещаются осмыслением и оценкой, прямолинейно привносимыми в текст повествователем»³⁴⁶.

Отметим, что в советский период творчества Кедра Митрей в своих рассказах будет обращаться к образу отсталого крестьянина-удмурта, о чем пишет исследователь удмуртской сатиры А. Н. Уваров³⁴⁷.

В отступлении о нравах семинарии, представляющем собой обособленный очерк, внимательно характеризуются преподаватели и семинаристы – будущие учителя. Введение в повествование портретов-характеристик свидетельствует о следовании традициям Н. В. Гоголя и натуральной школы, и в частности – традиции описания «физиологии» бурсы или семинарии («Вий» Н. В. Гоголя, «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского, произведения Н. С. Лескова и др.)³⁴⁸.

Сатирический модус является основным и при описании жителей села Сосновка, где герой устраивается на должность переписчика в волостное правление после ссоры с отцом, отказавшимся оплачивать ему расходы на обучение. В правлении Сосновки служил волостным писарем двоюродный брат Д. И. Корепанова Степан Захарович Тр-н.

Жители Сосновки называют себя культурными, воспитанными людьми, но на самом деле таковыми не являются, что выявляют их речи и поступки. В семье кузена царит *некультурность* (Е. Фарино) как «отсутствие всякой культуры и одновременное непонимающее вхождение в данную культуру»³⁴⁹. Александра Васильевна, жена Степана Захаровича, – женщина недалекая, но претенциозная: «Ай, гость, – какой невежа! – промолвила она. “Что за черт! За что этот упрек?” – подумал я и на свой вопрос не находил ответа..»³⁵⁰. Получив при первой же встрече необоснованный упрек в незнании этикета, герой в дальнейшем доказывает обратное: именно Дмитрий показывает свою

³⁴⁶ *Теория литературных жанров* / М. Н. Дарвин [и др.] ; под ред. Н. Д. Тармарченко. М., 2011. С. 76.

³⁴⁷ См.: *Уваров А. Н.* Художественное своеобразие удмуртской сатиры. Ижевск, 1979. С. 115.

³⁴⁸ Сравнительный анализ образа учебного заведения в повести Кедра Митрея и «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского см.: *Маратканова С. С.* Автобиографический жанр в пермских литературах начала XX века: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2006. С. 44–54.

³⁴⁹ *Фарино Е.* Введение в литературоведение. СПб., 2004. С. 268.

³⁵⁰ *Кедра Митрей.* Дитя больного века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 171.

воспитанность и образованность, тогда как его свояченица демонстрирует отсутствие этих качеств: вместо «оранжерей», она говорит «ержерея» и не стесняется использовать слово «дура» для характеристики человека.

Герой спорит с окружающими о хороших манерах и культурном поведении. «Степан Захарович разговаривал за обедом со свояченицей о книжке, включающей в себя правила о том, как вести себя в светском обществе. Мною замечено было им, что и я читал несколько подобных книжек нынче, но много тут нашел таких вещей, которые для меня кажутся мелочными и недостойными какого ни-на-есть³⁵¹ внимания»³⁵².

Однако герой чувствует себя неудобно в обществе малокультурной Тони и считает себя «невеждой относительно утонченной деликатности»³⁵³. Соблюдение этикета значимо для героя, и он постоянно сомневается в себе из-за отсутствия достаточных, по его мнению, знаний, в этой области: «...Было видно, что он (помощник писаря Гриша. – Л. Д.), хотя высказывался по наружности интеллигентным, но не имел никаких понятий о светских приемах. (Спешу оговориться: я и сам похож на него в последнем – не знаю светских приемов)»³⁵⁴.

Однако истинная интеллигентность проявляется не только в светских приемах, но и в уважительном отношении к людям нижестоящих классов, их языку и стремлению к образованности. Д. И. Корепанов обращает внимание на отношении сельской интеллигенции (детей духовенства, учителей, мелких чиновников) к удмуртскому языку, что является для него важным критерием настоящей интеллигентности.

Тоня, учительница народной школы, «окончила только второклассное училище, следовательно, была без основательного образования»³⁵⁵. Она не только обвиняет крестьян, особенно удмуртов, в нечистоплотности («Почему так грязно живут эти крестьяне, а тем более вотяки?»³⁵⁶), но и противится их просвещению: «Тогда все будут образованны, каждый будет на нашем уровне! Да как же это? Ведь тогда нас некому будет кормить: чернорабочих не будет!..»³⁵⁷.

³⁵¹ Так в подлиннике.

³⁵² *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 141.

³⁵³ *Кедра Мутрей*. Дитя большого века: автобиографическая повесть // *Инвожо*. 2005. № 9. С. 174.

³⁵⁴ Там же. С. 172.

³⁵⁵ Там же. С. 175.

³⁵⁶ Там же.

³⁵⁷ Там же. С. 176.

В противоположность малообразованным учителям народных школ люди с «основательным» образованием проявляют интерес к языку инородцев. Бывший семинарист Павел, русский, свободно разговаривает на удмуртском, и герой-рассказчик при удобном случае сообщает читателю этот примечательный факт: «Знаешь, что говорит вотская поговорка: “Котькинлы сюлэм нянь уд сётъ”. Буквально перевести нельзя, а смысл передать можно: всех и каждого не удовлетворишь. Да ты сам понимаешь ведь вотский язык»³⁵⁸.

Герой чувствует свою духовную чуждость жителям Сосновки, которые считают себя образованными и воспитанными, а семинариста Д. И. Корепанова – человеком, не умеющим вести себя в приличном обществе. Семья и служащие волостного писаря выглядят «интеллигентами», но по существу оказываются малообразованными, некультурными и отсталыми людьми.

Среди сосновских псевдоинтеллигентов герой-рассказчик пытается выглядеть воспитанным и образованным, но и сам не достигает идеала: он признается самому себе в обидчивости и неумении вести себя в обществе. Но в этом случае он ничем не отличается от остальных и, следовательно, может на равных вершить суд над действительностью.

Из общей сатирической картины выпадает образ бабушки-долгожительницы, изображенной с большой симпатией, хотя и в комическом модусе. Бабушка рассказывает о первых годах своего замужества: как она тайком от мужа играла в куклы и любила их больше своего первенца: «Куклы мне дороже были родного сыночка. <...> Мишеньку я не любила и брала в руки только при муже, и то редко; всё тосковала по куклам своим»³⁵⁹. Сквозь маску жены и матери проглядывает лицо ребенка, который своей наивной естественностью сопротивляется навязанным правилам. В отличие от других сатирически изображенных родственниц, бабушка оказывается внутренне свободным человеком.

В некоторых ситуациях комически описывается и сам герой. Комический модус появляется тогда, когда герой пытается подражать более «престижному» или выгодному поведению, «примерить» и «сыграть» неподходящую для него роль, а результат не оправдывает его ожидания. Так, желание героя солидно выглядеть в глазах родственников приводит к курьезным ситуациям. Например, намереваясь после дальней

³⁵⁸ *Кедра Мутрей*. Дитя больного века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 162.

³⁵⁹ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 146 об.

дороги зайти в гости, Митя решил почистить на опушке пыльные сапоги, но был искусан комарами. «Вот какую прекрасную рожу достал я... <...> Сапоги с блеском, лицо с пятнами»³⁶⁰.

Главная цель повествования – раскрыть процесс самоопределения героя, поиска им своего места в мире. Поэтому он внимательно приглядывается к окружающим, исполнению/неисполнению ими своего предназначения. Сатирический модус в повествовании появляется, когда автор показывает притворное фальшивое исполнение своей роли той или иной личностью. Наоборот, введение рассказов комического характера демонстрирует разнообразие и широту стихийной действительности, не укладывающейся в однозначные правила, и выход свободной личности за границы уготованной роли. Вышеописанными средствами автор достигает необходимого художественного впечатления.

3. Явление диглоссии

Для автобиографии Кедр Митрея характерна рефлексия повествователя по поводу устной и письменной речи персонажей, а также последующая интерпретация. Рефлексивное осмысление языка связано с ситуацией диглоссии – сосуществования в культурном ареале героя двух языков, удмуртского и русского. Образование Кедр Митрея закрепляло эту ситуацию, а не упрощало ее. Несомненно, некоторые образованные удмурты культурно ассимилировались, поскольку языком обучения в России был русский, и если не они сами, то их дети теряли связь с родным языком. Но Кедр Митрей готовился к профессиональной карьере, связанной с культурным и духовным просвещением на удмуртском языке.

С известными оговорками можно сказать, что он получил основы удмуртской филологии, этнологии, истории, педагогики и переводоведения. Как человек творческий он создавал и художественные тексты на удмуртском. В силу всех этих причин интерес ко всему, что связано с удмуртским языком, народным творчеством и наукой об удмуртах, в нем не угасал, а только усиливался.

Ситуация диглоссии и полиглоссии нередко связана с иерархизацией и функциональной дифференциацией языков. Характерный пример – «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, где основной текст написан на русском, табуированные темы раскрыты на татарском,

³⁶⁰ *Кедр Митрей*. Дитя больного века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 147.

профессиональные торговые термины даны на персидском, локальные понятия – на индийском, а финальная молитва – на арабском (имеются также вкрапления итальянского). Но если у Афанасия Никитина переключение с языка на язык не рефлексивируется, то Кедр Митрей регистрирует собственные мысли и эмоции по поводу переходов с языка на язык, причем не только в своей практике.

Так, он отмечает, что отец «когда бывает вне себя или просто на кого-либо сердит, то всегда ругается по-русски, удивительная это его черта; а я, напротив, стараюсь избегать в те минуты, в минуты его озлобления, русских слов. Случается так, что я умалчиваю в тех случаях, когда приходится сказать русское слово, которого нет на втором языке. Это отлично понимает мой отец – и беда! – как раздражает это его»³⁶¹.

Отметим здесь некоторое совпадение практики Кедр Ивана и Афанасия Никитина: оба переходят на неродной язык в ситуации, выходящей за рамки нормы, связанной с табуированными темами (например, у Афанасия Никитина, это – тема проституции). Сфера экспрессивных выражений вообще очень подвижна, и часто именно междометия и ругательства быстро мигрируют из языка в язык. К тому же обценные выражения часто связаны с яркой метафорикой, которая не воспроизводима (как и лирическая поэзия) на другом языке буквально. Скорее всего, именно с этим связано замечание про «русское слово, которого нет на втором языке» (под «словом» может пониматься не только лексема или словоформа, но и выражение, вообще речь).

Но это не отменяет того, что, действительно, некоторые лексические сферы больше развиты в одном языке, а некоторые – в другом. И, конечно, словарь русского языка обширнее, так что в частном замечании о ругательствах проскальзывает и общая озабоченность Кедр Митрей по поводу неразвитости определенных лексических сфер в удмуртском языке, по причине которой он и его собеседник вынуждены переходить на русский язык.

Этот аспект бедности удмуртской лексики подчеркивается в другой ситуации – в разговоре с одноклассницей Марусей, которая прекрасно, по мнению автобиографа, владеет русской речью: «На сей раз, правда, оно простительно, ибо я сам первый заговорил с ней по-русски; она переменить не смела да и было неудобно; кроме сего, важной причиной нужно считать и те затруднения, какие встречаются при разговоре

³⁶¹ Кедр Митрей. Дитя большого века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 157.

между лицами, хотя несколько интеллигентными, от бедности вотского языка, где нет отвлеченных выражений и поневоле вносятся русские слова для обобщения понятий»³⁶².

Но для повествователя важно, что образованный удмурт должен относиться с уважением к родному языку: «Надо заметить, что Маруся никакого повода мне не дала для заключения о каком-либо пренебрежении или брезгливом отношении ее к родному языку»³⁶³.

При этом Кедра Митрей рассматривает и знание русского языка как необходимое, и явно не без иронии (хотя одновременно и для украшения текста сказовой формой речи) помещает в текст автобиографии красноречивый пример русской (а точнее макаронической – русско-удмуртской) письменной речи родного отца: «Любящий сын Митя! Письмо получили 22 декабря или карточку. Мы тебе послали три рубля получил или нет это нечево не сказано письме. После этого мы еще послали простое письмо и это не сказано. Уж парсез воштїм мумы парсен. Пуны парсье̄сты пурем понна присудить каризы 6 манет, еще 2 рубля не платили. Еще купили овецку из торгов за 4 руб. 5 коп. ... Борова сменили на матку. За то, что пес затравил свиней, присудили 6 рублей...»³⁶⁴.

Чем объяснить подобный «билингвизм» письма? Возможно, дело объясняется «низким» статусом некоторых предметов разговора или даже «секретностью» его в экономическом смысле. Простейшего объяснения, что автор был намерен как можно правдивее описать прошлое, используя документы времени, явно недостаточно. Тем более, что текст на русском языке потенциально был обращен к предельно широкой аудитории, и вкрапления удмуртизмов явно потребовали бы по меньшей мере перевода.

Одна из несомненных причин помещения письма отца – его структурная парность ответу сына, который тоже помещен в текст автобиографии. Каждое из писем выступает фоном к другому, придавая ему соответствующее относительное значение.

Сын-семинарист пишет неграмотному отцу-крестьянину назидательное письмо литературным стилем на хорошем русском языке, используя абстрактные понятия «аскетизм», «фанатизм» и «жертва». К письму автор добавляет комментарий, показывающий, что он и не

³⁶² Кедра Митрей. Дитя большого века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 185.

³⁶³ Там же.

³⁶⁴ Там же. С. 148.

надеется на правильное понимание своего текста непосредственным адресатом: «Любезный читатель сего письма, кто б ты ни был, но я прошу читать родителям пояснее, чтоб смысл письма не остался для них смутным и непонятным. А то в прошлый год часто случалось так, что не разбирали как следует и объясняли совершенно по-другому, вследствие чего выходили недоразумения и родители огорчались. 1910 г. 5-го января»³⁶⁵.

Семинаристу определенно было важно показать свою ученость, выступить в качестве просветителя не только перед отцом, но и перед всем сельским миром, и прежде всего – перед сельскими грамотеями, которым отец отдаст прочитать вслух письма сына.

Таким образом, хорошее знание русского языка и уважение к родному является программной идеей повествователя. А мысль о «бедности вотского языка», затрудняющей разговор между интеллигентными удмуртами, предопределяет его позицию культурного строительства и развития родной речи.

Повествователю присущ интерес к фольклору. В текст вводится целый эпизод с разгадыванием героем загадки «Когда звонят во все колокола?» или разгадывание слова, включаемого в круг общенной лексики³⁶⁶. При описании сельского пейзажа приводится дразнилка: «– Куда идешь, Кривая-Косая? (Кытчы мыныйськод, Кырыж-Конгыль?) – спрашивает луг. – Тебе в этом дела нет, Плешивый (тынад ужд өвёл, Плеш Кымес), – отвечает дерзко река»³⁶⁷. Пословица «Котькинлы сюлэм нянь уд сёты» («Буквально перевести нельзя, а смысл передать можно: всех и каждого не удовлетворишь»)³⁶⁸ употребляется как остроумный ответ в разговоре и способ уклониться от расспросов товарищей.

Свою мать герой называет «затейницей»³⁶⁹ и вводит в текст ее реплики-прибаутки, которыми она ободряет детей в тяжелой крестьянской работе: «Жнешь, жнешь, да и устанешь, а мать не теряет свое: – Жните, жните, дети, самим же пригодится! (Аралэ, аралэ, пинальёс, асьгэлы яралоз)»³⁷⁰.

³⁶⁵ *Кедра Мутрей*. Дитя большого века: автобиографическая повесть // Инвожо. 2005. № 9. С. 149.

³⁶⁶ Там же. С. 179.

³⁶⁷ Там же. С. 141.

³⁶⁸ Там же. С. 162.

³⁶⁹ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 9 об.

³⁷⁰ Там же. Л. 20.

3. А. Богомолова отмечает, что «образное мышление» писателя «сформировалось под влиянием национального фольклора и быта, специфики народного мышления»³⁷¹, и стилистической особенностью повести «Дитя больного века» Кедр Митрей является наличие «удмуртизмов» – фраз и диалогов на удмуртском языке. Пишет он на русском языке, но думает при этом на удмуртском, «некоторые фразы он как бы переводит с удмуртского на русский язык»³⁷².

Чтобы охарактеризовать своеобразие стиля автобиографии, интересно обратиться к сравнению рукописи и публикации, появившейся в советское время. При подготовке первой публикации редакторы последовательно исправляли «удмуртский» синтаксис на «русский». Например, предложение «На землю начинает падать роса и, ходя по траве, ноги мокнут»³⁷³ в тексте 1965 г. исправлено следующим образом: «На землю начинает падать роса, и при ходьбе по траве ноги мокнут»³⁷⁴. Если перевести это предложение на удмуртский язык, оно не будет вызывать нареканий: «Возь вылэ лысу усыны кутске но, турын пӧлтй ветлыку, пыд котме».

Другой пример: «Получая плохие отметки за устные ответы, меня и причислят к плохим ученикам»³⁷⁵. Переведем предложение, заменив деепричастный оборот отглагольным существительным: «Ответъёсы понна урод оценкаос басьтэменым, монэ ляб дышетскисьёс пӧлы пыртозы ай». Можно предположить, что ошибки в русских предложениях связаны с тем, что автор неосознанно пытался применить удмуртский аналог русских сложноподчиненных предложений – невольное нивелируя значения отглагольных существительных и деепричастных оборотов.

«Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков» отмечает, что «в удмуртском языке субъект действия в деепричастном обороте и глаголе-сказуемом, в отличие от русского языка, может быть разным. В русском же языке сочетания глаголов с деепричастиями возможны только в случае обозначения ими действия одного и того же

³⁷¹ *Богомолова З. А.* О годы юности, о сердца вдохновенье! // *Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрей.* Ижевск, 2003. С. 105.

³⁷² Там же.

³⁷³ *Кедра Митрей.* Дитя больного века: автобиографическая повесть // *Инвожо.* 2005. № 9. С. 148.

³⁷⁴ *Кедра Митрей.* Дитя больного века: отрывки из повести // *Кедра Митрей.* Избранное. Ижевск, 1965. С. 157.

³⁷⁵ *НМ УР им. К. Герда.* Д. 41782/162-УРМ. Л. 90.

лица»³⁷⁶. Таким образом, грамматический строй удмуртского языка влияет на особенности употребления деепричастных оборотов и «авторского» словообразования.

На основании всего вышесказанного отметим интерес повествователя к владению устной и письменной русской и удмуртской речью персонажами, его любовь к устному народному творчеству, стремление предстать перед читателем просветителем, пропагандирующим красоту удмуртского языка. Приведенные наблюдения позволяют говорить, что автобиография Кедра Митрея – это национальное художественное произведение не только на уровне проблематики и изображения быта удмуртского села начала века, но и на уровне языка.

§ 2. Жанр трагедии «Эш-Тэрек» в дореволюционном творчестве писателя

1. Фольклорные и литературные традиции

Трагедию «Эш-Тэрек» Кедра Митрей написал в 1912 г. Попытка опубликовать ее не удалась: рецензенты отметили, что «характеры действующих лиц очерчены не вполне рельефно...трагизм в душе героя недостаточно развит и обработан»³⁷⁷. В 1915 г. Кедра Митрей всё же напечатал трагедию отдельным изданием и ввел в удмуртскую литературу образ батыра Эш-Тэрека, к которому впоследствии обращались и другие писатели. Николай Байтеряков создал одноименную поэму (1958), а Егор Загребин – трагедию (1999).

«Эш-Тэрек» считается первой трагедией в истории удмуртской литературы и представляет собой ценный материал для изучения мировоззрения писателя. В ней отразился круг тем, актуальных для Кедра Митрея на раннем этапе творчества. И прежде всего, это тема воспитания личности, сближающая пьесу как с автобиографией,

³⁷⁶ *Каракулова М. К., Каракулов Б. И.* Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: учебное пособие. Ижевск, 2001. С. 84.

³⁷⁷ Цит. по: *Богомолова З. А.* Трагедия «Эш-Тэрек» // *Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедра Митрея.* Ижевск, 2003. С. 126.

так и с написанным в тот же период очерком «Воспоминания семинариста»³⁷⁸.

Трагедия эта – ученическое произведение, но она, так же, как и автобиография, покоится на фундаменте литературной традиции. В автобиографии традиция наложила на документальный жанр, в трагедии она использована для обработки народного предания в соответствии с художественным замыслом автора.

Фольклорным источником трагедии «Эш-Тэрэк» стало предание о батыре Эш-Тэреке, опубликованное Кедром Митреем в 1912 г. в петербургской газете «Столичные отзвуки»³⁷⁹. По преданию, силач Эш-Тэрэк до 40 лет был земледельцем и не участвовал в войнах, которые велись удмуртами против русских и татар. Удмурты просили молодого Эш-Тэрека стать их предводителем – *тöро*: «В молодые годы хотели произвести его в *тöро*, но он отказался в пользу престарелого родоначальника Идна, а по смерти последнего уступил свое место Ожмегу. “Он более меня достоин быть вашим вождем... – говорил Эш-Тэрэк, – а я еще молод, меня самого еще нужно обуздывать и сдерживать”»³⁸⁰. После Ожмега перед первой битвой с татарами Эш-Тэрэк, «слезно упрасываемый всем народом»³⁸¹, согласился стать предводителем. Он готовился к сражению, но не мог найти боевого коня. Вумурт (водяной) подарил ему коня, взяв обещание с Эш-Тэрека отдать ему самую красивую пленницу. После победы над татарами Эш-Тэрэк нарушил свое слово и Вумурт наказал его: затащил под воду вместе с конем и красавицей.

Однако Кедр Митрей использовал другой вариант предания³⁸², согласно которому коварный *тöро* Эш-Тэрэк добился власти, убивая

³⁷⁸ Корепанов Д. И. Воспоминания семинариста (К 40-летнему юбилею Казанской Учительской семинарии) // Кедр Митрей (Корепанов Д. И.). Автобиографическая повесть. Рукопись. 1911. НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/162-УРМ. Л. 182–193.

³⁷⁹ Корепанов Д. Эш-Тэрэк: легенда вотяков // Столичные отзвуки. 1912. 8 июля (№ 4); см. Приложение 7.

³⁸⁰ Там же.

³⁸¹ Там же.

³⁸² В сборниках удмуртских сказок и преданий приводится лишь версия о гибели Эш-Тэрека из-за нарушенной им клятвы (См.: Эш-Тэрэк: Песни и сказки удмуртского народа / Сост. А. Алдан. Киров, 1936. С. 54–58; Удмуртские народные сказки / Сост. А. Клабуков. Ижевск, 1948. С. 18–20; Удмурт калык выжы-кыльёс. Сборникез дасязы А. Н. Клабуков но Н. П. Кралина. Ижевск, 1954. 5-тй б.; Сто сказок удмуртского народа / Сост. Н. Кралина. Ижевск, 1960. С. 42–44).

своих предшественников. Приведем текст, записанный Кедром Митреем в деревне Верхний Малый Казес Шарканской волости от крестьянина Григория Баранова: «Эш-Тэрэк был ужасно коварный человек. Он завидовал торо Идне и Ожмегу; кроме того имел право заявить претензию, т.к. принадлежал к искореняющемуся к тому времени роду вотских богатырей. Он же собственной рукой убил Идну, а потом подговорил нескольких человек, которые покончили и с Ожмегом на войне изменнически. Эш-Тэрэк не отличался добродетелью, его не уважали; народ распался, постепенно подпадал под власть пришлых татар. Эш-Тэрэк, наконец, сознал свою вину и кончил весьма трагически: бросился с крутизны в волны реки»³⁸³.

Взяв за основу этот вариант предания, Кедр Митрей сохранил и мотив девушки-пленницы, из-за которой погибает герой, но без связи с водяным. Линия безрассудной любви Эш-Тэрека к дочери побежденного противника разрастается и занимает едва ли не первое место в сюжетно-фабульной структуре. Любовь к пленной девушке становится одной из основных причин раскаяния и самоубийства героя.

Кедр Митрей устранил мистический элемент в пьесе и создал пьесу с определенным местом действия в координатах исторического времени и с определенной степенью этнографической достоверности. Персонажи пьесы – члены общины с ее традиционными занятиями и промыслами: эль Блат занимается скотоводством, выставляет конницу в войско, любимое дело Эжбая – охота и рыболовство. В трагедии воссоздается родоплеменное устройство удмуртов.

При описании социальной организации удмуртской общины и обрисовке черт национального характера персонажей Кедр Митрей опирался на труды Г. Е. Верещагина, И. Н. Смирнова, Б. Г. Гаврилова. Согласно этой литературе, национальными чертами удмуртов являются скромность и долготерпение. Так, Верещагин в «Вотяках Сосновского края» отмечает терпеливость удмурта: «Весел он или грустен, богат или беден или имеет какое-либо предприятие – не узнаешь, он все молчит, не хвастается и на судьбу не жалуется; спроси его, и он скажет: “Терпеть надо!”»³⁸⁴.

Один из персонажей трагедии, вождь Идна наставляет своего преемника Эш-Тугана: «Терпеть надо и всё безропотно перенести. Предки

³⁸³ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/164-УРМ. Л. 15 об.

³⁸⁴ *Верещагин Г. Е.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. Вотяки Сосновского края. Ижевск, 1995. С. 23.

наши говорили: терпеть надо и терпели»³⁸⁵. Эль Эжбай характеризует себя миролюбивым, скромным, нестяжательным: «Мне лучше бы сидеть дома и охотничать в родных лесах, нежели тревожить свой род. <...> В большом я не нуждаюсь, мне достаточно одной белки да двух-трех клестов на день»³⁸⁶. Именно с этой «основой» национального характера и вступает в конфликт страстный герой Эш-Тэрэк.

Автор уточнил в подзаголовке пьесы, что действие «относится к XV веку» «из эпохи борьбы вотяков с черемисами». В народном предании об Эш-Тэреке удмурты ведут борьбу с татарами, а не с марийцами, но установка на историзм потребовала корректировки предания в соответствии с историко-этнографической литературой, в которой подробно освещены именно марийско-удмуртские столкновения. Писатель художественно реконструирует жизнь удмуртской общины в пору больших испытаний: черемисы претендуют на земли удмуртов, происходит борьба за независимое существование народа.

Понятие «народности» традиционно синтетично и включает в себя как национальные черты, так и социальные. Очевидно, что в этом плане Кедр Митрей учился у Пушкина и Шекспира. Народ как персонаж занимает значительное место в пьесе. Глас народа является определяющим при решении важных вопросов, в частности, при выборе войском нового предводителя. Персонажи Идна, Эш-Туган, Эжбай, Герей, наделенные в пьесе функцией коллективного резонера, высказывают суждения о народном благе, берут на себя право говорить от имени народа.

Чтобы придать своим героям национальное своеобразие, Кедр Митрей обращается к фольклору – в полном согласии с мыслью Пушкина о том, что народность «есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу»³⁸⁷. В текст произведения вошел разнообразный фольклорный материал: помимо преданий об Эш-Тэреке, это и охотничья песня-заклинание, и приметы, и былички.

Фольклорный источник в трагедии обыгрывается своеобразно. В фольклорном предании Вумурт сообщает Эш-Тэреку о былой дружбе со старейшинами Идной и Ожмегом. Эш-Тэрэк почителен с Вумуртом: «А! так это ты, миленький старичок!». В трагедии имени

³⁸⁵ *Пан Реймут*. Эш-Тэрэк: из эпохи борьбы вотяков с черемисами. Относится к XV веку: трагедия в 4 действиях. Благовещенск, 1915. С. 17.

³⁸⁶ Там же. С. 7.

³⁸⁷ *Пушкин А. С.* О народности в литературе // Собр. соч.: в 10-ти томах. Т. 6: Критика и публицистика. М., 1962. С. 268.

Вумурта придается противоположное, сниженное значение – в устах героев трагедии оно превращается в ругательство. Эш-Тэрэк презрительно отзывается об Идне: «Этот Идна, старый друг Вумурта, давно бы должен сойти в могилу...»³⁸⁸. Черемис Айтуган в ненависти бросает реплику: «Вумурт проклятый!»³⁸⁹.

Скорее всего, это реминисценция из «Вотяков Сарапульского уезда»: Верещагин пишет, что некоторые удмурты «настолько освоились с русским языком и обычаями русских, что о божествах сарапульских вотяков не имеют и понятия; хотя известны еще некоторые, но они обратились у них уже в бранное слово, например, керемет»³⁹⁰.

Можно было бы предположить, что Кедр Митрей следует Верещагину в данном пункте как человек, которого готовили к христианской миссионерской деятельности, для которого языческие божества автоматически переводятся в разряд «бесов», как это было почти везде, где получал распространение монотеизм. Но мы помним про отрицательное отношение Кедр Митрея к религиозному культу вообще. Кроме того, даже в удмуртских преданиях Вумурт не лишен карающей функции, может утопить человека, а в преданиях об Эш-Тэреке он выступает его непосредственным антагонистом, хотя и не сразу. Так что, по-видимому, в данном случае атеистические склонности автора нашли известную поддержку и в современной ему этнографии, и в фабульном материале источника.

Внутренняя структура пьесы содержит два сменяющих друг друга действия: в первом – главный герой узурпирует власть, во втором – теряет ее из-за любовной страсти. Такое построение восходит к шекспировской драме, для которой характерна тенденция «как бы к сращению в одно целое ... двух последовательно развернутых действий...»³⁹¹.

В традиционном духе Кедр Митрей стремится показать заботу правителей о подданных. Брак между удмуртским *тöро* и дочерью черемисского вождя мог бы прекратить давние войны между народами. Понимание этого автор вложил в уста Майдану. Вождь черемис дарит Эш-Тэреку нож в знак союза черемис и удмуртов: «Пусть он

³⁸⁸ *Пан Реймт.* Эш-Тэрэк: из эпохи борьбы вотяков с черемисами. Относится к XV веку: трагедия в 4 действиях. Благовещенск, 1915. С. 12.

³⁸⁹ Там же. С. 68.

³⁹⁰ *Верещагин Г. Е.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. Ижевск, 1996. С. 23.

³⁹¹ *Чирков Н.* Некоторые принципы драматургии Шекспира // Шекспировские чтения. М., 1977. Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature3/chirkov-77.htm>.

(нож. – *Л. Д.*) послужит тебе ... пособием для ограждения союзных и родственных тебе черемис»³⁹².

В душе героя разворачивается борьба между страстью и долгом, что восходит к традиции классицистской трагедии. Влюбленный Эш-Тэрек понимает пагубность своей страсти для общего блага: «Я сам пленен, пленят и народ мой. Из-за чего? – из-за любви моей к Лёде»³⁹³. Однако внутренний конфликт снимается после того, как Эш-Тэреку становится известно предательство возлюбленной. Он убивает Лёду и наказывает себя – совершает самоубийство. Поучительный финал трагедии сближает ее с жанром школьной драмы, для которой характерна «дидактико-морализаторская направленность»³⁹⁴.

Таким образом, трагедия «Эш-Тэрек» является переработкой фольклорного удмуртского предания в духе школьной драмы и свидетельствует об освоении автором поэтики Шекспира, классицистов и Пушкина, а также о хорошей историко-этнографической подготовке. Позднее Кедр Митрей написал еще два произведения о батырах: трагедию «Идна-батыр» (1924) и поэму «Юбер-батыр» (1928), образующие в совокупности «историческую трилогию», как стало принято называть эти тексты в исследовательской традиции.

2. Нравственно-философская концепция произведения

Трагедия «Эш-Тэрек» стала второй частью трилогии Кедр Митрея о батырах, но создана была первой. Этот факт можно объяснить близостью проблематики пьесы к событиям жизни, мыслям и переживаниям самого автора, поскольку автобиографизм – характерный элемент творчества Кедр Митрея в целом. При сопоставлении трагедии «Эш-Тэрек» (1915) с автобиографией и очерком «Воспоминания семинариста» выявляются важные для автора смыслы.

Для понимания трагедии значим круг чтения писателя. Литературные традиции 1860-х гг. повлияли на способ изображения человека и постановку проблем в первой удмуртской трагедии. В русской литературе 1860-х гг. сформировался тип маргинала-разночинца, ярко проявив-

³⁹² *Пан Реймит.* Эш-Тэрек: из эпохи борьбы вотяков с черемисами. Относится к XV веку: трагедия в 4 действиях. Благовещенск, 1915. С. 52.

³⁹³ Там же. С. 45.

³⁹⁴ *Стенник Ю. В.* Жанр трагедии в русской драматургии XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5733>.

шийся в творчестве Н. Г. Чернышевского и Ф. М. Достоевского. По мнению Т. И. Печерской, Чернышевский описал поведение разночинца в литературном типе новых людей, а его психологию выразил Достоевский в типе маленького человека³⁹⁵.

Эш-Тэрэк совмещает в себе черты лидера и маргинала, что вообще характерно для реформаторов. Его маргинальность двояка: до какой-то степени она относительна и определяется на уровне оценки исторически преходящих ценностей и норм общества; но в борьбе за свое право менять общественные установления Эш-Тэрэк переходит грань «вечных» законов, и за это ему нет оправдания: он наказывает себя сам, о чем свидетельствует финал произведения. Литературовед З. А. Богомолова соотносит образ Эш-Тэрэка с идеей «сверхчеловека» Ницше в творчестве «старших символистов», которым «было свойственно воспевать героя-индивидуалиста, эгоцентрика»³⁹⁶. Характеризуя Эш-Тэрэка, исследователь отмечает его честолюбие, стремление к неограниченной власти и его противопоставление со старшими и младшими в общине.

Но в стремлениях героя можно обнаружить и позитивный вектор. Эш-Тэрэк стремится изменить сложившиеся порядки, мечтает наладить связи с другими народами, узнать мир: «Хочу я быть сейчас же, төро народа, чтоб мог один, не спросясь никого, сноситься с соседями... Только будучи төроем, я могу изведать чужие земли, знать другие дальние племена»³⁹⁷. Его стремление выйти за грань видимой жизни имеет аналогии и в истории (Петр I), и в литературе (Фауст). Соплеменники сопротивляются подобным новшествам. Идна считает, что Эш-Тэрэк после знакомства с чужеземцами изменился в худшую сторону: «И Эш-Тэрэк попортился, замечаю я, после того, как побывал он среди черемис да каких-то там ужасных татар»³⁹⁸.

Эш-Тэрэк обижен тем, что он не имеет права голоса на военном совете старейшин удмуртов: старики подчеркивают его юный возраст и этим обижают самолюбивого батыра. «Вы еще слишком молоды, чтобы вступать в рассуждения со стариками, – говорит төро Идна, – а должны слушать, что говорят старшие и учиться у них уму

³⁹⁵ См.: Печерская Т. И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века. С. 58.

³⁹⁶ Богомолова З. А. Трагедия «Эш-Тэрэк» // Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея. Ижевск, 2003. С. 128.

³⁹⁷ Пан Реймит. Эш-Тэрэк: из эпохи борьбы вотяков с черемисами. Относится к XV веку: трагедия в 4 действиях. Благовещенск, 1915. С. 27.

³⁹⁸ Там же. С. 16.

и мудрости. А повиноваться надо не прекословя»³⁹⁹. После этих нравоучительных слов Эш-Тэрек обращается к молодым воинам: «Такто, – на нас никакого внимания не обращают. Молод-дежь! Увидите, вот, какова молодежь!»⁴⁰⁰. Он предлагает им свергнуть старика Идну и избрать молодого предводителя. Молодежь его поддерживает.

Этот эпизод имеет ясную параллель в жизненной практике самого автора. В архиве Казанской учительской семинарии сохранились выписки из рукописных журналов, издаваемых семинаристами, которые требовали права принимать участие в управлении семинарией: «Мы просили и требовали улучшения материального, но ни один из нас, кажется, даже не упомянул о том, чтобы на совете, как педагогическом, так и хозяйственном могли присутствовать представители воспитанников <...> № 1 «Мыслителя» 2-й год издания»⁴⁰¹.

В очерке «Воспоминания семинариста» отмечается пренебрежительное отношение воспитателей к своим подопечным. Кедр Митрей считает, что воспитатели своими поступками отталкивают от себя учеников, которые начинают считать «себя гораздо выше их и смеются над немощью наставников»⁴⁰². Как видим, заносчивость Эш-Тэрека и его презрительное отношение к старшим имеет основания, коренящиеся в поведении самого Кедр Митрея и его одноклассников в отношении преподавателей семинарии. Мотив оскорбленного самолюбия Эш-Тэрека парадоксальным образом сближает его с типом маленького человека – героем произведений Ф. М. Достоевского, А. К. Шеллера-Михайлова, А. Ф. Писемского и др. Парадокс заключается в том, что маленький человек обычно не относится к привилегированной среде, а Эш-Тэрек, безусловно, – часть элиты общества, даже до избрания. Маленький человек, ставший лидером нации, – нонсенс. Само понятие «маленького человека» подразумевает низкий чин, бессилие в социальном смысле. Всего этого не было у *батыра* из народной легенды (*батыры* по определению – «велики»), но Кедр Митрей делится с героем какими-то элементами своей психологии, а ему самому переживания «маленького человека» близки.

Чтобы понять, насколько значимо для Кедр Митрея показать отношения между младшими и старшими, обратимся к источнику пьесы – записи фольклорного предания Кедр Митрея о батыре Эш-Тэреке,

³⁹⁹ Там же. С. 11.

⁴⁰⁰ Там же.

⁴⁰¹ *ГА РТ*. Ф. 93. Оп. 1. Д. 949. Л. 169.

⁴⁰² *Корепанов Д. И.* Воспоминания семинариста (К 40-летию юбилею Казанской Учительской семинарии) // *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/162-УРМ. Л. 188.

опубликованного им в петербургской газете «Столичные отзвуки». В предании говорится, что удмурты просили Эш-Тэрека стать их руководителем – *тэро*. Он же отказался, говоря, что еще слишком молод, и уступил старейшинам Идне и Ожмегу. Поступок героя легенды является правильным с точки зрения традиционной морали.

В трагедии поведение Эш-Тэрека и его молодых соратников выходит за установленные нравственные законы. Заговор молодых воинов в «Эш-Тэреке» отражает события, случившиеся в годы обучения Кедр Митрея в семинарии. Между семинаристами и новым руководством учебного заведения существовал конфликт, который привел к семинарским волнениям.

Герой трагедии при поддержке молодых соратников тайно расправляется со старейшиной Идной, а затем и его преемником Ожмегом. Эш-Тэрэк достигает власти и реализует свою мечту. Он заключает перемирие с извечными врагами удмуртов – племенем черемис – и собирается жениться по любви на дочери черемисского вождя. Влюбленный Эш-Тэрэк согласен выплатить огромную дань, которую старейшина черемис Майдан требует за свою дочь.

Любовная неудача, муки совести из-за убиенных батыров приводят Эш-Тэрека к публичному раскаянию в своих ошибочных поступках. Причем раскаяние происходит не без помощи старших. В трагедии резонером выступает старейшина Эжбай. Он свидетельствует о пагубности деяний Эш-Тэрека. После речи Эжбая Эш-Тэрэк раскаивается и говорит, что «ошибался и страстям предавался»⁴⁰³, не следовал заветам старших: «Забыл слова Идны; он говорил – не предавайтесь страстям...»⁴⁰⁴. Эш-Тэрэк сурово наказывает себя – совершает самоубийство.

Чувство раскаяния также характерно для Кедр Митрея. Автобиография описывает череду раскаяний и переворотов в его внутренней жизни. Самый главный из них – поворот от религиозности к атеизму, что и привело к исключению его из семинарии. Однако публичное признание в неверии учителю богословия стало началом поисков иной нравственно-философской концепции, отличной от атеизма.

В очерке «Воспоминания семинариста» Кедр Митрей пишет, что его атеизм, отрицание Бога были юношескими заблуждениями. Но воспитатели, вместо того, чтобы понять и простить, отвергли его: «Как только узнали, что я заблуждаюсь, ... мучаюсь над непосильными для

⁴⁰³ *Пан Реймит*. Эш-Тэрэк: из эпохи борьбы вотяков с черемисами. Относится к XV веку: трагедия в 4 действиях. Благовещенск, 1915. С. 69.

⁴⁰⁴ Там же.

меня вопросами, то спешат устранением меня...гнушаются всячески моими воззрениями, осмеивают то, что дорого и свято для меня, и в замене этого не вносят ничего нового, освежительного; – в конце концов возбуждают лишь озлобление на себя. И это – воспитатели!»⁴⁰⁵ По мнению Кедр Митрея, ответственность за юношей несут старшие, которые не интересуются внутренней жизнью своих учеников, не прислушиваются к их мнению и тем самым не могут уберечь от ошибок.

Мотив необходимости наставника, высказанный в автобиографии и в очерке «Воспоминания семинариста», перекликается с идеей А. К. Шеллера-Михайлова о необходимости нравственного воспитания юношей, изложенной им в автобиографическом романе «Гнилые болота» (1864). Герой романа, подросток Александр Рудый, благодаря учителю русской словесности, был подготовлен к самостоятельной жизни. Кедр Митрей находит у Шеллера-Михайлова позитивный идеал, недостаток которого он видит в жизни.

Юношеская трагедия выразила противоречивое отношение Кедр Митрея к событиям, случившимся с ним и его одноклассниками во время обучения в семинарии. Он поддерживал стремление друзей реформировать порядки учебного заведения, но порицал их идею действовать радикальными методами для достижения своих целей. Ответственность за отсутствие взаимопонимания между воспитателями и их воспитанниками, по мнению Кедр Митрея, несут старшие, поскольку они не относятся с пониманием к духовным нравственно-этическим поискам своих воспитанников.

§ 3. Просветительское начало в прозаических набросках Кедр Митрея

В архиве Кедр Митрея сохранилось несколько художественных набросков – первые опыты по созданию произведений в жанрах малой прозы. Эти тексты автор относит к жанру рассказа и очерка. Впервые они упоминаются в первом разделе работы Ф. К. Ермакова «Путь удмуртской прозы», в котором он производит обзор творчества Кедр Митрея до революции 1917 г.⁴⁰⁶

⁴⁰⁵ *Корепанов Д. И.* Воспоминания семинариста. Л. 189.

⁴⁰⁶ *Ермаков Ф. К.* Путь удмуртской прозы: очерки. Ижевск, 1975. С. 5–8.

В жанровом отношении прозаические тексты Кедр Митрея можно определить как документальные бессюжетные зарисовки. Они носят просветительский характер, рассказывают о повседневной жизни крестьян, сельской интеллигенции и горожан Глазовского уезда.

Сходство тем и мотивов с основными идеями автобиографии позволяет нам делать вывод о том, что рассказчик и повествователь близки к реальному биографическому автору. Следовательно, образцы ранней прозы Кедр Митрея являются способом реализации определенных жизнетворческих моделей его как атеиста-интеллигента и как просветителя-морализатора. Рассмотрим эти тексты подробнее.

В незавершенном рассказе «Господа Неяскины» (1909)⁴⁰⁷ описывается празднование Пасхи в селе. Каждое слово в тексте подчеркивает его антирелигиозную направленность. Характерны приверженность к описанию пространства села и сельского храма, внимание к внешнему облику людей и порицание суеверности сельского общества.

Идеологическая позиция повествователя в тексте выражена ясно и прямолинейно. В первом же предложении проявляется отрицательное отношение его к христианскому празднику: можно выделить выражения, передающие гнетущее настроение – «гулко прогремел первый удар колокола», «непроглядная тьма», «тянулся серебристо-дребезжащий звук», «чудовищно выставившейся церкви».

Вместе с прихожанами повествователь следует в церковь и наблюдает за их движениями, подбирая для характеристики лексику с эмоционально сниженным значением: «Идут молчаливо. Тихо. Только иногда отдается плеск и хлюпанье⁴⁰⁸ жидкости в луже»; «...идущие истово крестились», «крестьясь, толпою вваливаются прихожане в ...церковь»⁴⁰⁹. Такой подход к описанию ритуала напоминает о приемах Л. Н. Толстого – в романе «Воскресенье» и других его произведениях.

Повествователь рассказывает о суеверии, связанном с пасхальной ночью: «Верит народ, что первый удар колокола будит нечистую силу или отрывает ее от <нрзб>⁴¹⁰ злодеяний; при втором ударе диавол, увлекая с собой всю силу, скрывается в <...>⁴¹¹; и при третьем ударе является Христос в сопровождении несметного числа ангелов. При первых

⁴⁰⁷ НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 196. Л. 158.

⁴⁰⁸ Здесь и далее подчеркнута нами. – Л. Д.

⁴⁰⁹ Там же.

⁴¹⁰ Далее не разобрано 1 слово.

⁴¹¹ Далее не разобрано 1 слово.

ударах поэтому креститься грешно, нужно только при третьем»⁴¹². Включаемые в текст суеверия дополняют негативный портрет прихожан, создаваемый автором.

Жанр текста «Село Игра Глазовского уезда» (1911) автор определяет как наброски. В тексте описывается быт сельских обывателей. В сельском храме происходят конфликты между священниками. В школе преподает полуграмотная учительница, школьники справляют нужду на крестьянских полях. В каждом доме торгуют водкой-сивухой, оттого много пьющих. Крестьяне болеют трахомой и лечатся у знахарей, к фельдшеру идут только в случае запущенной болезни. Описание работы волостного суда походит на рассказ о деятельности суда в селе Сосновка из автобиографии Кедр Митрея.

Внимание рассказчика вновь направлено на здания церквей – главную достопримечательность села. Каждый раз он находит для храма новые сравнения. Если в автобиографической повести церковные здания сравниваются с кошкой и котенком, то здесь появляется новое сравнение: «Эге!.. Да я и не заметил сразу, – тут не одна церковь: рядом с этим красным великаном с зелеными макушками ютится еще маленькая церковь, по-видимому, деревянная. Картина, господа! Точь-в-точь хорошо откормленная красная корова с белым теленком»⁴¹³.

Неприглядные картины сельского быта рождают желание рассказчика уехать из села: «Ой, не веселит, а тошнит Игра! Уеду лучше скорей в свою страну»⁴¹⁴. Герой-рассказчик предстает в рассказе путешественником, на несколько дней остановившемся даже не в Игре, а в соседней деревне за три версты. В Игре ему не нашлось квартиры, и он вынужден каждый день приходить в село для наблюдения нравов. Закончив свои наблюдения, рассказчик с радостью его покидает.

Рассказ «Из-за Льва Толстого» (1912) повествует о небольшом происшествии в городской книжной лавке букиниста. Покупая учебник грамматики латинского языка, гимназист поинтересовался у продавца о книгах Л. Н. Толстого. Молодой человек «потерпел позорное изгнание»⁴¹⁵ от старика-букиниста, который не стал продавать покупателю даже учебник грамматики. «Вот что значит Лев Толстой в нашем городе Г.»⁴¹⁶. Так завершается рассказ об отношении жителей

⁴¹² Там же.

⁴¹³ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/164-УРМ. Л. 101.

⁴¹⁴ Там же. Л. 204.

⁴¹⁵ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 27562/1-УРМ. Л. 340 об.

⁴¹⁶ Там же.

провинциального города ко Льву Толстому, отлученному от церкви. Жизненную достоверность этого рассказа подтверждает сообщение краеведа М. И. Буни, который выяснил, что в ноябре 1910 г. «в Глазове произошли волнения учащихся в связи со смертью Л. Н. Толстого»⁴¹⁷.

Первые художественные тексты Кедр Митрея написаны в верещагинской манере бытоописания крестьян. В очерке «Современные нищие (Из собственных наблюдений)» (1912) рассказчик пристальнее присматривается к отдельным людям, живущим на подаяние. «Сколько молодых людей среди них, высоких, дородных, сильных, но худощавых, испитых»⁴¹⁸. Среди людей, собирающих милостыню в Игринской волости, он выделяет ремесленников: иконописного мастера, столяра, портниху, печника, торговцев. Своим ремеслом они зарабатывают так мало, что выбирают простой и легкий путь – получить на пропитание, прося милостыню. Рассказчик осуждает и тех, кто подает милостыню, и тех, кто «протягивали без стыда руку»⁴¹⁹.

Рассказ «Ведьма» (1912)⁴²⁰ описывает происшествие, случившееся с суеверными крестьянами. В ночь на Великий Четверг они подстрелили собаку – «оборотня». Утром обнаружилось, что в селе молодая девушка повредила ногу. Случайное стечение обстоятельств определило ее печальную судьбу. Крестьянская община от нее отвернулась, а девушка заболела. Повествование ведется от лица рассказчика, который принимает участие в деле как исследователь или журналист, расспрашивает очевидцев, выясняя подробности случившегося.

Опыты Кедр Митрея в описании природы и обстановки дома сельской интеллигенции продолжились в рассказе «Весной на мельнице» (1912). Рассказ ведется от имени сельского интеллигента, который весной, в свободное время решил полюбоваться красотой весенней природы. Он отправляется пешком на мельницу. Его встречают хозяева мельницы, с которыми он выходит посмотреть, как мужики спускают воду из пруда. Работа заканчивается благополучно, и крестьяне празднуют это событие.

Между рассказчиком и хозяевами мельницы (женой и дочерью мельника) разгорается спор: возвышенно-поэтической точке зрения рассказчика противопоставляется бытовая позиция мельничихи: «О, не говорите, что нам весело весной. Напротив, весной нам, содер-

⁴¹⁷ Глазов: исторический очерк / сост. М. И. Буня. Ижевск, 1980. С. 288.

⁴¹⁸ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/164-УРМ. Л. 112 об.

⁴¹⁹ Там же. Л. 114 об.

⁴²⁰ См.: Там же. Л. 115–117 об.

жателям мельницы, хуже всего, – дрожишь постоянно, боишься, кабы бушующая вода плотину не прорвала и мельницу не умчала с собой»⁴²¹. Так автор выражает разное отношение людей к жизни: у одних преобладает практический взгляд; у других – стремление к прекрасному выше практических соображений. При этом у каждого – своя правда.

В описании весенней природы использован прием антитезы: вопреки ожиданиям на Пасхальную неделю солнечной погоды, природа преподнесла дожди, ветер и слякоть: «все вместе взятое, топило чрезвычайной-сильно снег», ручьи «шумно бежали по улицам», улицы «были черны от навоза, освободившегося из-под снега». Рассказчик отмечает детали, помогающие читателю представить физические ощущения, подтверждающие ненадежность весенней хляби: «под самым навозом осторожная поступь ноги ощущала твердый нарастающий лед»⁴²².

В рассказе описывается дорога – один из ключевых образов реалистического пейзажа. Внимание рассказчика обращено вниз и по сторонам. Видимо, он идет тропой под крутым берегом реки, внимательно смотрит под ноги, потому что окружающая природа обманчива: с горы бегут мутные ручьи, «попадались местами заборы, жутко было глядеть в их мутную глубину; рыхлый снег по дороге местами проваливался»⁴²³.

Все средства поэтики направлены на то, чтобы показать силу стихии и беззащитность человека перед ней. Воображению рассказчика представляется фантастический пейзаж: свешивающиеся с края берега корни низких деревьев – ели, пихты и вереска – превращаются в жуткое зрелище: «Как бы целая рать пузатых карликов ополчилась, восседая на страшно-извивающихся змеях и скорпионах, и хотела захватить в свои оковы идущего мимо»⁴²⁴. Наряду с разыгравшимся воображением рассказчику приходит на ум и «ужасная мысль»: сверху на человека могут обрушиться камни и деревья: «вся эта масса придавит тебя, сокрушит все твои кости, твой мозг, всего тебя с твоим “я”»⁴²⁵.

Однако не только стихия сильна – сам человек дает ей достойный отпор. Он способен усмирить силы природы. Рассказчик называет реку «полновластной владычицей», но ее силу сдерживает плотина мельницы, и река «как будто злясь, бурлит и свирепеет, с пеной пускает

⁴²¹ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/164-УРМ. Л. 110 об.

⁴²² Там же Л. 106 об.

⁴²³ Там же. Л. 107 об.

⁴²⁴ Там же.

⁴²⁵ Там же.

через устроенные проходы свои воды»⁴²⁶. Культура одерживает верх над стихией. Так, при описании мельницы используется прием олицетворения: она «уже не работает, боясь избытка воды, – хотя упорно стоит, отдавая во все стороны брызгами»⁴²⁷.

Человек приспосабливается к природным условиям и побеждает стихию. Поэтому рассказ заканчивается тем, что люди благополучно справляются со спуском лишней воды в мельничном пруду. Мысль о победе культуры над стихией подчеркивается на уровне описания пейзажа, который конструируется в «идеальном» ключе: на небе появилось яркое солнце, «заблестала» река, плывущие льдины безвредны для плотины, а люди на берегу празднуют удачный спуск воды – «артель весело распивала выставленную четверть вина»⁴²⁸.

Так повествователь соединил в одном рассказе бурный и фантастический, реалистический и идеальный пейзажи, описывая весну и ледоход в отдельно взятом локусе. Весенний ледоход как самое зрелищное событие в природе родных мест писателя, отразившееся в фольклоре, запечатлено и в творчестве Кедр Митрея.

Мотивы неприятия религиозности, порицания непросвещенности крестьян, интерес к бытовой жизни их и сельской интеллигенции – ключевые в дореволюционном творчестве Кедр Митрея. Писатель характеризует своих героев обобщенно, как представителей определенного социального класса вне психологического их анализа. С позиции стороннего наблюдателя он создает портрет человека, описывая его действия и поступки, передавая мнения о нем, сложившиеся в обществе. Обобщенный портрет социального типа создается автором также с помощью характеристики деятельности и предметов домашнего быта. Противопоставление природы и человеческой культуры в рассказе «Весной на мельнице» тоже становится способом представить обобщенный образ человека.

Дореволюционное творчество Кедр Митрея мы рассматриваем как единый текст, на который спроецирован текст его жизни как писателя. Так или иначе, каждое произведение автобиографически и автопсихологически отражает события из жизни Кедр Митрея, его мысли, переживания, эмоции – всё, чем жил и что чувствовал он в процессе творчества, всё, что хотел высказать о себе миру. Идеино-тематическая близость его автобиографии, трагедии и первых рассказов и очерков подтверждает эту мысль.

⁴²⁶ *НМ УР им. К. Герда*. Д. 41782/164-УРМ. Л. 108 об.

⁴²⁷ Там же. Л. 108.

⁴²⁸ Там же. Л. 111 об.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жизнетворчество Кедра Митрея проявилось в попытке построить произведение-биографию с ориентацией на известные культурные и литературные модели. Основная цель его жизнетворческих стратегий – ассимилироваться в среде творческой интеллигенции эпохи, реализовать себя как национальный писатель. Удмуртский прозаик ориентировался на жизненные модели местной национальной и демократической российской интеллигенции: романтика-максималиста, семинариста-вольномдумца и просветителя. Эти модели получили широкое распространение в культуре и общественной жизни России конца XIX – начала XX вв. Сходные моменты отмечаются в биографиях творческих интеллигентов разных национальностей: в частности, коми писателя К. Жакова; чувашского поэта М. Сеспеля; мордовского прозаика А. Завалишина и др.

Рассмотренные в книге типы жизненного поведения автора реализовались в большинстве текстов Кедра Митрея, причем каждый текст отражал определенный этап трансформации духовно-философских воззрений писателя и, соответственно, его мировоззренческие установки.

Тип поведения разночинца-интеллигента отражен в автобиографии и читательском дневнике Кедра Митрея. В этом можно увидеть влияние произведений Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и А. К. Шеллера-Михайлова. Отречение от веры, потеря нравственных ориентиров, трагические обстоятельства личной жизни (пьянство отца, несправедливые исключения друзей из семинарии) едва не привели молодого Кедра Митрея к самоубийству. Суицид как форма протеста против несправедливости мира находит отражение и в поступках героев романтиков-максималистов в произведениях Ф. М. Достоевского и др.

Отказ от самоубийства побуждает Кедра Митрея искать иные способы принятия действительности. Новый период жизни молодого автора не отразился в автобиографии, в которой косвенно нашли выражение идеи атеизма. Некоторые события личной жизни «выпали»

из рассмотренной в книге автобиографии Кедр Митрея (например, его письмо директору семинарии о раскаянии в атеизме). Использование *минус-приема* (Ю. М. Лотман) привело к тому, что внешне «рыхлая» структура текста автобиографии, претендующая на «сплошное» и индифферентно объективное представление реальности, обнаружила свою концептуальную природу.

В письмах Кедр Митрея 1910-х гг. видна попытка выработать новую стратегию поведения, ориентирующуюся на идеи Л. Н. Толстого о сути божественного как любовного и милосердного отношения к ближнему. Следуя новой для себя установке, Кедр Митрей видит смысл жизни в помощи окружающим и в общественной работе. Самосовершенствование, приносящее и личную пользу, идея «разумного эгоизма», популяризированная Н. Г. Чернышевским, также оказалась близка Кедр Митрею. Он пытается соединить индивидуалистские и христианско-общинные ценности, стремится реализовать потребность в целостном понимании действительности.

Переоценка прежних атеистических взглядов и изменение отношения к самоубийству нашли отражение в статье «О тяжести жизни. Псевдофилософия» (1911) и фрагменте незаконченного романа «Дитя большого века» (1914). Здесь автор утверждает, что потеря христианских идеалов ведет человека к самоуничтожению.

Дореволюционное творчество Кедр Митрея свидетельствует, что его духовная эволюция шла в контексте нравственно-этических, общественных поисков российской интеллигенции: через конфликт взаимоисключающих идей к осмыслению и принятию новых форм общественного устройства. Кедр Митрей стал примером воплощения социально-исторического типа интеллигента, охарактеризованного в известном сборнике статей об интеллигенции «Вехи» (1909). Также Кедр Митрей осваивает социальную роль интеллигента в быту. Он активно общается к социальному слою интеллигенции через усвоение соответствующих норм этикета. Этому способствует круг близких ему образованных людей, а также возникшая ситуация с выбором спутницы жизни. Однако процесс вхождения молодого крестьянина в городскую среду исполнен драматизма. Кедр Митрей постоянно стесняется своего происхождения, осознавая социальное и национальное неравенство. Это и стало, о чем сказано выше, одной из причин возникновения мыслей о самоубийстве.

Социализации Кедр Митрея в новой среде способствуют культурные и литературные модели семинариста как человека, образованного и культурного, описанные в произведениях Н. А. Некрасова,

С. Д. Дрожжина, М. Горького и др. Объяснение своего душевного состояния в кризисном моменте в собственных литературных текстах оказалось полезным и с психологической точки зрения: негативные черты характера (обидчивость, застенчивость, неуверенность в себе) он принимает и понимает как черты, характерные для личности интеллигента-разночинца, изображенного в произведениях упомянутых писателей. Творчество помогает Кедра Митрею преодолеть внутренний психологический кризис. В это время написана публицистическая статья просветительского характера «Дети больного века» (1913), призывающая к приобщению к прогрессивной культуре и к борьбе с жизненными трудностями.

Кедра Митрей видит свое призвание в служении народу, в практической деятельности учителя. Важной частью его жизненной программы стала подготовка к просветительской работе среди удмуртских крестьян, которая, по его мнению, может быть полезной и ему самому, и другим.

В выработке взглядов Кедра Митрея на будущее удмуртов помогли этнографические труды И. Н. Смирнова. Вслед за профессором И. Н. Смирновым писатель начинает считать ассимиляцию удмуртов с русскими неизбежным процессом, отмечая конструктивные черты, которые разовьются в результате этого процесса. Отметим, что мнение о русификации удмуртов как благоприятном пути для их развития было распространено в дореволюционной науке.

Общественная и публицистическая деятельность Кедра Митрея начинается в глазовской газете «Камско-Чепецкий край», в которой он впервые выступает как журналист под псевдонимом Пан Реймит. «Камско-Чепецкий край» ратует за приобщение крестьян к городской среде, но при этом отмечает необходимость сохранения их традиционной материальной и духовной культуры. Наряду с осознанием себя как интеллигента и собственной миссии как просветительской, Кедра Митрей осознает свои писательские возможности и интерес к автобиографической теме, которая открывает перспективы раскрытия судьбы не только частного человека, но и целого народа.

В 1912 г. Кедра Митрей пишет стихотворение романтического характера «Не делюсь ни с кем я горем...», в котором поэт предстает в образе мученика, готового с гордостью нести «крест тяжелый», предназначенный ему судьбой в дальнейшем. Безусловно, Кедра Митрей знал жития святых. Пример поведения святого, в частности, – Дмитрия Ростовского, известного церковного писателя и организатора, – мог вдохновить писателя на будущую просветительскую и педагогическую работу.

Сопоставительный анализ литературных текстов Кедр Митрея – автобиографии, трагедии, прозаических набросков и писем, публицистических статей – позволяет выявить закономерности, определяющие доминирование жизнетворческих моделей в его художественном мире.

У автобиографии Кедр Митрея мы отметили полижанровую структуру: в общую бесфабульную канву включены фабульные отрывки, тяготеющие к художественности. Опубликованные отдельно, они образуют автобиографическую повесть «Дитя больного века». Однако на основании того, что текст рукописи повести в 3 раза объемнее опубликованного варианта (состоит из подробного описания поездок и характеристик современников Кедр Митрея), – мы относим его к смешанному, т.е. документально-художественному жанру автобиографии.

В письмах Кедр Митрея 1911 г. заглавие рукописи имеет следующие варианты: «Дневник», «Автобиография и мемуары», что свидетельствует об авторской установке на достоверность. Введение в автобиографию жанровых черт путешествия позволяет автору затрагивать важные проблемы, такие как гендерная дискриминация, жестокое обращение с людьми и с животными.

Трагедия «Эш-Тэрэк» (1915) написана Кедр Митреем в период сомнений в правоте собственного атеистического мировоззрения и поиска новой идеологии. Создавая образ Эш-Тэрека, писатель опирается на конкретный фольклорный материал, а также на литературную традицию изображения «новых людей» и «маленького человека». Классический конфликт чувства и долга в трагедии завершается раскаянием героя, что сближает «Эш-Тэрэк» с жанром моралистически ориентированной «школьной драмы». Такое завершение конфликта в трагедии отражает отношение Кедр Митрея к происшедшему с ним мировоззренческому кризису.

Раскаяние главного героя трагедии связано с авторским осознанием несовершенства собственной атеистической позиции. И если в пьесе участвует резонер, один из старейшин, открывающий Эш-Тэреку истинное положение вещей, то в реальной жизни, по мнению автора, такого человека не нашлось: наставники не воспитывают учеников должным образом, из-за чего воспитанники совершают ошибки.

Таким образом, в дореволюционном творчестве Кедр Митрея отражается процесс его духовных поисков цельной концепции жизни. Эти задачи не ощутимы в первых очерках и набросках произведений писателя, однако в них уже отражаются сквозные мотивы его творчества: негативное отношение к суевериям крестьян, многогранное и неоднозначное изображение сельского быта крестьян, интеллигенции.

Психологический анализ персонажей автором не проделан, восприятие человека описывается через его поступки. Повествователь предстает интеллигентом, исследователем нравов сельской общины.

В 1907–1917 гг. сложились наиболее характерные черты творческой индивидуальности Кедра Митрея. Для писателя становятся важными разработка социальной темы, просветительская направленность произведений, категоричность в оценке действительности, тяга к сатире и иронии.

До 1917 г. Кедра Митрей писал в основном на русском языке. Первые художественные произведения – пробы пера – остались в рукописях. Трагедия «Эш-Тэрэк» была напечатана на личные средства автора. Автобиография, написанная в 1911 г., не была принята к публикации ни в одной из редакций из-за большого объема, она и до сих пор остается не опубликованной полностью.

Дальнейшее исследование биографии и житнетворчества Кедра Митрея представляется нам достаточно перспективным. Было бы интересно проследить вехи интерпретации писателем своей дореволюционной биографии в советский период; его житнетворческие стратегии в 1920–1930-е гг. Также важно изучить восприятие его современниками и последующими поколениями критиков образа писателя. Для этого необходимо провести тщательный анализ редакций опубликованных отрывков автобиографии, известных широкому кругу читателей как автобиографическая повесть «Дитя большого века», рассмотреть мемуарно-биографическую литературу о нем и художественные произведения, отразившие образ писателя Кедра Митрея.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

КЕДРА МИТРЕЙ

Краткая биография

Удмуртский писатель Кедр Митрей (Дмитрий Иванович Корепанов) родился 28 (16) сентября 1892 г. в селе Игра Глазовского уезда Вятской губернии, в семье крестьянина-середняка. Окончил Игринскую церковно-приходскую школу и Зуринское двухклассное училище. В 1907–1911 гг. обучался в Казанской учительской семинарии, но не завершил образование: в выпускном классе был исключен из-за атеистических убеждений. В 1911 г. написал автобиографию, попытки издать ее остались безуспешными⁴²⁹. После смерти автора текст автобиографии в сокращенном виде выходил под заголовком «Дитя большого века» в сборнике русскоязычных произведений «Избранное» (1965) Кедр Митрея и в журнале «Инвожо» (1993. № 10–12; 1994. № 1–3).

Журналистская деятельность Кедр Митрея началась в глазовской газете «Камско-Чепецкий край» (1912). К этому периоду относятся первые выступления в столичной печати. Сдав экзамены на звание учителя, недолгое время работал в школе деревни Кулаки Зюзинской волости Сарапульского уезда. В 1914 г. был призван в армию, проходил службу в Благовещенске в офицерском звании зауряд-прапорщика. Там же издал трагедию «Эш-Тэрэк» (1915) под псевдонимом Пан Реймит. В досоветский период творчества Кедр Митрей писал на русском языке.

После февральской революции перевелся в Иркутск. С марта 1918 г. работал в штабе Сибирского военного комиссариата⁴³⁰. Во время Гражданской войны был арестован колчаковцами, затем участвовал в партизанском движении Сибири⁴³¹. После демобилизации в 1920 г. вер-

⁴²⁹ Корепанов Д. И. В редакции журналов «Нива» и «Природа и люди» // НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 354 об.–356 об.

⁴³⁰ См.: ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 3. Д. 7815. Л. 10–21 об.

⁴³¹ Богомолова З. А. Хроника жизни и творчества Кедр Митрея // Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея. Ижевск, 2003. С. 343.

нулся на родину, заведовал районным отделом народного образования в селах Зура и Дебесы.

В 1922 г. вступил в партию большевиков. По вызову обкома партии переехал в Ижевск на службу в редакцию «Гудыри», с 1924 по 1928 гг. возглавлял газету. В этот период им написаны основные художественные произведения: трагедия «Идна-батыр» (1926), повесть «Вужгурт» (*Старая деревня*, 1926), сборник «Пилем улысь шунды шоры» (*Из-под туч на солнышко*, 1926), поэма «Юбер-батыр» (1928), роман «Секыт зйбет» (*Тяжкое иго*, 1929). В историю удмуртской литературы Кедр Митрей вошел как автор первых текстов в жанре автобиографии, трагедии, повести, романа.

В 1928–1930 гг. работал директором Глазовского педтехникума. После обучения в аспирантуре Московского научно-исследовательского программно-методического института преподавал в Удмуртском пединституте и заведовал сектором удмуртского языка и литературы Удмуртского научно-исследовательского института. В 1934 г. был избран председателем правления Союза писателей Удмуртии, с 1935 г. – директор Удмуртского научно-исследовательского института⁴³².

Кедра Митрей участвовал в фольклорных и лингвистических экспедициях, писал статьи, посвященные проблемам становления литературного языка, вопросам языкознания и литературоведения, истории музыкальной культуры, занимался переводческой деятельностью: перевел первую книгу романа «Бруски» Ф. Панферова, «Историю ВКП(б)», приступил к переводу «Капитала» К. Маркса. Роман «Тяжкое иго» (1932) в переводе автора был издан в Москве. Принимал участие в I Всероссийском Съезде пролетарских писателей (1928) и I Всесоюзном съезде советских писателей СССР (1934). 3 июня 1937 г. «Удмуртская правда» назвала Кедр Митрея «лучшим удмуртским писателем».

В 1930-е гг. писатель незаслуженно подвергся репрессиям. 21 сентября 1937 г. был арестован, в 1946 г. вернулся из заключения на родину тяжелобольным. В 1948 г. вновь был репрессирован и сослан в Новосибирскую область. Скончался 11 ноября 1949 г. в селе Чумаково Михайловского района Новосибирской области. Посмертно реабилитирован 4 апреля 1964 г.⁴³³

⁴³² *Арекеева С. Т., Литовская М. А.* Кедр Митрей: тип творческого поведения // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллективная монография. Ижевск; Сыктывкар, 2014. С. 457–486.

⁴³³ *Богомолова З. А.* Хроника жизни и творчества Кедр Митрея // Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея. Ижевск, 2003. С. 344.

**ПЕРЕПЛЕТ РУКОПИСИ АВТОБИОГРАФИИ
КЕДРА МИТРЕЯ**

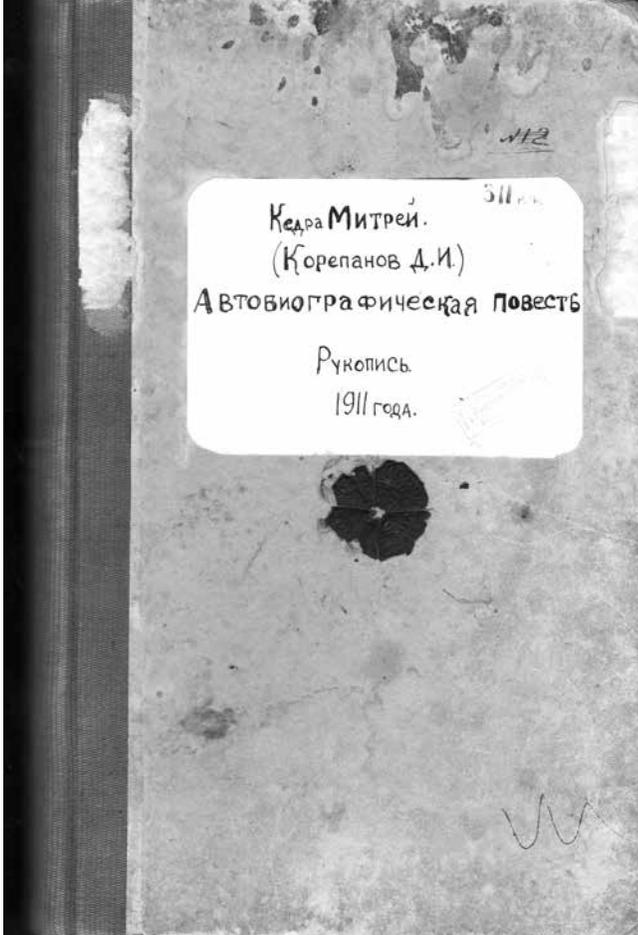

Рис. 1. Фотокопия переплета. На верхней крышке переплета технический ярлык: Кедра Митрей (Корепанов Д. И.) Автобиографическая повесть. Рукопись 1911 г.

Почерк на ярлыке не принадлежит Кедра Митрею.
НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/162-УРМ

ПРЕДИСЛОВИЕ К АВТОБИОГРАФИИ⁴³⁴

Предисловие⁴³⁵

30 сентября 1910 г. Вчера появилась во мне какая-то сильная решимость приняться писать о себе, о прошлой жизни, о текущих днях; привести на бумагу свои взгляды и убеждения; тревоги и волнения душевные, происшествия, производившие в свое время на меня сильное впечатление и т. д. и т. д. Эта мысль проявилась у меня гораздо раньше, можно сказать, зачатки были уже и в приготовительном классе Семинарии⁴³⁶, вполне определенный [характер] приняла в прошлый год, но как-то все же не приходилось приняться, или сам я был виноват в этом, или обстоятельства посторонние так сложились. Желание мое при этом не заботиться об искусственности, не исправлять раз написанное, но только просмотреть впоследствии, в каком порядке текли мои мысли и как они сформированы.

Вчера необъяснимо, собственно говоря, и для себя ни с того, ни с сего вдруг стал хандрить. Дело началось таким образом: после звонка идти в классы на вечерние занятия, как воспитанники уже сели по местам, мне с чего-то вздумалось встать на кафедру, хлопнул несколько раз по ней, чтобы обратить на себя внимание класса, хотел будто бы что-то сказать, но оказалось, что объявлять классу совершенно нечего. Я сел тут же на стул, запел про себя песенку довольно веселого содержания с соответствующим ему мотивом. Пришли в голову вотские мотивы песен. Я принялся за них. Надо заметить здесь, что мотивы вотские почти все монотонные, и способны не развеселить человека, а напротив, сильнее расстроить его. Так же и я, принявшись за эти самые тягучие мотивы, постепенно становился мрачнее, печальнее, на сердце появилась грусть, тоска. Я продолжал тянуть мотивы, переходил с одного мотива на другой, сильнее омрачался, все грустнее и грустнее становилось на сердце. Эти монотонные мотивы навели меня на весьма печальные думы. Влет[ела] в голову нерадостного содержания жизнь, проведенная прошлым летом дома, заглянул на⁴³⁷ свое

⁴³⁴ Текст документа приведен с точным сохранением пунктуационных, стилистических и языковых особенностей подлинника.

⁴³⁵ Заголовок документа.

⁴³⁶ Так в подлиннике.

⁴³⁷ Так в подлиннике.

детство, тоже нет ничего отрадного, оглянулся ..., ⁴³⁸ сижу в классе на кафедре. Взял я стул и переставил его в угол к шкафу со скрипками и гитарами. Тяжело, как бы упал, я опустился на стул и снова пустился в размышления.

Ну, положим, я в Семинарии, окончу курс нынче, дадут где-нибудь место учительское, так чтож ⁴³⁹ из этого? Придется учить тому, во что сам не имеешь веры, а заставить себя уверовать насильно никто и никогда не сможет, а постоянно лицемерить – горькая чаша!.⁴⁴⁰ А что если я вдруг умру? Этого вполне можно ожидать, ибо я чувствую сильную боль в груди. Весьма возможно, что это действие микроскопических организмов, грозит мне лютая смерть от чахотки. Умереть!? Но вот жалко расставаться и с жизнью!..⁴⁴¹ Ну пусть проживут как-нибудь отец с матерью; им недолго осталось жить, они в большей или в меньшей степени знают жизнь. А брат с сестрой? Им каково придется в жизни? Что их ожидает после моей смерти?.. Кроме некоторой доли жажды жизни меня озабочивают⁴⁴² поставленные мною задачи о том, как бы только вывести брата и сестру «в люди», не оставить их в невежестве и грязи. А без меня на это плохая надежда. Отсюда видно, что у меня есть желание посвятить свою жизнь ближним. Правда, это искорка, но надо взять во внимание, что от искорки может возникнуть большой пожар.

Но умирать – вот ведь тяжело-то будет. Хорошо, кабы умереть незаметно, вроде того, как засыпаешь сладостно на постели после дневных забот, при этом не сознавая, что отходишь от мира сего в неизвестность. Является здесь вопрос – куда же денется дух, управляющий телом? Или его вовсе нету? Может быть, это – так называемый дух – ничто иное, как проявление одно из множества природы, просто сила, появляющаяся при слиянии веществ природы в установленном порядке. Когда же человек, этот комочек особенных веществ, рассыплется, исчезает и самая сила – дух. Совершенно также для получения гальванического тока, необходимы элементы, нужны жидкости т<ому> под<обное>. А жил я до сего времени – не звезды хватал с неба, не розы счастья мне усердно плели, а срывал самые прегорькие плоды и вкушал их, доставалась часто вместо розы береза...

⁴³⁸ Так в подлиннике.

⁴³⁹ Так в подлиннике.

⁴⁴⁰ Так в подлиннике.

⁴⁴¹ Так в подлиннике.

⁴⁴² Так в подлиннике.

Таким образом моя жизнь была и есть тяжелая, – но есть надежда на более лучшую. Я многого из жизни еще не знаю, я не много еще пожил. Надеюсь, что доведется тянуть жизнь не одному, а с лицом, которое будет делить и горе и радости, это жизнь с Т...⁴⁴³ Итак, куда мысли о смерти нужно оставить, и вновь предаться тревогам настоящей жизни. На всякий случай не мешает записать на бумагу свое прошлое, а также настоящее протекающее. Из этих записок видно будет, кем я стал, насколько подготовлен, в какую меру стал развитым и т.д. Я начну с самого детства, насколько помню, постараюсь привести более или менее выдающиеся случаи из моей жизни, а тем более имеющие значение по влиянию своему относительно сложившегося духа, характера и темперамента.

Необходимым я сейчас считаю привести сюда и тех личностей, которые могли оказать на меня некоторое влияние; их характеристики по возможности точнее, чтобы потом мне самому можно было сопоставлять их черты со своими, из чего видно будет, насколько та или другая личность повлияла на меня; – а равно не преминуть и те воспитательные учреждения, через которые мне пришлось пройти, выставить наружу яснее и как можно рельефнее общую их физиономию в связи с деталями.

Приписка на полях документа:

1720/20 г

Возвращается в виду невозможности использовать для газеты из-за объема. Слог хорош. Местами требуются исправления стилистические

НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/162-УРМ. Л. 2–3 об. Подлинник.

Рукопись. Овальный штамп редакции литературного и научно-популярного журнала «Сотрудник печати» (С.-Петербург), который издавался в 1912 и 1915 гг.⁴⁴⁴

⁴⁴³ Так в подлиннике.

⁴⁴⁴ См.: Сотрудник печати: [Библиография периодических изданий России. № 7809] // Беляева Л. Н., Зиновьева М. К., Никифоров М. М. Библиография периодических изданий России, 1901–1916. Л.: [ГПБ], 1960. Т. 3: Р–Я. С. 268.

I 2

Книжечка

30 = сентября 1901. Вера навилась во
 мнѣ канас-то сильная рѣшимость принятьсь по-
 сать в себя, с прошлой жизни, с теплицей
 душой; привести на думу свои взгляды и удво-
 едения, тревоги и вынужденія душевныя, происшедшія
 производившія в свое время на мнѣ сильное впе-
 чатленіе и т. д. и т. д. Эта мысль правилась
 у мнѣ гораздо раньше, нежели сказать, зародки
 были уже и в приготовительном классѣ Семи-
 ларіи, впамят опредѣленной приняла в прошлый
 годъ, но какъ-то все же не приходилось принять-
 ся, или само я была виновата в этомъ, или
 недостаточность постороннихъ такъ сложилась. Неланіе
 мое при этомъ не заводитъсь оди искусственно-
 сти, не исправлять разъ написанное, но только
 просмотрѣть послѣдствіи, в какомъ порядкѣ те-
 ксти мои мысли и какъ они сформированы.

Вера несомненно, собственно говоря, и для
 себя ни о томъ, ни о себѣ вдругъ стала кан-
 дидатъ. Это началось такими образомъ: Послѣ
 этого ити в классъ на вечерніе занятія, какъ
 воспитанники уже были по испитамъ, мнѣ ег-
 го-то буждилось встать на кафедру, и мнѣнція
 такъ-же разъ по ней, чтобы обратитъ на себя
 вниманіе класса, котораго будто-бы то-то касалось
 не вышло, то объявить классу совершенно не-
 чего. Я опять тутъ же на откупъ, затѣялъ про-
 сія пѣсню довольно весьма содержанія съ со-
 отвѣтствующимъ ему мотивомъ. Принимъ в голову
 вѣтвей мотивы пѣсень. Я принялся за нихъ.
 Какъ займѣтѣсь здѣсь, то мотивы вѣтвей почти

Рис. 2. Фотокопия листа рукописи Кедра Митрея.
 НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/162-УРМ. Л. 2.

**ПРОЛОГ НЕОКОНЧЕННОГО РОМАНА
«ДИТЯ БОЛЬНОГО ВЕКА»⁴⁴⁵**

Пан Реймит.
«Дитя больного века».
Роман.
1913 года
24 дек. 1913

Не истины святой то голос благородный, –
Но страждущей души один порыв бесплодный;
Ума холодного безумная мечта,
Религия твоя темна и нечиста:
Ее душа с испугом отвергает
И странных доводов твоих не понимает.
Разочарован ты, – и желчь в тебе кипит;–
Она то призраки нелепые творит.
Прилипчива твоя горячка заблуждений
И ложен блеск твоих фальшивых убеждений.
Но все ж на голос твой душа моя молчит:
Заветы прежние с любовью хранит;
И содрогается за участь человека,
И страждет за тебя,
«Дитя больного века»

Ю. В. Жадовская⁴⁴⁶

Пролог

...Он умер. Недавно еще был жив и умер... Всем пользовался жизненным, дышал, наслаждался жизнью, говорил, ходил и сошел в могилу.

Да, умер он, мой дедушка. И верно уж, согласно законам природы, прах его испепелился, и вещества, входящие в этот состав благообразного тела, разошлись, развеялись по белу свету.

⁴⁴⁵ Текст документа приведен с точным сохранением пунктуационных, стилистических и языковых особенностей подлинника.

⁴⁴⁶ Здесь подчеркнуто в документе.

А жил много-много лет лет для нашего времени, – уж целых девяносто три года с четырьмя половиной месяцами. Не многим столько жить удается. А крепкий был мужчина.

И вот хочется представить его все еще живым; не хочет воображение мириться с выводами науки и с какой-то манией протеста рисует его существующим, пуская, таким образом мое личное «я» в самообман. Нет, воображение идет далее действительности. Вижу его то тем, улыбающимся с детской рождественской елки лучезарным старичком, таким миниатюрным, сияющим, с таким большущим для своего роста даром для детей, – либо вижу его великаном, выше самой, сияющей вся в огнях елки, но таким добреньким, ласковым, вот-вот посадит на колени, даст конфеток и пряничков, и, проведя по розовому кругленькому личику и маленькой головке с голубыми глазками своей серебристой бородкой, начнет рассказывать про старую старину, про дела былые, про быть, что было да бытьем поросло. И эта головка, доверчиво прижавшись к широкой здоровой груди доброго старика, пытливо таращит на него глаза, широко раскрыв их, и затаив дыхание, слушает про все эти были, про все эти легенды и сказки.

Так было!

Что было, то прошло!

Не всегда находишься в играх заманчивых воображений, – являешься к действительности: нет более около меня того доброго старичка с его ласковым взглядом и преданиями старины, живыми образами прошлого; и эта головка дитяти с голубыми доверчивыми глазками стала головой взрослого человека, уже имеющим кое-что прошлое свое.

Представляю теперь не того лучезарного старичка, что улыбается радушно с сияющей елки, и которого я взял бы к себе и берег его, как лучшую для меня драгоценность. Нет, совсем другое.

Он умер. Умер дедушка.

Тогда непонятна была для меня эта смерть. Гладившие меня по головке руки бессильно лежали на худой груди, даже одна свесилась, но кем-то была поднята. Остался от дедушки труп. Тогда не верилось мне, чтобы он ушел [от] нас навсегда, и ждал, что он встанет. Но мертвец был как мертвец, – так и не встал. Погребли останки его. Вечная память ему!

Но навеянные им на меня предания про старину остались во мне. Однако, замечу, не старина тревожит мои мысли теперь, (тут уж все спокойно) а приходят сюжеты из настоящего. Это самое настоящее, было предречено тем же моим дедушкой. Дух его как будто все витает надо мной, шепчет мне: «Дитя, не то ли я тебе говорил? Не то ли

происходит, что было предсказано мною». Правда, обо всем этом говорил он, да так по-свойски!

«Дитя, послушай меня! Все меняется в жизни, ничто не стоит на свете, целые поколения заменяются одни другими, старики умирают, молодые крепнут, дети вновь рождаются – опять созревает поколение, и так движется непрерывно; и каждое поколение приносит с собой новое, обособленное. Раньше и деньги были дороги, труд оплачивался дешево, – бывало, целый проработаешь день на лошади и получишь только пятак, а теперь за ту же работу получают не меньше рубля. А как погляжу на народ, так мало в нем веры. Много закону знает, а потом еще больше будет знать, все будут знать законы, да не [только гражданские], а всякие, [там] про жизнь, про смерть, про все. Поживут и при [одних] условиях все-таки не легче. Начинают год от году дорожить деньгами. Деньги, богатство – окончательная цель нового поколения. Все разновидности общества стремятся нажиться, мешают друг другу, давят, душат, и сами себя убивают. Портят свои нравы, борясь с препятствиями, враждя из-за презренного металла. Люди становятся больными, [повально] больными. Это сейчас только начало, в последующее время оно разовьется, примет широкие размеры, разольется по свету необъятной и бурной волной, захлестнет живой человеческий мир и многих унесет в бездну. Опасайся, дитя, сего течения; зри и будь осторожнее. Вижу, вся земля окутана <...>⁴⁴⁷ везде протянуто железо; всюду выставляются главы и колокольни церквей, выстроены громады – дома – короче – тяжеловесная тьма. Помни, то предвещает таковую же тяжесть душевную в человеке. Он окутал себя сетью мыслей, давящих, режущих его как железо. И не выбраться ему из этой сети <...>⁴⁴⁸ беспомощно опустит руки и удавится. <...> Разрешая массу вопросов, суждено представителю нового поколения запутаться, что станет раздражать его и приведет к полнейшему разочарованию, потрясет его нервы, сведет в могилу. Каждый человек в <...>⁴⁴⁹ отстаивать станет свои права и не покорится другому, ставя выше всего свое достоинство, и зная все законы наперед. Но безверных, безверных число умножится!.. Не будут верить нашим предсказаниям, не поверят в то, что мы свято чтили и хранили!..

Вещий дедушка мой своеобразно объяснял мне озадачивающие меня явления природы. Случилось раз в тихую темную ночь, летом,

⁴⁴⁷ Далее не разобрано 1 слово.

⁴⁴⁸ Далее не разобрано 5 слов.

⁴⁴⁹ Далее не разобрано 1 слово.

пойти с ним полем, среди густой дремлющей ржи. Она только колосилась. Было тихо и светло на душе. Шли молчаливо, также тихо и молчаливо смотрели на нас с высоты мириады золотистых звезд, чуть-чуть мерцаая, как будто приглашая обратить на них благосклонный взор путников. И недаром я даже внимательно следил за ними, и едва задев рукой дедушку, спросил его: «Откуда берутся звезды на небе?». Он отвечает: «Звезды Богом созданы. Когда рождается человек на земле, появляется новая звезда на небе». – «А отчего, вот та звезда летит куда-то, вот и упала?» – «Я только что об этом хотел сказать тебе. Когда же человек умирает, то сходит с неба и его звезда». Я удовлетворился ответом дедушки и вперился⁴⁵⁰ опять в таинственное небо. Оно было величественно и многоречиво без слов. Я искал свою звезду. Но некоторую⁴⁵¹ не решался своей назвать. Мой ум терялся в догадках. Яркость звезд была не одинакова. Отсюда я делал вывод, что звезды не одинаково горят от того, что одни из них соответствуют людям, выше поставленным, разным сановникам, а другие, менее светлые, таким лицам, как мы с дедушкой.

Помер дедушка, а какая звезда сошла с неба?..

Дедушка говорил: «Нынче бабы мало повинуются мужьям. Пальцем не дотронется муж до жены своей, а она уж и дирка⁴⁵² от него дала, да на весь мир и завопит благим матом. Муж бьет жену, ума придает – глупа баба. Что в ней толку – долг волос, да ум короток. Но уж не так, дескать – бабы поумнели. Дитя, поверь: и женщины толковее стали, больше сызмальства уму-разуму учатся. Раньше муж жену кормил, а теперь она сама себя кормит и поит. Дальше такое течение расширится. Тебе серьезно с этим достанется⁴⁵³ посчитаться»...

Дедушки нет, давно истлел, а его слова крепко засели в моей голове и так бьют, так бьют стены моего чердака, что я беру стальное перо и рьяно берусь писать сбывшееся предсказание седого дедушки.

Настал век капитализма и больных нервов!...

*НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 196. Л. 211–214 об.
Подлинник. Рукопись.*

⁴⁵⁰ Так в подлиннике.

⁴⁵¹ Так в подлиннике.

⁴⁵² Так в подлиннике.

⁴⁵³ Так в подлиннике.

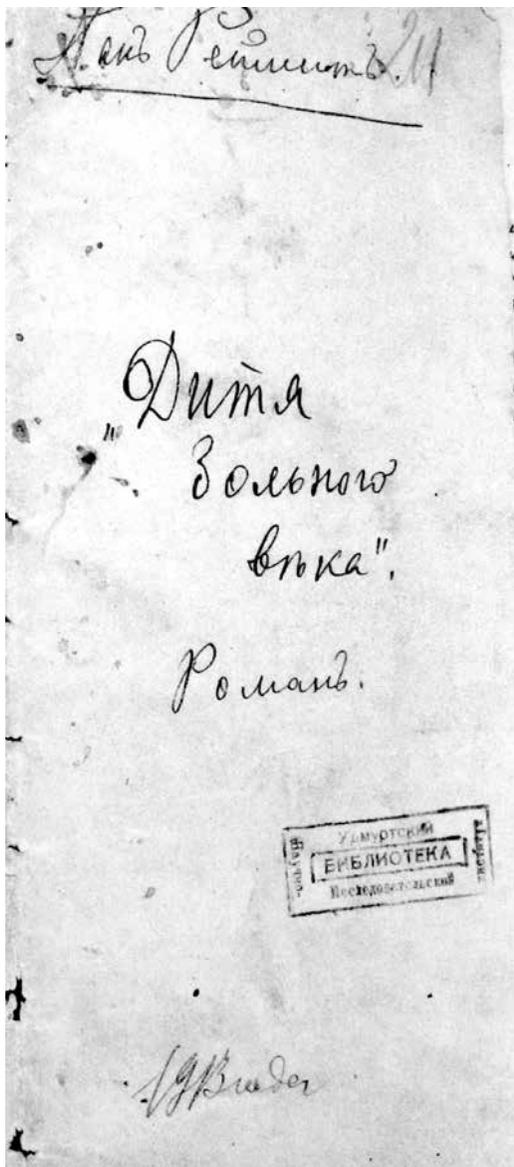

Рис. 3. Фотокопия титульного листа рукописи незавершенного романа Кедра Митрея «Дитя боьного века» (1913).
НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 196. Л. 211

СТАТЬЯ «ДЕТИ БОЛЬНОГО ВЕКА»⁴⁵⁴

Дети больного века⁴⁵⁵

Но все ж на голос твой душа моя молчит, –
Заветы прежние с любовью хранит;
И содрогается за участь человека,
И страждет за тебя, «дитя больного века»

Ю. В. Жадовская

Наш больной век порождает больных детей. Да, что это за больной век, и что это за больные дети?

Но, подумайте!.. разве не болен и не хворает наш век, разве мало калечит он людей и уносит их преждевременно в могилу. Разве мало этих самых больных детей нашего века, не выносящих житейских мук и расправляющихся чрезвычайно шатко со своей и без того краткой жизнью. Расправляются быстро и старые, и молодые, и малолетние, и мужчины, и женщины... суть дети больного века.

Здоровых ошеломляет такая кроткая расправа. Но много-ль⁴⁵⁶ этих здоровых, где еще есть цельные натуры? Кому не причиняет мук и всяких расстройств теперешний век?.. А на самом деле, как вдумаешься серьезнее, ближе присмотришься, – и надумаешься, и наглядишься вдоволь. И кажется так ужасно, противно и гадко!..

Я веду речь о самоубийцах.

Самоубийцы?! – что тут нового? Это мы давно знаем: вешаются там, стреляются, отравляются, в реки кидаются, в моря, в Иматру, и многое тому подобное... Обыденная вещь!..

Тем более скверно, что на самоубийства стали глядеть, как на обыденное явление, и современные люди равнодушно относятся ко всем таким явлениям.

Правда самоубийство не новость. Оно с испокон века существует, оно было, есть и впредь будет. Но в будущее мы не заглядываем, будущее за тяжеловесными ширмами, которые мы не в состоянии ни при-

⁴⁵⁴ Текст документа приведен с точным сохранением пунктуационных, стилистических и языковых особенностей подлинника.

⁴⁵⁵ В «Глазовскую речь» (Прим. Кедр Митрея).

⁴⁵⁶ Так в подлиннике.

поднять, ни сдвинуть. Настоящее для немногих поверхностно ясно, а в общем заволакивается туманом, что и смущает многих.

Случаев самоубийств бесконечно много...

И к чему, право, стреляться, к чему отравляться? Будто не придет смерть, своим чередом.

Культура идет вперед, а вместе с этим проявляется чувство, отталкивающее от всякого насилия над человеком, так сказать, чувства облагораживаются. Так! Тогда почему же, отрицая всякое насилие, люди производят насилие над собой?! Таким образом, не вдается ли человек в грубейшую ошибку? Не идет ли он наперекор своим убеждениям?

Скажут, пожалуй, – жизнь тяжела, велик гнет... Так что же? Будьте стойкими, боритесь!

Вот идет человек возле канавки, да зазевался в недобрый час, и через несколько секунд оказался в луже грязи вверх тормашками... Оглянулся и не может понять, где он. А вонючая влага делает свое – властно захватывает его, пачкает... Брыкается бедный ногами, но сделать ничего не может: слишком уже засасывает его грязь... И как-то странно притупляется сознание – можно ли еще подняться, выбраться...

О, точно, таков же человек, решающийся на самоубийство!.. Вместо того, чтобы встать и встряхнуться, он в меланхолию пускается и шепчет: можно ли еще жить и нужно ли!..

Удивительно, даже чудовищно, самоубийцам придают геройство. Да ведь такое геройство слишком неприглядно, ничем не оправдываемо.

Нет, тут малодушие одно, искалеченная натура, болезнь своеобразная; увы! Это все – больные дети больного века.

Слаб человек и не действует, болен нервами и душой; изуродовано воображение, и притуплена сила его воли, и идет он в пропасть бессознательно...

Нет, это не должно быть обыденным; самоубийство – следствие опасной болезни. Страшиться этой заразы и отгоняйте ее прочь от себя. В осмысленном труде нет места больному воображению; трезво мысли потекут и от смерти отвлекут!

Пусть жизнь блеснет для нас недолго,
Но счастлив тот, кто из нас умрет
С сознанием праведного долга
И чью-нибудь слезу утрет.

И не будет этих ужасных, кошмарных самоубийств, которыми пе-
стрил жизнь человечества.

Пан Реймит 1913. 14-го февраля. г. Вятка

НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 166–168. Подлинник. Рукопись.

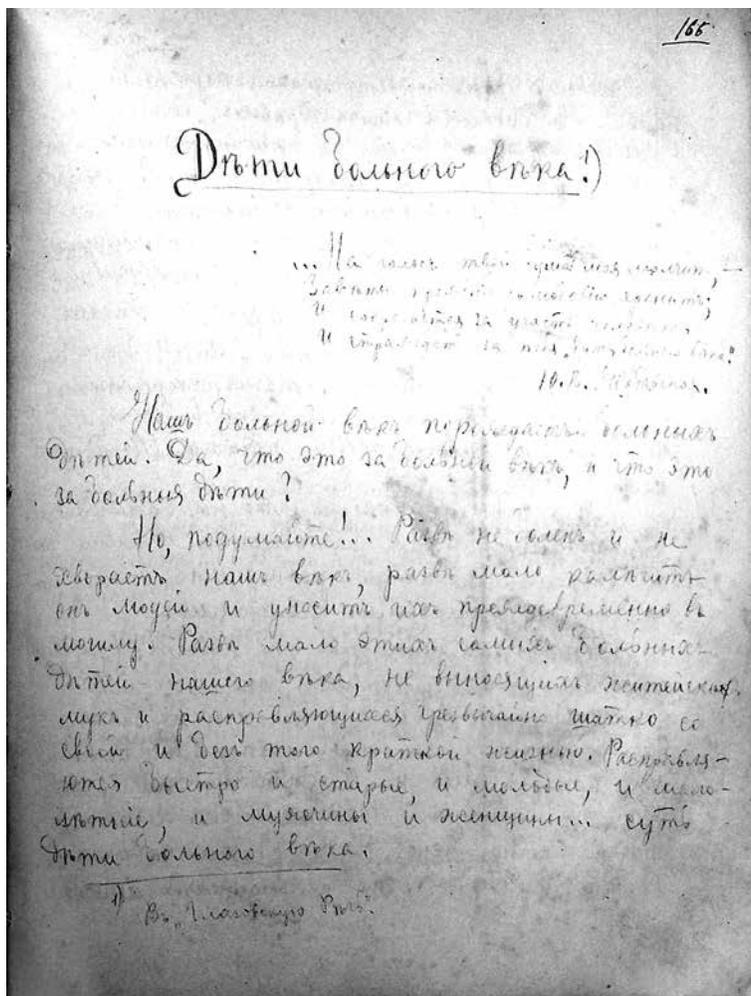

Рис. 4. Фотокопия рукописи статьи Кедра Митрея «Дети большого века» (1913).
НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 166

ФРАГМЕНТ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ АВТОБИОГРАФИИ⁴⁵⁷**Выписки из автобиографии воспитанника КУС
Дмитрия Корепанова⁴⁵⁸**

... Мы стали друзья с Константиновым. Во вторую осень, проведенную в Казани, действительно, мы так и жили, постоянно ходили вместе; даже, ухватившись руками, мы с ним шли и за гробом умершего школьника – мордвина Овто. Но, ничто не вечно!... Наши дружеские отношения изменились. Он сошелся с партией воспитанников революционного направления, а я, надо сказать, к тому времени совсем изменился, охладел в этом деле, не было тех горячих порывов, которые заставляли меня волноваться, кричать и спорить. Константинов, между тем, все сильнее и сильнее горячился. В семинарии была составлена «боевая организация». В эту партию входило всего человек 20 из всей семинарии. Мне члены все до одного были известны. Они просили записаться и меня, как настроенного в том же духе. Я счел самым лучшим не вмешиваться более в это дело и отказался. Я чувствовал бесполезность партии, затем я редко имел деньги, а члены партии обязаны вносить ежемесячно от 10 коп. до 15 и более, идущие на покупку брошюр и вооружения, каковыми являются: кинжалы, финские ножи, револьверы и к ним пули, порох и т.п. Составилась порядочная библиотека, из которой могли брать книжки все неподозрительные. Я несколько даже не интересовался ими, этими самыми книгами, – я без того уже знал содержание... да и пользы теперь не видел никакой. Константинов сердился на меня, попросту ругал иногда, но я стоял на своем. Константинов никак не мог понять, как это я, внушивший в прошлом году те самые мысли, к которым нынче холоден и отказываюсь.. В начале года, первого учебного, я скучал сильно, но скоро был увлечен сердечными делами...»⁴⁵⁹ «Жить я решил, бывши в то время полным эгоистом. Стараться лишь об удовлетворении своих нужд и потребностей... Об этом можно писать еще после, а пока примемся описывать за прошлогоднее опять!... Этот год из ряда вон выходит тем, что были волнения среди воспитанников, непонятные мне

⁴⁵⁷ Текст документа приведен с точным сохранением пунктуационных, стилистических и языковых особенностей подлинника.

⁴⁵⁸ Заголовок документа.

⁴⁵⁹ Так в подлиннике.

доселе. Не знаю я, какая причина была этих волнений и какая цель их. В последних числах сентября воспитанники стали как-то беспокойны, что было замечено и семинарской корпорацией. Начальство старалось унимать нас, но расходившиеся воспитанники ни на что не взирали и буйствовали. 30-го сентября вечером были погашены все лампы, воспитанники скакали, топали, бегали, кричали, пели и хлопали в ладоши в этой темноте. Ночью, когда как будто все уже успокоилось, подняли крик в нашей спальне, он был подхвачен в других спальнях, и в одно мгновение крик раздавался по всему четвертому этажу. Дежурный наставник был запуган и убежал. Немедленно корпорация собралась на совет и т.д. и т.д. ну все то следовало, что у меня описано достаточно подробно в дневнике. Распространяться много об этом не стану. После святок многих воспитанников арестовали и засадили в тюрьму, многие были исключены из числа воспитанников и уволены из семинарии. В тюрьму попался и известный уже Константинов П. Арестованы были за то, что были подписчиками недозволенных ученических журналов: «Семинарист» и «Мыслитель». В этом году затеяны были воспитанниками и рефераты. Готовился на рефератах и я в качестве лектора, но мне не было суждено прочесть свою лекцию. Наступили Святки, а после Святок уже больше не позволяли собираться на рефераты. Руководствуясь указаниями преподавателя географии Н. И. Ашмарина, я выбрал тему «Италия» географический очерк этой страны. Готовился к реферату я весьма серьезно. Достал несколько книг относительно этой страны,⁴⁶⁰.

ГА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 729. Л. 149–149 об. Подлинник. Рукопись.

⁴⁶⁰ Так в подлиннике.

**ТЕКСТ ПРЕДАНИЯ «ЭШ-ТЭРЕК»,
ОПУБЛИКОВАННОГО В ГАЗЕТЕ «СТОЛИЧНЫЕ ОТЗВУКИ»⁴⁶¹**

Эш-Тэрэк.⁴⁶²
(Легенда вотяков).⁴⁶³

Среди вотского народа в древние времена жил великан, предводитель вотяков Эш-Тэрэк. До 40 лет он всё занимался земледелием и в войнах не участвовал. А войны в те времена велись с татарами и русскими, и еще со многими тушмонами⁴⁶⁴, – их всех и не перечтешь, да и названия позабыты. Вотяки воевали с ними, а Эш-Тэрэк всё трудился над землей⁴⁶⁵, обрабатывал ее и кормил свой народ. В молодые годы хотели произвести его в төро⁴⁶⁶, но он отказался в пользу престарелого родоначальника Идна⁴⁶⁷, а по смерти последнего уступил свое место Ожмегу.

– Он более меня достоин быть вашим вождем, он этого заслужил, – говорил Эш-Тэрэк, – а я еще молод, меня самого еще нужно обуздывать и сдерживать. Но перед первой же войной с татарами в Төро-сэрег⁴⁶⁸ засел⁴⁶⁹ Эш-Тэрэк, слезно упрашиваемый всем народом. Предстояла битва. Эш-Тэрэк не имел ни боевого коня, ни надлежащего вооружения. Он отправился в лес, подыскал хороший клен,

⁴⁶¹ Текст приведен с точным сохранением пунктуационных, стилистических и языковых особенностей подлинника.

⁴⁶² Заголовок документа.

⁴⁶³ Подзаголовок Кедр Митрея. Данный текст относится к жанру предания (См. анализ содержания и структуры жанра исторического предания в кн. Т. Г. Владыкиной: *Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики*. Ижевск, 1998. С. 209).

⁴⁶⁴ Тушмон – слово тюркского происхождения, знач. – враг (Прим. Кедр Митрея).

⁴⁶⁵ Так в подлиннике.

⁴⁶⁶ Төро – предводитель, вождь. Буква изображает особый звук – среднее между О и Э (Прим. Кедр Митрея).

⁴⁶⁷ Так в подлиннике.

⁴⁶⁸ Төро-сэрег – почетный передний угол, куда садились вожаки (Прим. Кедр Митрея).

⁴⁶⁹ Так в подлиннике.

вырвал его с корнем, отломал сучья и ветви, согнул в дугу, и сделал из него отличный лук. Из ветвей того же клена он устроил стрелы, – и вооружение готово. Нужно было еще добыть коня. Эш-Тэрек отправился на берег Камы (Камдоры)⁴⁷⁰.

В табунах лошадей вотского народа не было ни одного коня, который устоял бы под ним. Горю Эш-Тэрека не было пределов. От его рыданий заволновалась река, всплески усиливались при каждой новой слезе Эш-Тэрека и с шумом ударялись волны о берег. Испугался сам владыка вод. Нырнул он раз, другой, вынырнул из воды, просунул голову за скалу и выглядывает из уголка.

– Э, да вон это кто! – воскликнул водяной и поспешил к Эш-Тэреку.

– О чем так сильно ты горюешь, Эш-Тэрек? – спросил он.

– Не твое это дело, а мое. – Не мешай мне! – отвечает Эш-Тэрек.

– Эх, Эш-Тэрек, Эш-Тэрек! Почему ты сердиться на меня? Подружимся-ка лучше, да вот по дружбе и скажи, что печалит тебя?

– Ты ведь не сможешь мне! Так прочь от меня!

– Ну, ну, кабы ты не Эш-Тэрек, так поломал бы я тебе бока! – думает водяной и втайне скрежещет зубами.

– Нет, Эш-Тэрек, ты, видно, не знаешь еще, кто я. А я тебе, может быть, и смог бы помочь.

Рассмеялся Эш-Тэрек:

– Эх, зеленый старик, – в чем только у тебя душа держится? Вот схвачу я тебя да и выжму все, что только есть в тебе.

– Ну, ну, друг, этого не надо! Я знаю, что ты силен.

– Так кто же ты, зеленая борода, скажи скорей?

– Я – водяной (Вумурт), старинный друг твоих отцов Идны и Ожмега.

– А! так это ты, миленький старичок! Ты, говорят, много чудес творишь. Я поверю этим рассказам, если покажешь мне одно диво: устрой сейчас мое ты дело. Мне нужно отправиться на битву, и мне нужен конь, который летел бы как сокол подо мной.

– Ха-ха-ха! Да разве большой труд это для меня. Сюда вот к этой реке приходит большой табун коней Кереметя⁴⁷¹ напиться. Вожатым табуна там служит большой красивый черный жеребец, – он тебе годится. Засыдь сегодня ночью в камыш и, когда придет табун, выскочишь,

⁴⁷⁰ Камдоры – Камой вотяки зовут вообще всякую большую реку (Прим. Кедр Митрея).

⁴⁷¹ Кереметь – злое божество (Прим. Кедр Митрея).

набежишь⁴⁷² на жеребца и поймаешь его. Не тревожься – получишь коня, – но... ты должен услужить и мне: первую красавицу-татарку подаришь ты мне, а не то – погибнешь сам.

– Согласен, если будет конь.

Таун ровно в полночь, действительно, пришел к водопою. Впереди красивый жеребец гигантских размеров. У Эш-Тэрека заблестели глаза. Вот четвероногий вожак заходит в воду, пьет. В это время выскакивает Эш-Тэрек, обхватывает руками шею жеребца, и впиается зубами в гриву. Конь рванулся, поскакал. А Эш-Тэрек уже был на нем. Летит, любит конем Эш-Тэрек... Коня укротить не стоило большого труда, и радости Эш-Тэрека не было конца.

Вот он скачет на коне с кленовым луком среди татарских полчищ, бьет их по головам, – это лучше для него: стрелять – долго тетиву натягивать, – время не терпит. Лежат татары, как сваленный лес.

– Радуйтесь, Удмурты!⁴⁷³

Берут в плен стариков, красивых татарок и их детей... На долю Эш-Тэрека досталась красавица, какой он не встречал еще доселе... Едет он по берегу реки, впился глазами в пленницу и думает: «Вот хороша будет жена!»

Вдруг забушевала река. Оглянулся Эш-Тэрек. Глядит, дивится... Бледнеет. Перед ним по пояс в воде Вумурт⁴⁷⁴ стоит, и глаза его впились в Эш-Тэрека.

– Э да что это, кого я испугался, – трусливого старика. Что, Вумурт?

– Позабыл ты, видно, уговор? Дай татарку!

– Ты, шалишь, старина! Если хочешь, притащу тебе беззубую старуху, престарую каргу!

И расхохотался Эш-Тэрек.

– Ну, если так, то дни твои сочтены.

Скрылся водяной. Насмешливо искривил губы Эш-Тэрек, но смеяться уже не мог. Что-то сердце его щемило... Вдруг нахлынули волны, и Эш-Тэрек с пленной татаркой и прекрасным конем скрылись под ними.

Подписчик Д. Корепанов

Корепанов Д. Эш-Тэрек: легенда вотяков // Столичные отзвуки. 1912. 8 июля (№ 4). С. 4.

⁴⁷² Так в подлиннике.

⁴⁷³ Удмурты или удмурты – так называют сами себя вотяки (Прим. Кедр Митрея).

⁴⁷⁴ Вумурт – водяной, божество, обитающее в воде (Прим. Кедр Митрея).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Архивные материалы

Государственный архив Республики Татарстан

Фонд 93. Казанская учительская семинария. Оп. 1. Д. 877, 894, 949, 949а, 1114.

Фонд 199. Казанское губернское жандармское управление. Оп. 1. Д. 728, 729.

Центральный государственный архив Удмуртской Республики

Фонд 122. Инспектор народных училищ Глазовского уезда, г. Глазов Вятской губернии, (1869–1918 гг.). Оп. 1. Д. 149, 567, 568, 605.

Фонд 96. Глазовский уездный съезд земских начальников, г. Глазов Вятской губернии, (1891–1917 гг.). Оп. 1. Д. 2282.

Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики

Фонд 16. Удмуртский республиканский (областной) комитет КП РСФСР (1921–1991). Оп. 3. Д. 7815.

Национальный музей Удмуртской Республики имени Кузубая Герда

Кедра Митрей (Корепанов Д. И.). Автобиографическая повесть. Рукопись. 1911. НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/162-УРМ. Л. 2–181 об.

Корепанов Д. И. Воспоминания семинариста (К 40-летнему юбилею Казанской Учительской семинарии) // НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/162-УРМ. Л. 182–193.

Корепанов Д. И. О тяжести жизни (Псевдо-философия) // НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/164-УРМ. Л. 97–101 об.

Корепанов Д. И. Село Игра Глазовского уезда (Наброски) // НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/164-УРМ. Л. 101–105 об.

Корепанов Д. И. Ведьма // НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/164-УРМ. Л. 115–117 об.

Корепанов Д. И. Весной на мельнице // НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/164-УРМ. Л. 106–112 об.

Корепанов Д. И. Из-за Льва Толстого // НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 340–341 об.

Корепанов Д. И. Литературная эпидемия в г. Глазове // НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/164-УРМ. Л. 119–120.

Корепанов Д. И. Современные нищие (Из собственных наблюдений) // НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/164-УРМ. Л. 112–115.

Корепанов Д. И. Эш-Тэрек // НМ УР им. К. Герда. Д. 41782/164-УРМ. Л. 50–91.

Пан Реймит. Дети больного века // НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 166–168.

Pan Reimit. Не делюсь ни с кем я горем... // НМ УР им. К. Герда. Д. 27562/1-УРМ. Л. 339–339 об.

Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН

Пан Реймит. Дитя больного века // НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 196. Л. 211–217.

Корепанов, Д. И. Ученик-антихрист // НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 196. Л. 199–206.

Корепанов, Д. И. Господа Неяскины // НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 196. Л. 158–159.

Кабинет удмуртской литературы и фольклора при кафедре удмуртской литературы и литературы народов России ИУФФУиЖ УдГУ

Корепанов Д. И. Книга 1-я. Тетради по чистописанию, русскому языку, всеобщей истории, Закону Божию и др<угое> м<ноего> пр<очее>.

II. Литература

Арекеева, С. Т. Кедр Митрейлэн «Пиме сӧризы» но «Вожмин» верось-ёсыз сярсы / С. Т. Арекеева // Удмуртская литература XX века: направления и тенденции развития. – Ижевск, 1999. – С. 89–99.

Арекеева, С. Т. Роман Кедр Митрея «Секыт зйбет» в зеркале критики 1930-х гг. / С. Т. Арекеева // Пермистика 10 : вопросы пермской и финно-угорской филологии : материалы X Международного симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (24–25 марта 2004 г., Ижевск). – Ижевск, 2009. – С. 75–86.

Арекеева, С. Т. Кедр Митрей: тип творческого поведения / С. Т. Арекеева, М. А. Литовская // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности : коллективная монография. – Ижевск ; Сыктывкар, 2014. – С. 457–486.

Байтеряков, Н. С. Эштэрэк : поэма / Н. С. Байтеряков / Луысал ке ваньзэ вераме : быръем кылбурьёс но поэмаос / Н. С. Байтеряков. – Ижевск, 1992. – 256–269-тй б.

Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : «Худож. лит», 1975. – 504 с.

Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.

Белинский, В. Г. Иван Андреевич Крылов / В. Г. Белинский // Взгляд на русскую литературу / В. Г. Белинский. – Москва, 1988. – С. 511–535.

Белоусов, А. Ф. Образ семинариста в русской культуре и его литературная история: от комических интермедий XVIII века до романа Надежды Хвоцинойский «Баритон» / А. Ф. Белоусов // Традиция в фольклоре и литературе. – Санкт-Петербург, 2000. – С. 159–176.

Бердяев, Н. А. Философская истина и интеллигентская правда [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев // Вехи : сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1909. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/vehi/berdyayev.html> (дата обращения: 15.12.2018).

Блекки, Д. С. Четыре фазиса нравственности (Сократ, Аристотель, христианство, утилитаризм) / Д. С. Блекки. – М. : Издание книгопродавца М. В. Клюкина, 1905. – 423 с.

Богданова, Л. А. Жанровое своеобразие поэмы в литературе Удмуртии : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / Богданова Людмила Анатольевна. – Саранск, 2006. – 180 с.

Богомолов, Н. А. Михаил Кузмин : статьи и материалы / Н. А. Богомолов. – М.: НЛЮ, 1995. – 368 с.

Богомолова, З. А. Творчество Кедр Митрея / З. А. Богомолова. – Ижевск : Удмуртия, 1967. – 116 с.

Богомолова, З. А. Некоторые особенности развития удмуртского романа / З. А. Богомолова // Об удмуртском фольклоре и литературе : сб. ст. – Ижевск, 1973. – Вып. 1. – С. 3–25.

Богомолова, З. А. Кедр Митрей (Дмитрий Иванович Корепанов) (1892–1949) / З. А. Богомолова // Песня над Чепцой и Камой / З. А. Богомолова. – М., 1981. – С. 28–35, 55–70.

Богомолова, З. А. Жизнь неповторимая : как была написана книга «Творчество Кедр Митрея» (1967) / З. А. Богомолова // Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея : воспоминания, статьи,

письма, посвящения и произведения Кедр Митрея. – Ижевск, 2003.– С. 318–321.

Богомолова, З. А. О годы юности, о сердца вдохновенье! / З. А. Богомолова // Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея : воспоминания, статьи, письма, посвящения и произведения Кедр Митрея. – Ижевск, 2003.– С. 99–105.

Богомолова З. А. Хроника жизни и творчества Кедр Митрея // Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея : воспоминания, статьи, письма, посвящения и произведения Кедр Митрея. – Ижевск, 2003.– С. 343–344.

Богомолова, З. А. Ей обеспечено место в книге памяти народа : [беседа с литературоведом, проф., лауреатом Госпремии УР, почет. гражданином респ. о своей жизни] / З. А. Богомолова ; записала Нина Пузанова // Удмуртская правда. – 2008. – 1 февр. – С. 12.

Буня, М. И. Глазовские находки : записки краеведа / М. И. Буня. – Ижевск : Удмуртия, 1971. – 215 с.

Бутолин, А. С. Кедр Митрей / А. С. Бутолин // Удмурт литература : средней школы учебник : 6 но 7 классъёслы / А. С. Бутолин. – Ижевск, 1935. – 47–76-тй б.

Бычкова, Е. А. Жизнетворчество как феномен культуры декадана на рубеже XIX–XX веков : дис. ... канд. культурол. наук : 24.00.01 / Бычкова Екатерина Анатольевна. – М., 2001. – 141 с.

Бялый, Г. А. Проза шестидесятых годов [XIX века] (общий обзор) / Г. А. Бялый // История русской литературы. В 10 т. Т. 8. Литература шестидесятых годов. – М. ; Л., 1956. – Ч. 1. – С. 277–315.

Ванюшев, В. М. Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья / В. М. Ванюшев. – Ижевск : Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1995. – 296 с.

Ванюшев, В. М. Кедр Митрей: жизнь как творчество. К постановке вопроса / В. М. Ванюшев // Пермистика 10 : вопросы пермской и финно-угорской филологии : материалы X Международного симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (24–25 марта 2004 г., Ижевск). – Ижевск, 2009. – С. 101–107.

Васильева, О. И. Удмуртская интеллигенция. Формирование и деятельность. 1917–1941 гг. / О. И. Васильева. – Ижевск : Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1999. – 210 с.

Василюк, Ф. Е. Психология переживания / Ф. Е. Василюк. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.

Вахрушев, А. А. Просветительская миссия печати и литературы в провинциальной России (на материале Вятской губернии XVII – начала XX веков) : монография / А. А. Вахрушев. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 2011. – 274 с.

Вердеревская, Н. А. Становление типа разночинца в русской литературе 40–60-х годов XIX века. К проблеме типологии жанра, сюжета и образа / Н. А. Вердеревская. – Казань : Казан. пед. ин-т, 1975. – 136 с.

Верещагин, Г. Е. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. Вотяки Сосновского края / Г. Е. Верещагин. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – 260 с.

Верещагин, Г. Е. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / Г. Е. Верещагин. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1996. – 204 с.

Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М. : Высшая школа, 1989. – 404 с.

Веги [Электронный ресурс] : сборник статей о русской интеллигенции / Н. А. Бердяев [и др.]. – М., 1909. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/vehi/index.html> (дата обращения: 25.12.2018).

Винокур, Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение [Электронный ресурс] / Г. О. Винокур. – М.: Русские словари, 1997. – 186 с. – Режим доступа: <http://danefae.org/lib/vinokur/biokult/index.htm> (дата обращения: 25.12.2018).

Владыкина, Т. Г. Удмуртский фольклор : проблемы жанровой эволюции и систематики / Т. Г. Владыкина. – Ижевск : Удмурт. ин-т истории, яз. и лит., 1998. – 354 с.

Вольперт, Л. И. Пушкин в роли Пушкина: творческая игра по моделям французской литературы. Пушкин и Стендаль / Л. И. Вольперт. – М. : Языки рус. культуры, 1998. – 327 с.

Гаврилов, И. Яратоно писательёс / И. Гаврилов // Молот. – 1960. – № 10. – 29–32-тй б.

Герд, К. Вордскем удмурт кыл сярысь / Кузубай Герд // Гудыри. – 1924. – 29 июнь.

Герд, К. / Вотяцкая литература / К. Герд // Собрание сочинений. В 6 т. / Кузубай Герд. – Ижевск, 2004. – Т. 4. – С. 318–339.

Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – М. : INTRADA, 1999. – 414 с.

Глазов : исторический очерк / сост. М. И. Буня. – Ижевск : Удмуртия, 1980. – 304 с.

Головко, В. М. Историческая поэтика русской классической повести / В. М. Головко. – М. : Флинта, 2010. – 280 с.

Голубков, М. М. Русская литература XX в. : после раскола / М. М. Голубков. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 267 с.

Государственный совет // Камско-Чепецкий край. – 1912. – № 1 (23 марта). – С. 1–2.

Гречишкин, С. С. Биографические источники романа Брюсова “Огненный ангел” / С. С. Гречишкин, А. В. Лавров // Символисты вблизи : очерки и публикации / С. С. Гречишкин, А. В. Лавров. – СПб., 2004. – С. 6–62.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.]. Т. 1. А-3 / В. И. Даль. – Санкт-Петербург : Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. – 723 с.

Демин, В. И. Комическое в мордовской литературе (этапы эволюции) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.02 / Демин Василий Иванович. – Казань, 1998. – 55 с.

Домокош, П. История удмуртской литературы / Петер Домокош ; пер. с венг. В. Васовчик. – Ижевск : Удмуртия, 1993. – 448 с.

Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений. В 15 т. Т. 13. / Ф. М. Достоевский. – СПб. : Наука, 1994. – 425 с.

Дрожжин, С. Д. Жизнь поэта-крестьянина С. Д. Дрожжина (1843–1905 гг.), описанная им самим и избранные стихотворения [Электронный ресурс] / С. Д. Дрожжин. – М., 1906; электронное периодическое издание «KnigaFund.Ru». – Режим доступа: <http://www.knigafund.ru/books/8460/read> (дата обращения: 09.06.2016).

Емельянов Л. П. Как чернили честное имя писателя (по документам архивов Удмуртии) / Л. П. Емельянов // Опаленный подвиг багыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея : воспоминания, статьи, письма, посвящения и произведения Кедр Митрея. – Ижевск, 2003. – С. 237–241.

Ермаков, Ф. К. Д. И. Корепанов / Ф. К. Ермаков // Комсомолец Удмуртии. – 1956. – 7 дек.

Ермаков, Ф. К. Дмитрий Иванович Корепанов (Кедра Митрей). 1892–1949 аръёс / Ф. К. Ермаков // Молот. – 1957. – № 3. – 47–48-тй б.

Ермаков, Ф. К. Путь удмуртской прозы : очерки / Ф. К. Ермаков. – Ижевск : Удмуртия, 1975. – 141 с.

Ермаков, Ф. К. Творческие связи удмуртской литературы с русской и другими литературами / Ф. К. Ермаков. – Ижевск : Удмуртия, 1981. – 196 с.

Ермолаев, А. А. Удмуртская историческая проза / А. А. Ермолаев. – Ижевск : Удмурт. кн. изд-во, 1960. – 143 с.

Ермолаев, А. А. О Кедре Митрее и его произведениях / А. А. Ермолаев // Избранное / Кедр Митрей. – Ижевск, 1965. – С. 3–5.

Ермолаев, А. А. О Кедре Митрее и его произведениях / А. А. Ермолаев // Об удмуртской литературе : хрестоматия / А. А. Ермолаев. – Ижевск, 2013. – С. 45–49.

Ерохина, Т. И. Личность и текст в культуре русского символизма : автореф. дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Ерохина Татьяна Иосифовна. – Ярославль, 2009. – 50 с.

Есин, А. Б. Психологизм русской классической литературы / А. Б. Есин. – М. : Просвещение, 1988. – 176 с.

Жадовская, Ю. В. Современному человеку [Электронный ресурс] / Ю. В. Жадовская. – Образовательный портал «Слово». – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37072.php> (дата обращения: 09.06.2016).

Жаков, К. Ф. Сквозь строй жизни / К. Ф. Жаков. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1996. – 384 с.

Загребин, Е. Е. Эш-Тэрэк : [трагедия] / Е. Е. Загребин // Яратонэ тон, вожанэ... : веросьёс, очеркьёс, пьесаос / Е. Е. Загребин. – Ижевск, 2004. – 378–426-тй б.

Загребин, Е. Е. Ёпкелён : «Писательёс сярысь веросьёс» сузьетысь / Егор Загребин // Кенеш. – 2010. – № 5–6. – 7–14-тй б.

Зайцева, Т. И. Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: национальный мир и человек : монография / Т. И. Зайцева. – Ижевск : Изд-во «Удмурт. ун-т», 2009. – 376 с.

Захаров, П. [Предисловие к публикации автобиографической повести «Дитя большого века»] / Петр Захаров // Инвожо. – 1993. – № 10. – С. 8–9.

Захаров, П. Поиск силы, или Мистическое прозрение в удмуртской литературе / Петр Захаров // Инвожо. – 2004. – № 10. – С. 24–33.

Зеньковский, В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. – М. : Акад. проект : Раритет, 2001. – 878 с.

Зеткина, И. А. Становление и развитие национального просветительства в Поволжье : вторая половина XIX – начало XX вв. : автореф. дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Зеткаина Ирина Александровна. – Саранск, 2005. – 36 с.

Зорин, А. Л. Появление героя : из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века / А. Л. Зорин. – М. : Новое лит. обозрение, 2016. – 568 с.

Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. В 3 т. Т. 1 / Иванов-Разумник. – С.-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1911. – 414 с.

Измайлов, А. А. Вера или неверие? (Религия Чехова) [Электронный ресурс] / А. А. Измайлов // Собрание классики Библиотеки Мошкова (Lib.ru / Классика). – 2004. – Режим доступа: http://az.lib.ru/i/izmajlow_a_a/text_0040.shtml (дата обращения: 20.12.2018).

Измайлова-Зуева, А. С. «Тяжкое иго» Кедр Митрея / А. С. Измайлова-Зуева // Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций / А. С. Измайлова-Зуева. – Ижевск, 1997. – С. 68–95.

Измайлова-Зуева, А. С. Проблема автора и читателя в рассказе Кедр Митрея «Сурсву» («Березовый сок») / А. С. Измайлова-Зуева // Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея. – Ижевск, 2003. – С. 146–150.

Измайлова-Зуева, А. С. Тема язычества и христианства в романе «Тяжкое иго» / А. С. Измайлова-Зуева // Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея. – Ижевск, 2003. – С. 159–167.

Иоффе, Д. Жизнетворчество русского модернизма *sub specie semioticae*. Историографические заметки к вопросу типологической реконструкции системы жизнь↔текст / Д. Иоффе // Критика и семиотика. – 2005. – Вып. 8. – С. 126–179.

Исторический мост : Вужгурт глазами Кедр Митрей. 100 лет спустя : материалы научно-практической конференции / сост. Н. Д. Кузнецова. – Игра : МБУК «Игринская ЦБС», 2015. – 89 с.

История русской литературы. Т. 4. Литература конца XIX – начала XX века (1881–1917) / Ред. тома: К. Д. Муратова. – Л. : Наука. Ленингр. отделение, 1983. – 784 с.

Исхакова, Р. Р. Педагогическое образование в Казанской губернии во второй половине 19 – начале 20 вв. : дис. ... д-ра. пед. наук : 13.00.01 / Исхакова Резеда Рифовна. – Казань, 2002. – 440 с.

К открытию школы кружевниц в Глазовском уезде // Камско-Чепецкий край. – 1912. – № 5 (20 мая). – С. 1.

К устройству музея в городе Глазове // Камско-Чепецкий край. – 1912. – № 3 (1 мая). – С. 2.

Каракулов, Б. И. Удмурт литературной кыллэн сюресэз : XVIII–XXI дауръёс = История удмуртского литературного языка XVIII–XXI века / Б. И. Каракулов. – Ижевск : Удмуртия, 2006. – 208 б.

Каракулова, М. К. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков : учебное пособие / М. К. Каракулова, Б. И. Каракулов. – Ижевск : Издат. дом «Удмурт. ун-т», 2001. – 227 с.

Кедра Митрей. Вужгурт / Кедр Митрей. – Ижевск : Удкнига, 1926. – 127 с.

Кедра Митрей. Идна батыр : 4 йозо трагедия : удмуртъёслэн поръёсын ожмаськон даурзы : XIV даурын вылэм ужъёс : из эпохи борьбы удмуртов с мари в XIV веке / Кедр Митрей. – Иж кар : Удкнига, 1926. – 80 б.

Кедра, Митрей. Юбер батыр : [историческая поэма : на вотском языке] / Кедр Митрей. – Ижевск : Удкнига, 1928. – 26 б.

Кедра Митрей. Секыт зйбет : роман / Кедр Митрей. – Ижевск : Удкнига, 1929. – 225 б.

Кедра Митрей. Моя гордость / Кедр Митрей // Ижевская правда. – 1935. – 31 декабря.

Кедра Митрей. Дитя больного века : отрывки из повести // Избранное / Кедр Митрей. – Ижевск, 1965. – С. 140–200.

Кедра Митрей. Дитя больного века / Кедр Митрей // Инвожо. – 1993. – № 10-12, 1994. – № 1-2.

Кедра Митрей. Дитя больного века : автобиографическая повесть / Кедр Митрей // Инвожо. – 2005. – № 9. – С. 127–160, 168–192.

Кедра Митрей. Секыт зйбет : проза, поэзия / Кедр Митрей ; дасяз В. В. Романов ; азыкылзэ гождиз П. К. Поздеев. – Ижевск : Удмуртия, 1988. – 392 б.

Кедра Митрей. Потрясенный Вужгурт : повесть / Кедра Митрей ; пер. с удмурт. З. А. Веселой. – Ижевск : Удмуртия, 1989. – 224 с.

Кедра Митрейлэн улэмез но творчествоез / дасяз П. К. Поздеев. – Ижевск : Удмуртия, 1968. – 43 б.

Коковина, Н. З. А. К. Шеллер-Михайлов в читательской ситуации 1860-х годов / Н. З. Коковина // Литературное произведение и читательское восприятие : межвузовский тематический сборник / ред. Л. В. Тарасова. – Калинин, 1982. – С. 115–126.

Колесникова, Е. И. Малая проза А. Платонова (контексты и художественные константы) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Колесникова Елена Ивановна. – СПб., 2010. – 38 с.

Корепанов Д. Эш-Тэрек : легенда вотяков / Д. Корепанов // Столичные отзвуки. – 1912. – 8 июля (№ 4). – С. 4.

Корепанов, Д. И. Кедра Митрей / Д. И. Корепанов // Удмурт литература : средней школы учебник : 5-тй классэзлы / Д. И. Корепанов. – Ижевск : Удгиз, 1935. – 29–47-тй б.

Корман, Б. О. Лирика Некрасова / Б. О. Корман. – Ижевск : Удмуртия, 1978. – 300 с.

Красновская, Е. Библиография по творчеству Кедра Митрея / Е. Красновская // Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедра Митрея. – Ижевск, 2003. – С. 331–338.

Кудрявцева, Р. А. Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур Поволжья : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.02 / Кудрявцева Раисия Алексеевна. – Чебоксары, 2009. – 50 с.

Кузнецов, Н. С. Шимес пеймытысь / Н. С. Кузнецов. – Ижевск, 1992. – 304 с.

Кузнецова, Т. Л. Комическое в коми литературе / Т. Кузнецова; Коми респ. ин-т переподготовки и повышения квалификации работников нар. образования. – Сыктывкар : КРИППКРНО, 1994. – 72 с.

Кутявин, А. Н. Роль Казанской учительской семинарии в подготовке учителей для удмуртских школ. 1872–1918 гг. / А. Н. Кутявин // Вопросы истории культуры Удмуртии : сб. ст. – Ижевск, 1984. – С. 56–74.

Кутявин, А. Н. Педагогическое образование в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX века / А. Н. Кутявин // Из истории развития народного хозяйства и культуры Удмуртии в XIX–XX веках : сб. ст. – Ижевск, 1990. – С. 139–165.

Кучерская, М. А. Полезное соседство : Н. С. Лесков в работе над автобиографией [Электронный ресурс] / М. А. Кучерская // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 4. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/7573> (дата обращения: 15.12.2016).

Лавров А. В. Мемуарная трилогия и мемуарный жанр у Андрея Белого / А. В. Лавров // На рубеже двух столетий : воспоминания в 3-х книгах / А. Белый. – М., 1989. – Кн. 1. – С. 4–35.

Лавров, А. В. Дарьяльский и Сергей Соловьев. О биографическом подтексте в «Серебряном голубе» Андрея Белого / А. В. Лавров // Новое литературное обозрение. – 1994. – № 9. – С. 93–110.

Лаптев, А. М. «Пие, калыкын астэ умой возь...» / А. М. Лаптев // Зечбур! – 1992. – 29 июля.

Лаптев, А. М. «Сюлэм бõрдэ, куректэ...» / А. М. Лаптев // «Тй учке чөмгес чукпала...» : кылдунъетъёс, кылужъёс, юан-валэктонъёс / А. М. Лаптев. – Ижевск, 2008. – 58–62-тй б.

Лежён, Ф. От автобиографии к рассказу о себе, от университета к ассоциации любителей : история одного гуманитария / Ф. Лежён // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 83. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2291#sthash.wsPiD5Zu.dpuf> (дата обращения: 21.10.2018).

Леонтьев, Д. А. Жизнетворчество как практика расширения жизненного мира / Д. А. Леонтьев // 1-я Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии : материалы сообщений. – М., 2001. – С. 100–109.

Лимерова, В. А. У истоков коми литературной эпики : описания путешествий, местнографические сочинения / В. А. Лимерова // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности : коллективная монография. – Екатеринбург ; Ижевск ; Сыктывкар, 2014. – С. 110–139.

Литовская, М. А. Кедр Митрей: образ классика-основоположника в современной словесности / М. А. Литовская // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения И. А. Дергачева, Екатеринбург, 6–7 окт. 2011 г. : в 3 т. – Екатеринбург, 2012. – Т. 3. – С. 132–141.

Лотман, Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) / Ю. М. Лотман // Литературное наследие декабристов. – Л., 1975. – С. 25–74.

Лотман, М. Ю. Статьи о русской и советской поэзии / М. Ю. Лотман, З. Г. Минц. – Таллинн : Ээсти Раамат, 1989. – 160 с.

Лотман, Ю. М. Происхождение сюжета в типологическом освещении / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллинн, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 224–242.

Лотман, Ю. М. Лекции по структуральной поэтике / Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М., 1994. – С. 11–264.

Лотман, Ю. М. Пушкин: биография писателя : статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин» : комментарий / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство–СПб., 1995. – 847 с.

Лотман, Ю. М. Карамзин: «Сотворение Карамзина» : статьи и исследования. 1957–1990. Заметки и рецензии / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство, 1997. – 832 с.

Лотман, Ю. М. Литературная биография в историко-литературном контексте : (к типологическому соотношению текста и личности автора) / Ю. М. Лотман // О русской литературе : статьи и исследования (1958–1993) / Ю. М. Лотман. – СПб., 1997. – С. 804–816.

Лотман, Ю. М. Художественное пространство Гоголя / Ю. М. Лотман // О русской литературе : статьи и исследования (1958–1993) / Ю. М. Лотман. – СПб., 1997. – С. 621–658.

Лукашевич, М. Образ приходского священника в русской беллетристике 60-х–70-х г. XIX века : дис. д-ра философии / Лукашевич Марта. – Варшава, 2009. – 257 с.

Лямин, М. А. Кедр Митрей. Биографией // Литературалы дышетскон книга : шор ёзо школаын 7-тй арзэ дышетонлы / М. А. Лямин. – Ижевск, 1933. – 17–19-тй б.

Магомедова, Д. М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока / Д. М. Магомедова. – М. : Мартин, 1997. – 224 с.

Максимов, Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока / Д. Е. Максимов. – Л. : Совет. писатель, 1981. – 526 с.

Маратканова, С. С. Автобиографический жанр в пермских литературах начала XX века : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / Маратканова Светлана Сергеевна. – Саранск, 2006. – 182 с.

Махонина, С. Я. История русской журналистики начала века : учебное пособие [Электронный ресурс] / С. Я. Махонина. – М. : Флинта, 2004. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text1/84.htm> (дата обращения: 15.12.2018).

Мелетинский, Е. М. Культурный герой / Е. М. Мелетинский // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. – М., 1982. – Т. 2. – С. 25–28.

Мицц, З. Г. Понятие текста и символистская эстетика / З. Г. Мицц // Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. – 1 (5). – Тарту, 1974. – С. 134–141.

Мицц, З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов / З. Г. Мицц // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века : Блоковский сборник III / отв. ред. З. Г. Мицц. – Тарту, 1979. – С. 76–120.

Михайловская, Н. М. Романы «Тяжкое иго» Кедр Митрея и «Старый Мултан» М. Петрова : учебное пособие для средних школ Удмуртской АССР / Н. М. Михайловская. – Ижевск : Удмурт. кн. изд-во, 1959. – 89 с.

Морозова, Т. М. Изображение женских образов в произведениях Кедр Митрея / Т. М. Морозова // Вордском кыл. – 2014. – № 7. – С. 32–36.

Насибуллин, Р. Дангыр увеличил окна, поставил косяки... / Р. Насибуллин, В. Семенов // Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея. – Ижевск, 2003. – С. 184–185.

Невский В. Дер. Ниж.-Убытская Ключевской волости (Происшествие) / В. Невский // Камско-Чепецкий край. – 1912. – № 1 (23 марта). – С. 3.

Николина, Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы : учеб. пособие / Н. А. Николина. – М. : Флинта: Наука, 2011. – 424 с.

Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея : воспоминания, статьи, письма, посвящения и произведения Кедр Митрея / сост. З. А. Богомолова. – Ижевск : Удмуртия, 2003. – 352 с.

От редакции // Камско-Чепецкий край. – 1912. – № 5 (20 мая). – С. 5.

Очерки истории удмуртской советской литературы / Н. П. Кралина [и др.]; ред. коллегия: А. И. Писарев, Н. П. Кралина, П. М. Яшин. – Ижевск : Удмурт. кн. изд-во, 1957. – 184 с.

Павленко, Т. А. Протестное движение учащихся православных семинарий в период Первой российской революции (1905–1907 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Павленко Татьяна Анатольевна. – СПб., 2009. – 21 с.

Пан Реймит. Мотовилиха / Пан Реймит // Столичные отзвуки. – 1912. – 4 сент. (№ 5). – С. 3. – (На Руси Великой).

Пан Реймит. С. Игра / Пан Реймит // Камско-Чепецкий край. – 1912. – № 5 (20 мая). – С. 3.

Пан Реймит. Новый Клондайк / Пан Реймит // Наши силы. – 1913. – Пробный №.

Пан Реймит. Эш-Тэрек : из эпохи борьбы вотяков с черемисами. Относится к XV веку : трагедия в 4 действиях / Пан Реймит. – Благовещенск, 1915. – 70 с.

Пан Реймит. Эш-Тэрек : из эпохи борьбы вотяков с черемисами. Относится к XIV веку : трагедия в 5 действиях / Пан Реймит. – Ижевск : Тип. газ. «Ижевская правда», 1924. – 99 с.

Пантелеева, Т. Г. Малая форма прозы / Т. Г. Пантелеева // Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея. – Ижевск, 2003. – С. 143–146.

Паперно, И. А. Семиотика поведения : Николай Чернышевский – человек эпохи реализма / авториз. пер. с англ. Т. Я. Казачинской. – М., 1996. – 207 с.

Паперно, И. А. Самоубийство как культурный институт / И. А. Паперно. – М. : Новое лит. обозрение, 1999. – 256 с.

Песонен, Пекка. Тексты жизни и искусства : статьи по русской литературе / П. Песонен. – Helsinki: University of Helsinki, 1997. – 194 с.

Печерская, Т. И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века. Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики / Т. И. Печерская. – Новосибирск, 1999. – 300 с.

Поздеев, П. Кедр Митрейлэн улон сюресэз : [жизненный путь Кедр Митрея] / П. Поздеев // Вакут. – 1992. – 26 сентябрь.

Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тармарченко]. – М. : Изд-во Кулагиной : Intrada, 2008. – 358 с.

Приложение к «Вятским губернским ведомостям» : [Библиография периодических изданий России. № 6398] [Электронный ресурс] // Беляева Л. Н., Зиновьева М. К., Никифоров М. М. Библиография периодических изданий России, 1901–1916. – Л.: [ГПБ], 1959. Т. 2: И–П. – С. 658. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/periodic/bb-abc/bb2/bb2-6584.htm> (дата обращения: 01.12.2018).

Прокопьев, М. П. Нырысетй ошмес синъёс / М. П. Прокопьев // Молот. – 1960. – № 10. – 24–26-тй б.

Пропп, В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. – Ленинград : Academia, 1928. – 151 с.

Пушкин, А. С. О народности в литературе / А. С. Пушкин // Собрание сочинений в 10-ти томах / А. С. Пушкин. – М., 1962. – Т. 6 : Критика и публицистика. – С. 267–268.

Пчеловодова, Н. А. Кедр Митрейлэн «Чут Макар» но «Шёртчи Ондрей» веросьёсыз / Н. А. Пчеловодова // Вордскем кыл. – 2002. – № 7. – 90–93-тй б.

Пятигорский, А. М. Персонологическая классификация как семиотическая система / А. М. Пятигорский, Б. А. Успенский // Труды по знаковым системам. III. – Тарту, 1967. – С. 17–30.

Рогозина, Е. И. Игровая традиция в итальянском искусстве XX века : театр и кино : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 24.00.01 / Рогозина Елизавета Николаевна. – Ярославль, 2003. – 23 с.

Родионов, В. Г. Сеспель – цветок Земли и Неба / В. Г. Родионов. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2014. – 271 с.

Русская литература XX века : учебник-хрестоматия для 12 класса / Г. Беляя [и др.]. – Таллинн : Коолибри, 2001. – 397 с.

Рыкунина, Ю. Писатели из народа : (авто)биографические тексты и контексты / Ю. Рыкунина // AutobiografiЯ. – 2014. – № 3. – С. 15–29.

Савкина, И. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем : автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века / И. Савкина. – М. : Новое лит. обозрение, 2007.

Саксон, Л. А. Мордовские мотивы и образы в творчестве А. И. Завалишина / Л. А. Саксон // Аспект-1989 : исследования по мордовской литературе. – Саранск, 1989. – С. 161–171.

Самсонов, С. Из цикла «Двенадцать портретов» : [воспоминания о Кедра Митрее, И. Гаврилове, Ф. Васильеве] / С. Самсонов ; пер. с удмурт. М. Самсоновой // Луч. – 1994. – № 1. – С. 49–51.

Сарычев, В. А. Эстетика русского модернизма : проблема «жизнетворчества» / В. А. Сарычев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. – 320 с.

Сент-Бёв, Ш. О. Из работ разных лет / Шарль-Огюстен Сент-Бёв // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. : трактаты, статьи, эссе. – М., 1987. – С. 39–38.

Серова, М. В. Поэтика «отказа» в творческом поведении Ашальчи Оки / М. В. Серова // Проблема культурно-исторической идентичности в литературе Удмуртии / М. В. Серова, И. С. Кадочникова. – Ижевск, 2014. – С. 12–25.

Скафтымов, А. П. Тематическая композиция романа «Идиот» // А. П. Скафтымов / Нравственные искания русских писателей : статьи и исследования о русских классиках / А. П. Скафтымов. – М., 1972. – С. 22–88.

Созина, Е. К. Комиэтничность К. Ф. Жакова в контексте русской культуры / Е. К. Созина // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 14. – 2007. – № 53. – С. 222–230.

Сотрудник печати: [Библиография периодических изданий России. № 7809] [Электронный ресурс] // Беляева Л. Н., Зиновьева М. К., Никифоров М. М. Библиография периодических изданий России, 1901–1916. – Л.: [ГПБ], 1960. Т. 3: Р–Я. – С. 268. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/periodic/bb-abc/bb3/bb3-2681.html> (дата обращения: 12.10.2018).

Стенник, Ю. В. Жанр трагедии в русской драматургии XVIII века [Электронный ресурс] / Ю. В. Стенник. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5733> (дата обращения: 11.10.2018).

Творчество К. Ф. Жакова / В. Н. Демин [и др.];– Сыктывкар : Коми науч. центр УрО АН СССР, 1991. – 56 с.

Теория литературных жанров : учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / М. Н. Дарвин [и др.] ; под ред. Н. Д. Тамарченко. – М. : Издат. центр «Академия», 2011. – 256 с.

Теория литературы : учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений. В 2 т. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. – М. : Издат. центр «Академия», 2004. – 512 с.

Толстой, Л. Н. Крейцера соната / Л. Н. Толстой. // Собрание сочинений. В 22 т. – М., 1982. – Т. 12. – С. 123–196. – Режим доступа: http://www.rvb.ru/tolstoy/01text/vol_12/01text/0284.htm (дата обращения: 26.12.2018).

Толстой, Л. Н. Семейное счастье / Л. Н. Толстой // Собрание сочинений. В 22 т. / Л. Н. Толстой. – М., 1979. – Т. 3. – С. 72–150. – Режим доступа: http://www.rvb.ru/tolstoy/01text/vol_3/01text/0022.htm (дата обращения: 26.12.2018).

Топоров, В. Н. Странный Тургенев (Четыре главы) / В. Н. Топоров. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998. – 192 с.

Трушина, Е. А. Лирика Ю. В. Жадовской (мировидение и поэтика) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Трушина Елена Анатольевна. – Пенза, 2003. – 24 с.

Тынянов, Ю. Н. Литературный факт / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М., 1977. – С. 255–270.

Тынянов, Ю. Н. О литературной эволюции / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. – М., 1977. – С. 270–283.

Уваров, А. Н. Художественное своеобразие удмуртской сатиры / А. Н. Уваров. – Ижевск : Удмуртия, 1979. – 132 с.

Успенский, Б. А. Семиотика искусства / Б. А. Успенский. – М. : Языки рус. культуры, 1995. – 537 с.

Успенский, П. Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. – 1917 г.) / Павел Успенский. – Tartu : Univ. of Tartu press, 2014. – 214 с.

Фарино, Е. Введение в литературоведение / Ежи Фарино. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 639 с.

Фёдоров, А. В. «Дон Жуан А. К. Толстого»: между верой и бунтом / А. В. Фёдоров // Литература в школе. – 2009. – № 3. – С. 13–16.

Фрайман, Т. Н. Творческая стратегия и поэтика Жуковского (1800 – первая половина 1820-х годов) / Т. Н. Фрайман. – Тарту, 2002. – 161 с.

Франк, С. Л. Этика нигилизма. К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции [Электронный ресурс] / С. Л. Франк // Вехи : сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1909. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/vehi/frank.html> (дата обращения: 21.10.2017).

Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. – М. : Лабиринт, 1997. – 445 с.

Хроника // Камско-Чепецкий край. – 1912. – № 1 (23 марта). – С. 2.

Хроника // Камско-Чепецкий край. – 1912. – № 2 (8 апреля). – С. 2–3.

Худенко, Е. А. Жизнетворчество как метатекст: Мандельштам – Зощенко – Пришвин (30–40-е гг.) : монография / Е. А. Худенко. – Барнаул, 2011. – 165 с.

Худенко, Е. А. Жизнетворчество Мандельштама, Зощенко, Пришвина 1930–1940-х гг. как метатекст : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Худенко Елена Анатольевна. – Барнаул, 2012. – 390 с.

Худенко, Е. А. Жизнетворчество писателя как текст: особенности структуры / Е. А. Худенко // Филология и человек. – 2016. – № 2. – С. 166–176.

Чернов, И. А. Из лекций по теоретическому литературоведению. Барокко / И. А. Чернов. – Тарту, 1976. – 186 с.

Чернышевский, Н. Г. Антропологический принцип в философии / Н. Г. Чернышевский // Сочинения. В 2 т. / Н. Г. Чернышевский. – М., 1987. – Т. 2. – С. 146–229.

Чехов, А. П. Тяжелые люди / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1976. – Т. 5. – С. 323–330. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/sp5/sp5-323-.htm> (дата обращения: 27.09.2017).

Чирков, Н. Некоторые принципы драматургии Шекспира [Электронный ресурс] / Н. Чирков // Шекспировские чтения. – М., 1977. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature3/chirkov-77.htm> (дата обращения: 23.06.2015).

Шеллер-Михайлов, А. К. Гнилые болота, история без героя. В двух частях / А. К. Шеллер-Михайлов // Полное собрание сочинений / А. К. Шеллер-Михайлов. – СПб. : Издание А. Ф. Маркса, 1904. – Т. 1. – С. 33–212.

Шибанов, В. Л. Особенности сюжетного построения романа Кедр Митрея «Тяжкое иго» / В. Л. Шибанов // Движение эпохи – движение литературы : удмуртская литература XX в. : учеб. пособие. – Ижевск, 2002. – С. 64–69.

Шкловский, В. Б. Двойники и о «Двойнике» / В. Б. Шкловский // За и против : заметки о Достоевском / В. Б. Шкловский. – М., 1957. – С. 51–63.

Шкляев, А. Г. Романтические тенденции в удмуртской литературе / А. Г. Шкляев // Sessiones Sectionum Dissertationes: Litteraria : Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum, Debrecen, 27.VIII – 2.IX 1990. – Debrecen, 1990. – С. 111–116.

Шкляев, А. Г. Времена литературы – времена жизни : статьи об удмуртской литературе / А. Г. Шкляев. – Ижевск : Удмуртия, 1992. – 208 с.

Шкляев, А. Г. Солэн улонэз – быдэс история : Кедр Митрей (1892–1949) / А. Г. Шкляев // Чашьем нимьёс / А. Г. Шкляев. – Ижевск, 1995. – 92–93-тй б.

Шкляев, А. Г. «...Мы все время добивались справедливости...» / А. Г. Шкляев // Опаленный подвиг батыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея. – Ижевск, 2003. – С. 272–275.

Шкляев, Г. К. Межэтнические отношения в Удмуртии. Опыт историко-психологического анализа / Г. К. Шкляев. – Ижевск : Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1998. – 213 с.

Шкляев, Г. К. Очерки этнической психологии удмуртов / Г. К. Шкляев. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2003. – 308 с.

Эйхенбаум, Б. Молодой Толстой [Электронный ресурс] / Б. Эйхенбаум. – Петербург ; Берлин : Изд-во З. И. Гребжина, 1922. – 156 с. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/emt/emt-001-.htm> (дата обращения: 21.11.2018).

Эпштейн, М. Н. Князь Мышкин и Акакий Башмачкин : (к образу переписчика) [Электронный ресурс] / М. Н. Эпштейн. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. – М. : Советский писатель, 1988. – С. 65–80.

Эш-Тэрэк // Песни и сказки удмуртского народа / Союз советских писателей, Кировское краевое отделение ; сост. А. Алдан. – Киров : Краевое издательство, 1936. – С. 54–58.

Эш-Тэрэк // Удмуртские народные сказки / Удмуртский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и фольклора при Совете Министров УАССР ; сост. А. Н. Клабуков. – Ижевск : Удмуртгосиздат, 1948. – С. 18–20.

Эш-Тэрэк // Удмурт калык выжыкылъёс / История, кылья, литература но фольклорья удмуртской научно-исследовательской институт ; сборникез дасязы А. Н. Клабуков но Н. П. Кралина. – Ижевск : Удмуртской книжной издательство, 1954. – 5-тй б.

Эш-Тэрэк // Сто сказок удмуртского народа / Удм. науч.-исслед. ин-т истории, экономики, лит. и языка при Совете М-в УАССР ; сост. Н. П. Кралина. – Ижевск : Удм. кн. изд-во, 1960. – С. 42–44.

Grossman, J. D., Valery Briusov and Nina Petrtovskaia: Clashing Models of Life in Art / J. D. Grossman // Creating Life : The Aesthetic Utopia of Russian Modernism / ed. by I. Paperno and J. D. Grossman. – Stanford, 1994. – P. 122–150.

Hansen-Loëve, A. A. Der Russischer Symbolismus. System und entfaltung der poetischen motive. Diabolischer Symbolismus / A. A. Hansen-Loëve. – Wien : Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1989. – 562 s.

Schahadat, Sch. Die Geburt des Autors aus der Mystifikation. Valerij Brjusov, die Signatur und der Stil» / Sch. Schahadat // Mystifikation – Autorschaft – Original / S. Frank [und andere] – Tübingen, 2001. – S. 183–205.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИУФФУиЖ УдГУ – Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета

ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан

НМ УР им. К. Герда – Национальный музей Удмуртской Республики имени Кузебая Герда

НОА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН; РФ – Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук; рукописный фонд

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики

ЦДНИ УР – Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики

Научное издание

Лариса Александровна Дмитриева

ТВОРЧЕСТВО КЕДРА МИТРЕЯ:

литературные модели и жизненные стратегии

Монография

Печатается по решению
Ученого совета Удмуртского института истории, языка
и литературы УдмФИЦ УрО РАН

Оригинал-макет, компьютерная верстка И. В. Широковой
Редактор Д. И. Черашняя
Дизайн обложки А. Р. Романова

Подписано в печать 15.05.2019. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура тип Times. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,77. Уч.-изд. л. 10,1.
Тираж 300 экз. Заказ № 287.

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
Удмуртский институт истории, языка и литературы
426004. Ижевск, ул. Ломоносова, 4.
Тел. (3412) 68-52-94 Факс (3412) 68-39-94 <http://udnii.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Издательство «Шелест»
426060. Ижевск, ул. Энгельса, 164.
+7 (904) 317-76-93 +7 (963) 548-51-43
shelest.izd@yandex.ru malotirazhka@mail.ru

ISBN 978-5-6042700-1-1

9 785604 270011